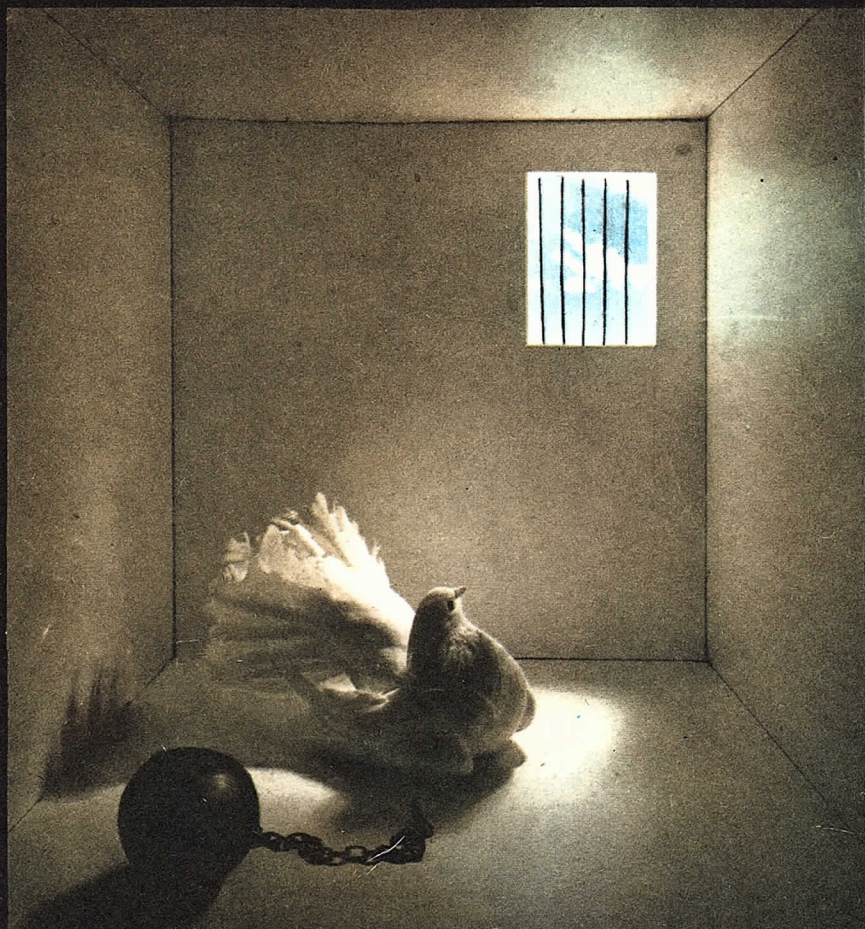

Германн ГАРТФЕЛЬД

ИРИНА

Германн ГАРТФЕЛЬД

ИРИНА

Повесть из жизни верующих в бывшем СССР

(События этого повествования реальны,
фамилии персонажей изменены)

Издательство «Стефанус»
1994

Irina

German Edition

Copyright 2015 Voice Media

info@VM1.global

Web home: www.VM1.global

All rights reserved. No part of the publication may be reproduced, distributed or transmitted in any form or by any means, including photocopying, recording, or other electronic, or mechanical methods, without the prior written permission of the publisher, except in the case of brief quotations embodied in critical reviews and certain other noncommercial uses permitted by copyright law. For permission requests, email the publisher, addressed “Attention: Permission Coordinator,” at the address above.

This publication **may not be sold, and is for free distribution** only.

Перевод с английского Валентины Курат.

Литературный редактор Лев Хмельковский

на обложке плакат "Международной амнистии"

Персонажи этой книги:

Никитины:

- Александр, Саша — проповедник зарегистрированной общины евангельских христиан-баптистов,
- Андрей — отец Саши, проповедник нерегистрируемой общины евангельских христиан-баптистов,
- Наталья — мачеха Саши,
- Михаил Сеницын — родственник Никитиных, член ЦК КПСС.

Соколовы:

- Ирина — кандидат наук, однокурсница Саши Никитина,
- Юрий — отец Ирины, психиатр,
- Владимир — дедушка Ирины,
- Пелагея — бабушка Ирины.

Кузнецовы:

- Василий — священник Русской православной церкви,
- Иван Николаевич — отец Василия, профессор,
- Нора — мать Василия, актриса,
- Тамара — сестра Василия, студентка.

Серовы:

- Сергей — родственник Соколовых, офицер КГБ,
- Любовь — жена Серова,
- Алексей, Нина, Светлана, Игорь — дети Серовых.

Неверовы:

- Игнат — водитель автобуса, верующий,
- Валентина — жена Игната.

Козлов

- офицер КГБ.

Лебедевы:

- Николай — старший надзиратель в тюрьме,
- Иван и Алексей — его сыновья.

Царапкин

- уполномоченный Совета по делам религий.

Кошкин

- психиатр, сотрудник КГБ.

Самоваров

- сотрудник КГБ.

Рябушин

- ветеран труда, коммунист, ставший верующим.

Иосиф Лупа

- ветеран войны, верующий.

Майор Лупа

- майор милиции, старший внук Иосифа Лупы.

Семен Анакин

- проповедник общины христиан веры евангельской.

Иван Кребс

- лютеранин.

Полевой

- проповедник-баптист из Сибири.

I. ПОЕЗД ИЗ КИЕВА

Поезд ушел из города. Большие дома сменились маленькими, за ними появились деревянные дачки на садовых участках, а потом лишь бескрайние поля зазеленели в просветах между лесополосами. Саша Никитин любил глядеть в вагонное окно на пронсящиеся перелески, поля, дороги... Но сегодня мысли его занимали свежие воспоминания о дискуссиях с верующими в Киеве.

Речь шла о выработке устава нерегистрируемых общин церкви евангельских христиан-баптистов, которые назвали себя Советом церквей. На досуге хотелось поразмыслить об услышанном, уточнить собственную позицию.

Саша Никитин, сидя в вагоне, порадовался тому, что имеет возможность без ограничений ездить поездом по этой немного сумасшедшей, не совсем понятной стране. Он ведь был проповедником в официально признанной, зарегистрированной общине баптистов, а это ведь совсем не то, что состоять в Совете церквей. На первый взгляд, всех верующих объединяли святая, благодатная общность, молитва, причастность к извечному таинству, атмосфера любви. Но посвященный в дела церкви человек знал, что на самом деле в ее лоне не утихают словесные распри, настоящие баталии, а власти внимательно следят за всеми, их передвижениями, встречами, связями, письмами.

Встречи в Киеве многое прояснили... Саша и раньше не мог принять в качестве неопровержимых фактов заявления о баптистах-раскольниках, "врагах установленного порядка". А после бесед с верующими в Киеве он утвердился в том, что все эти ярлыки наклеивают функционеры идеологического аппарата государственной коммунистической пропаганды. Высокая духовность, открытость, ясность мышления киевских братьев покорили Сашу. Многие их высказывания он с удовольствием записывал бы в тетрадь, если бы не понимание губительности таких записей для себя и других. Один из братьев говорил:

— Ленин был прав, заявляя, что государство должно содержать палача для усмирения угнетенных и священника для успокоения их рассказами о райской жизни на небесах. Но мы, церковь, всегда ли говорим правду людям? Не оправдываем ли мы свою бездеятельность стечением суровых обстоятельств?

"Если так говорят о себе руководители гонимой церкви, то что же можно сказать о нашей?" — подумал Саша.

— Мое почтение! — мелодичный голос молодой женщины довольно фамильярно оборвал размышления Саши.

— Здравствуйте! — рассеянно ответил Саша.

— Не занято ли место в этом купе? — продолжила женщина.

— Нет, нет, прошу садиться, — несколько суетливо ответил Саша, отодвигаясь вдоль скамьи.

Женщина села, не без озорства поглядела на Сашу и вновь спросила:

— Не скучно без попутчика?

— Нет, не тревожьтесь, — немного невпопад ответил он, а про себя подумал: “Она из тех, от кого не отвяжешься!” При этом он искоса посмотрел на женщину и вдруг открыл рот от изумления:

— Ирина Соколова!

— Да, это я, — просто ответила пришедшая и протянула ему руку. — Не правда ли, удивительно: ожидая поезд, я подумала, что хорошо бы встретить в дороге кого-нибудь из наших студентов. Захожу в вагон, а здесь — ты? Сколько лет мы не виделись?

— Пять лет прошло с того дня, как меня исключили из университета. Вот с тех пор и не виделись. Не так ли?

— Ты прав, Саша. А твоя боль, я вижу, все еще не улеглась?

— Увы! Рассудком понимаю, что случившееся нельзя считать трагедией, ведь многим пришлось уплатить более высокую цену. Но иногда, особенно ночью, так вдруг станет досадно, так больно: за что меня так? Это ведь был уже последний семестр! Почти на вылете... И за что? За веру? Это ведь очень личное, это ведь только мое!

— Подожди, Саша, не волнуйся. Не надо вспоминать былое — все равно уже ничего не вернуть, не поправить.

Саша посмотрел на Ирину с признательностью. В университете Саша всегда ждал встречи с ней, хотя очень смущался, чувствовал себя неловким, неуклюжим. Ждал ее взгляда и когда замечал, что большие голубые глаза девушки обращены к нему, волновался и ощущал прилив сил, радость жизни, душевный подъем.

Нередко на вечерних, “свободных” лекциях-диспутах он старался сесть рядом с Ириной и тогда незаметно рассматривал ее лицо, лаская взглядом нежные черты. При этом он был абсолютно равнодушен к теме общего разговора.

Однажды, студент-доброжелатель, не подозревая о чувствах, охвативших Сашу, прошептал ему:

— Будь поосторожнее — она дочь врача, который раньше работал в КГБ!

Саша отшутился, но слова приятеля запали в душу и долго как заноза бередили ее, нарушая обычное спокойствие. И сейчас Саша с болью вспоминал это неожиданное сообщение.

— О чем задумался, приятель? — шутливо спросила Ирина.

— Прости, — вздрогнул Саша. — Увлекли воспоминания. А как там было после моего изгнания?

— Я ведь как-раз хочу поговорить о твоём деле, но не могу до тебя достучаться. Ты же знаешь, что подобные истории в нашей стране окружают такой тайной, что только слухи доносятся из-за тяжелых дверей ответственных кабинетов. Во всяком случае у меня сложилось такое представление. Ты позволил втянуть себя в спор о взаимоотношениях науки и религии. Начало всей этой истории я очень хорошо помню, потому что на свободной дискуссии декан попросил меня поподробнее записать все выступления, чтобы он мог лучше узнать настроения студентов, их нужды и запросы. Я была очень наивна и не могла даже предположить, что мои записи будут использованы против тебя. Помнится, ты говорил, что наука ограничивается исследованиями природного феномена, связями внутри общества. Религия не занята духовностью человека при жизни и после смерти, всей сферой трансцендентальных сил. Наука ограничена в своем потенциале и полученные ею знания относительны. Если бы наука перестала нападать на религию, то получила бы в ее лице незаменимого союзника. Не так ли?

— Феноменальная память! — удивился Саша.

— Да нет, это так, личное, — потускнела Ирина. — Что было с тобой потом, мы не знали. При всех сообщили, что ты заболел... ну, как сказать... немного тронулся головой от переутомления, поэтому твои так называемые философствования — бред душевнобольного. Посочувствуем, мол, заболевшему товарищу... А помнишь, что тебе сказал декан на прощанье?

— Смутно, я ведь был взволнован... Что-то о дочери...

— Да-да, он заявил, что хотел предложить тебе руку дочери, а теперь ему остается лишь произнести — вон из университета! Мы едва не рассмеялись: он говорил это каждому парню, который что-либо натворил! Бедная дочурка! Но смех-то был у нас сквозь слезы...

— Дочь у декана была красotka! Помню, как она полуголая прыгала у нас под окнами на спортплощадке.

— Эй, служитель культа! — погрозила Ирина пальцем. — Возлюби недруга своего.

— Откуда тебе известно, что я служитель? — удивился Саша и недоброе воспоминание вновь шевельнулось в нем.

— Да я ведь, Саша, из Киева еду... А в Киеве состою в дозволенной властями баптистской общине. Там и слышала о тебе.

Саша на мгновение потерял дар речи: “Ирина — верующая? Как же это случилось? Когда? А не по заданию ли она попала в общину? Не из тех ли она людей, которых специально посылают в общины, чтобы, завоевав доверие, сеять среди верующих подозрения, клевету, ссоры?” Это предположение омрачило радость Саши от встречи с Ириной. Не уйти ли ему в соседний вагон? Саша недавно прочел книгу “Предатель”, изданную во Франции, и, обсуждая ее тему с пресвитером, услышал, что и в нашей стране не были редкостью случаи, когда КГБ вынуждало к сотрудничеству даже священнослужителей. А уж завербовать студентку было бы совсем несложно.

Ирина заметила, что Саша опять далеко в своих мыслях. Интуитивно она поняла, что беспокоило ее молодого попутчика.

— Послушай, Саша, я хочу тебе немного рассказать о себе. Возможно, ты помнишь, что я — единственное дитя. Мой отец не женился второй раз из-за меня. Я никогда не знала моей мамы и никогда не видела ее. По какой-то причине папа не говорил о ней. В нашей квартире однажды убирала некая женщина. От нее я узнала о собраниях верующей молодежи возле Киева. Я решила пойти и посмотреть на все это из чистого любопытства. Эта женщина рисковала, сказав мне об этом. Я даже не знаю, почему она мне это сказала, но у нее, должно быть, была причина доверять мне. На собрании, казалось, никто не относился ко мне подозрительно, я могла говорить свободно и открыто со многими людьми. Потом Иосиф Бондаренко начал проповедывать. Его слова так волновали меня, что сразу же после его проповеди я вышла вперед и объявила, что хочу служить Богу. В тот момент, конечно, я еще не понимала, что сделала. После служения руководители общины долго говорили со мной, объясняя возможные последствия моего решения. Но я была так исполнена радости, что настаивала на своем решении.

Ирина помолчала, вспоминая трудный день:

— Придя домой, я рассказала моему отцу все, что сделала. Он устался на меня, абсолютно не веря и ничего не сказал. Казалось,

что он лишился дара речи. Он долго так сидел, время от времени восклицая: “О, нет! Как это могло произойти? О, Боже, какой ужас! Сначала ее мать, а теперь она...” Мне было его так жалко! Я обняла отца, села возле него на диване и попросила рассказать о моей маме. Но он мягко оттолкнул меня и углубился в чтение. На следующее утро отец выглядел таким печальным, что я по-настоящему перепугалась. Он не притронулся к еде. Потом взял мое лицо в свои руки и сказал: “Во всем мире у меня нет никого, кроме тебя. Из-за тебя я отказался от карьеры. Но что это изменило? Я все равно потерял интерес к службе. Но я не хочу потерять тебя! Ты можешь рассчитывать на меня, независимо от того, что с тобой случится. Я буду бороться за тебя!” Потом он ушел на работу. Однако, что-то из всей этой истории сделало меня счастливой: я поняла, что моя мама была верующей, христианкой. Ты не представляешь, что это значит для меня! Сейчас я кандидат наук, технолог, усиленно работаю над докторской диссертацией. Вряд ли мне удастся ее защитить. Ты ведь знаешь, что в нашей стране верующих не допускают к научной работе.

Саша слушал мягкий голос Ирины и сердце его смягчилось. “Конечно я могу доверять ей”, — подумал он.

— Да, я знаю все это. И не забываю, — ответил он печально. И внезапно спросил:

— Так ты не вышла замуж за Виктора?

— О, это очень печальная история. Но я расскажу. Ты знаешь, что он был сыном первого секретаря райкома партии. Свои люди... Мне трудно было избавиться от него. Приходил с вином, ждал угощения. Терпела... За ним водились темные делишки. Высокая должность отца позволяла уходить от ответственности. Но снежный ком уже катился под гору. На этот раз они не смогли его выручить: ограбление, убийство, тюрьма.

Саша решил поговорить с Ириной о Киеве.

— Какого ты мнения о Совете Церквей? У меня сложилось впечатление, что благодаря работе, проводимой этими людьми, мы в легальных общинах имеем больше свободы.

— Мой папа говорит, что эта свобода продлится до тех пор, пока атеисты разделаются с Советом Церквей. С моей точки зрения, церковь должна сейчас спросить себя, осознает ли она свою ответственность перед обществом. И стоит ли ползать в пыли перед сильными мира сего, прямо и косвенно защищая политические цели

коммунистической партии, которой абсолютно безразличны истинные нужды народа.

Саша кивнул в знак согласия.

— Более того, — продолжала Ирина, — я верю, что Георгий Винц и руководители его движения твердо стоят на основании, базирующемся на учении Христа и его апостолов. Однако, не наделали ли обе стороны ошибок во время переговоров и последующих попыток прийти к взаимопониманию? Люди стали неистовыми, чувствуют себя оскорбленными тем, что говорили другие. Теперь они раздражены друг против друга. Я думаю, это плачевная ситуация. Я написала об этом Храпову, он сейчас в тюрьме. К сожалению, мне сказали, что мое письмо никогда не дойдет до него. Возможно, мы наделали еще больше серьезных ошибок — кто знает? Это не значит, что наши ошибки причинили беду, это лишь значит, что наши общины не готовы их признать. Карев был прав, когда сказал, что наше братство соединено нержавеющими цепями. Мы связаны по рукам и ногам. Мы обязаны плясать под дудку дирижера, которым стал атеистический коммунизм, и выполнять приказания партии, независимо от нашего желания. Эти люди не признают ни свободы личности, ни свободы совести. Это действительно так. Саша, мы должны быть реалистами и осознавать существование этих нержавеющих цепей. Но хотя мы связаны по рукам и ногам, это еще не значит, что мы лишены слова. Мы должны стать голосом правды и справедливости, несмотря на то, что это будет стоить дорого. Во всем этом я вижу одну опасность: вы, проповедники Слова, осмеливаетесь говорить только то, что позволяют вам говорить власти. И в этом суть дела.

Волнуясь, Ирина, видимо, не осознала, что могла глубоко ранить собеседника своими словами. Но Саша не чувствовал себя целью ее горьких слов. Его взгляды были очень схожи со взглядами Ирины.

— Ты слышал, что создан комитет по мирному сосуществованию церкви и правящей партии? — продолжала Ирина. — Мы планируем диалог с правительством, с помощью которого мы хотим выяснить статус церкви в обществе.

Саша поднял брови и покачал головой:

— Никто не заставит меня участвовать в этом. Я уже однажды обжег пальцы...

Увидев понимающую улыбку Ирины, он спросил:

— И каковы же пункты вашей повестки дня?

Ирина оживилась:

— Прежде всего, мы хотим объяснить партии, что философия жизни — личное дело человека, и не дело партии — совать туда свой нос. Другими словами, мы хотели бы, чтобы марксизм перестал провозглашать свою собственную точку зрения как единственную, которую может иметь человечество. Марксисты не должны говорить, что их философия единственно правильная.

Саша неожиданно для себя рассмеялся. Он процитировал Ленина: “Все, придерживающиеся таких взглядов, есть трусы, и враги марксистской философии”. Его голос приобрел непривычную настойчивость и заставил Ирину сидеть и слушать.

— С такими идеями вы все очень быстро закончите в психиатрической лечебнице. Я не думаю, что из вашего диалога может получиться что-либо здоровое.

— Оставь это!

Почувствовав, что зашел слишком далеко, Саша добавил:

— А кто у вас в комитете?

Ирина была раздосадована Сашиной речью, но не показала этого.

Все члены комитета — академики. Среди них есть православные, баптисты, пятидесятники и члены некоторых других религиозных союзов. Ты ведь знаешь, Саша, что марксизм отрицает все виды личной свободы? Достаточно того, что Ленин поддержал эту точку зрения! Теперь эта философия силой навязана всей стране, она стала как бы религией. Это ничто иное, как ограниченность и равнодушие к объективной реальности, стремление любой ценой утвердить идею об одноклассовом обществе. Это просто форма сектантства.

Саша кивнул. Он все знал о марксизме и понимал, что коммунистическая партия следует политическим курсом на тотальное разрушение буржуазной идеологии, частью которой, с точки зрения коммунистов, является религия.

— Партия никогда не откажется от своей диктаторской власти, — решительно сказал Саша. — К сожалению, я не могу участвовать в этом, Ирина. Свое призвание я вижу в том, чтобы знание Библии и духовное оружие членов моей общины позволяли им противостоять любым попыткам разрушить их духовную жизнь.

— Но если мы не сумеем убедить правителей государства в нашей правоте, то кто сделает это вместо нас? — не сдавалась Ирина. — Мы хотим объяснить, что россияне, в основном, религиозные люди, и это должно подействовать. Только духовное обновление может еще спасти Россию. Только Слово Божье может повлиять на человека в положительном смысле и дать ему внутренний мир. Евангелие имеет динамизм, силу преобразить целый народ.

Девушка выглядела решительной, очаровывая пылающими щеками и сиянием глаз. Саша улыбнулся:

— Хорошо, хорошо! Я сдаюсь! Мне что-то подобное говорил один из членов Совета Церквей. И я тоже так думаю. И все же я сомневаюсь, что диалог с партией по этому вопросу принесет нужный результат. Мне кажется, что Центральный Комитет вас вежливо выслушает, а потом отправит в психиатрическое заведение. Они уже поступили так с сотнями диссидентов. А тебя, моя разумница, я не хотел бы там видеть.

Саша посмотрел в ее голубые глаза, но вдруг смутился и отвел взгляд.

Поезд приближался к конечной станции. За окном уже мелькали окраины Гомеля. Саша собрал книги, блокноты и запихнул их в просторный портфель. Он намеревался ехать в Бобруйск, тогда как Ирина собиралась проведать подругу в Гомеле.

Предстоящее расставание повергло Сашу и Ирину в молчание. Саша был взволнован неожиданной встречей. Он чувствовал, что Ирина обращалась к нему с уважением, но довольно сдержанно. Вдруг его охватил страх за ее будущее. Они играют с огнем, эти глупые дети. Он ничего не мог придумать, чтобы предостеречь ее. Если бы только она позволила! Он посмотрел ей в глаза и сказал:

— Ирина...

Он намеревался предостеречь ее, попросить остаться в стороне от смертельно опасного дела, но слова застряли у него в горле. Ирина смотрела на него с пониманием.

— Я буду молиться о тебе всегда, — сказала она просто, вроде бы то, о чем они говорили, было само собой разумеющимся. Саша раскрыл портфель, достал оттуда книгу и вручил ей. Это был “Материализм и эмпириокритицизм” Ленина.

— Прочитай на досуге. Это будет очень полезно для беседы с Центральным Комитетом. Кстати, а что твой отец говорит обо всем этом?

Она улыбнулась:

— Он просто говорит: “Моя милая Ирина, ты очень наивна!”

Поезд остановился. Они вышли. Ирина беззаботно помахала Саше рукой и поспешила к выходу. Саша пошел искать свой поезд.

2. “ЛЕТАЮЩИЙ ДИНАМИТ”

Ирина принадлежала к избранной группе верующих, которым было позволено продолжать научно-исследовательскую деятельность. Ведь ее отец, Юрий Соколов, был авторитетным психиатром с большими связями за границей. Это защищало Ирину от обычных трудностей, хотя бы на время. Но в семье Соколовых понимали, что все может измениться к худшему.

Юрий Владимирович чувствовал, что многих настораживает его прежняя работа в КГБ. И сам он тоже помнил это слишком хорошо: Коллеги считали Соколова удивительным идеалистом и жалели его из-за трагедии, которая постигла его в личной жизни. Многих удивляло его решение после смерти любимой женщины остаться вдовцом до конца своих дней.

Соколов перенес неизжитую любовь к умершей жене на их любимую дочь Ирину. Он жил и работал для нее, терпел ради нее многие неудобства. На досуге он мечтал о том, как уйдет из активной деятельности и, будучи еще не старым человеком, посвятит себя играм с внуками, проведет остаток своих дней с любимой семьей.

Соколов не боялся смерти. Он никогда не задумывался над тем, что может случиться с ним после жизни. Он был агностиком и рассматривал воинствующий атеизм как чудачество людей, пресытившихся идеализмом. Церковью он не интересовался. Соколов рассматривал церковь как “жалкую рептилию”, ползающую перед всемогущим режимом, и защищающую любое действие этого режима, постоянно пребывая на стороне угнетателей.

Ирина страдала от негативного отношения ее отца к христианству. Особенно огорчило Ирину его заявление, что он не будет препятствовать ее вере в Бога, но что он сам не желает слышать о Нем.

И все же, когда Ирина принесла домой декларацию Совета Церквей об их выходе из баптистского Союза, Соколов прочел ее с большим интересом. Позиция авторов этого документа, их аргументы вызвали в нем невольное уважение.

Дух пробуждения, который пронесся по русским общинам протестантской церкви, принес много хлопот партийно-советской элите. Что власти могли сделать с людьми, выступления которых прямо противоположны курсу партии на уничтожение религии? Эти люди стали теперь довольно упрямы и вслух говорят о том, что КГБ не имеет права вмешиваться во внутренние дела общин.

Коммунистическая партия вдруг обнаружила, что десятилетия самых жестоких преследований за веру дали эффект не больший, чем след от маленького камушка, брошенного в большую воду. Число христиан увеличилось вдвое! КГБ вынужден признать, что церковь избежала механизма контроля. Верующие, преследуемые за их веру, просто ушли в подполье. В определенных интеллектуальных кругах эти подпольные общины считались нелегальными телами или "немой церковью". Однако именно они приобретали сотни и тысячи душ для Христа.

В руководящих партийных кругах, обсудив положение, решили создать признанную государством протестантскую церковь, которая действовала бы под контролем партии.

Сначала члены церкви решили, что случилось настоящее чудо и государство, наконец, образумилось и предоставило общинам неограниченную свободу в религии, что произошло нечто, никогда доселе в России не случавшееся.

Но чуда не было! Партия еще раз пересчитала членов протестантской церкви и обнаружила, к своему удивлению, что христианство стоит на ногах много крепче, чем это казалось организаторам атеистической пропаганды. После этого шокирующего открытия, партия поспешно разрешила зарегистрировать только одну пятую часть всех членов протестантской церкви и предоставить место для богослужений только этой небольшой группе. Коммунисты сделали вид, что остальных верующих просто не существует.

Сотворив таким образом "привилегированную" и "запрещенную" церкви, партия пришла к выводу, что по ленинскому, проверенному временем, принципу, можно настраивать одну группу верующих против другой. Чтобы быть абсолютно уверенным, что этот план сработает, партийные аппаратчики додумались до того, что доверенным людям, проникшим в церкви, поручили ключевые позиции в новых общинах.

Группе доверенных людей КГБ поручило распространять в западном мире добрую весть о том, что свобода религий воцарилась в

СССР. Газеты утверждали, что верующие, отбывающие свои сроки в тюрьмах, лагерях и психиатрических больницах, на самом деле были обычными уголовными преступниками.

Плесень взаимного недоверия затягивала общины. Кто искренне веровал, а кто притворялся? С кем можно было говорить без утайки, а кто был агентом КГБ?

Конфликт в протестантской церкви становился настолько разрушительным, что ее руководители поняли необходимость реформирования официально признанной церкви. Основной задачей перемен было исключение влияния КГБ на дела церкви.

Реформаторы не упрекали государство в преследовании религии. Наоборот, они утверждали, что им вполне понятна позиция атеистического государства по отношению к церкви, но хотели объяснить верующим и их противникам, что истинный верующий предпочтет страдания и даже смерть за Слово Божье и за церковь роли куклы в руках КГБ, способной повредить всему христианству. Государство же, с другой стороны, было готово саботировать любую братскую встречу, которая могла разрядить атмосферу недоверия между двумя фракциями церкви.

После того, как официально признанная церковь согласилась исключить молодежь из сферы своего общения, ей предоставили определенную свободу. В гонимой церкви, однако, молодые люди остались в ее лоне. Им было позволено встречаться, изучать Библию, посещать богослужения и совершать миссионерскую работу. Братья, занимающие руководящие позиции, взяли всю ответственность на себя. Проповедники в гонимых церквях согласились с тем, что государство последовательно издает нормативные акты, направленные против религии. Поэтому надлежало проповедывать Христа распятого с еще большим рвением, даже если это создает угрозу для жизни. Пресвитеры взяли молодых людей под свое крыло, а вся община поддерживала их, готовая принести в жертву все, что от них потребуется. Благодаря этому правительство еще раз потеряло контроль над большей частью церкви.

Ирина Соколова взяла на себя установление контактов между молодыми людьми разных общин. Эти контакты были жизненно важны для молодежи. Хотя правительственным указом молодым людям было запрещено создавать группы по изучению Библии, проводить свои собрания, служители, руководившие зарегистрированными общинами и готовые во всем повиноваться правительственному ука-

зу, не могли помешать молодежи собираться по собственной инициативе.

Служители церкви оказались между двух огней. Или они потеряют влияние на духовно живую молодежь, полную собственных идей и инициативы, готовую служить Богу с рвением и полной отдачей, или вступят в конфликт с законом. Многие из них понимали, что любая попытка ограничить деятельность молодых людей приведет их в подполье, в незарегистрированные общины.

Вначале у правительства не было другого выбора как закрыть глаза на существование таких молодежных групп, пока не предоставится возможность разрушить подпольную церковь. Потом партия могла бы сосредоточиться на расчленении официальной церкви. Чтобы предотвратить это, молодые верующие посчитали необходимым создать консультативное ядро, которое могло бы созвать форум для переговоров с партией о статусе протестантской церкви в СССР.

Ирина появилась у гомельской подруги в приподнятом настроении. Посещение ее не было единственной целью поездки. Ирине предстояло участие в нелегальном собрании молодежи в белорусской пуще. Такие встречи проводились и раньше, за что служители официальных общин были “биты” уполномоченным по делам религии за то, что не были “достаточно бдительны” и “своевременно не известили нужных людей”.

* * *

Уже в автобусе, направлявшемся в Киев, Ирина вдруг вспомнила, что завтра ей нужно идти на работу, и настроение резко упало. Она действительно любила свою работу в научно-исследовательском институте, но радость, доставляемая работой, была испорчена неуклюжим и назойливыми приставаниями ее начальника Козлова. Он все настойчивее преследовал ее, а недавно начал бормотать что-то о своей любви.

Ситуация была особенно деликатной из-за того, что Козлов “курировал” коллектив исследователей по заданию КГБ. Отец Ирины узнал об этом от старого приятеля, предупредил дочь и попросил ее быть осторожной, потому что в науке Козлов был абсолютным невеждой.

У Козлова была неотразимая способность увлекать женщин. Казалось, не было женщины во всем НИИ, которая могла бы устоять

перед его очарованием. Женщины и сами увивались вокруг него, ревнуя Козлова друг к другу и вовлекая в опасную игру своих мужей, потому что многие жены даже не делали усилий, чтобы скрыть свою страсть к этому мужчине.

Все знали, что Козлов женат и у него двое детей. Ну и что? Если одна из сотрудниц исчезала в кабинете Козлова больше чем на час, появляясь в заметно измятом платье и взъерошенная, остальные ехидно хихикали, но завидовали избраннице. Ни у кого не возникало ни малейшего сомнения о предназначении широкой тахты в кабинете Козлова, но все об этом молчали. Мужья не предавали сомнительное положение огласке, чтобы не повредить собственной карьере.

Многих удивляла неподатливость Ирины. Ее пятидесятилетняя руководительница, Макарова, однажды прошептала:

— Ты дурочка! Будь поласковее с ним. Такие мужчины не часто попадают.

— Я верующая, — не без досады ответила Ирина, — а не женщина легкого поведения.

Лучше бы она не говорила этого, потому что Макарова оседлала своего любимого конька и заявила:

— Значит, по твоему, я женщина легкого поведения?!

Надвигалась гроза, но его величество начальник вдруг появился на сцене как раз в нужный момент и Макарова стусевалась, исчезла.

Козлов не чурался гостей из других стран, чем отличался от большинства советских мужчин. Однажды он провел свой отпуск с молодой женщиной из Восточной Германии. Она, как оказалось, была магистром богословия. После возвращения с юга Козлов сказал Ирине с откровенной иронией:

— Западные богословы довольно таки общительные люди. Я обнаружил, что вечная жизнь не единственная их забота!

Ирина благоразумно промолчала.

Недавно Юрий Владимирович вновь предостерег Ирину:

— Я изучил технику обольщения Козлова... Он опасен. Будь осторожна с этим человеком. Если ты позволишь ему обмануть себя, я не смогу тебе помочь.

Ирина знала, где ее отец приобрел свою проницательность. Но не оставлять же работу в научно-исследовательском институте из-за невежественного ловеласа! Что же касается предупреждения отца, то

Козлов был так ей отвратителен, что она чувствовала в себе довольно силы, чтобы противостоять его ухаживаниям.

... Углубившись в свои мысли, Ирина открыла входную дверь, повесила пальто в маленькой прихожей и вошла в кухню. Отец любил порядок. Посуда была вымыта, но он наверняка очень спешил, потому что на этот раз посуда не была аккуратно убрана в стенной шкаф.

— Как же он педантично аккуратен, — подумала Ирина. Ей очень хотелось сразу же высказать отцу благодарность за то, что он содержал квартиру в порядке и делал ей жизнь такой легкой. Как сильно она любила его! В будущем, решила она, ей нужно будет побольше времени проводить с отцом.

Она вошла в гостиную, намереваясь включить кассетный магнитофон. Она любила музыку, особенно Бетховена, Шопена, Листа. Часто вместе с отцом посещала концерты в филармонии. Юрий Владимирович был увлечен Чайковским.

Вдруг Ирина услышала:

— Добрый вечер!

Козлов встал с дивана. Она не заметила его, когда входила в квартиру.

— Что вы здесь делаете? В чем дело? — запинаясь спросила Ирина. Она была так поражена, что вся дрожала и голос ее звучал странно.

— Я ожидал тебя, Ирина. Юрию Владимировичу позвонили и он вынужден был идти в поликлинику. Он разрешил мне остаться здесь, так как мне необходимо поговорить с тобой. Это он сказал мне, что ты сегодня вечером приедешь.

Козлов понизил голос и пристально посмотрел на Ирину:

— Я так счастлив, что дождался тебя!

В руках у Козлова был дневник Ирины. Она вырвала тетрадь и сказала сердито:

— Кто вам разрешил читать мой дневник? Он лежал в комодке моей спальни!

Козлов спокойно рассматривал ее. Она выглядела даже более привлекательной в гневе.

— Меня интересует все, что касается тебя, Ирина, дорогая, — сказал он. — Я твой руководитель. К тому же, твой дневник был совсем не в комодке, а прямо здесь, на полке.

Козлов показал на многочисленные полки, которые сделал отец Ирины, чтобы лучше разместить свою библиотеку.

— Вы не имеете права читать личные бумаги чужих людей, даже если они лежат в книжном шкафу! — Ирина была предельно расстроена. Ее глаза наполнились слезами и голос дрожал.

— Перестань увещевать меня, Ирина. Это все ни к чему. Сядь рядом со мной и поговорим о сути дела.

Было очевидно, что он чувствовал себя хозяином положения.

Ирина взяла себя в руки, переложила дневник на полку и села на стул отца. Козлов сел напротив нее и бросил на нее требовательный взгляд. Он был уверен в своем обаянии.

Однако Ирина слишком часто подвергалась технике его обольщения, научилась сопротивляться и даже увлекалась разгадыванием его планов. Это напоминало игру в шахматы, хотя довольно часто ей приходилось молиться, чтобы остаться непреклонной. А он, в свою очередь, изнемогал от желания добиться победы.

Козлов первым нарушил тишину.

— Я не знал, что ты верующая.

Естественно, это была ложь:

— Я удивляюсь, почему такая девушка как ты, оказалась среди верующих, Ирина. Я только что говорил с твоим отцом о твоей диссертации.

Этот удар попал в цель. Козлов задел самую чувствительную область в духовном мире Ирины. Ее докторская диссертация уже была написана... Она стиснула зубы и не ответила на его слова.

Козлов внимательно разглядывал Ирину:

— Тебе придется выбирать между верой и карьерой, Ирина. Мы не можем допустить, чтобы в нашем обществе появились ученые, исповедующие идеализм. Когда дело касается науки, мы не можем стоять в стороне.

— Вы говорите о нашем обществе, имея в виду развитой социализм. Но ведь это фикция. Пока что мы имеем государственный капитализм.

Вдруг Ирина ощутила безразличие к тому, что будет потом — к своей карьере, к диссертации. Ее сердце перестало колотиться. Она твердо посмотрела на Козлова и сказала:

— Если это все, что вы хотели мне сказать, то я должна просить вас откланяться. Мы можем продолжить наш разговор завтра в вашем кабинете.

Вдруг она осознала, что очень устала.

— И еще, товарищ Козлов. Я должна попросить вас воздержаться от посещения нашего дома в отсутствие моего отца.

Козлов встал, но уходить не собирался.

— Ирина, я влюблен в тебя. Ты знаешь это. Не отвергай меня, когда я пытаюсь помочь тебе!

Его голос звучал умоляюще.

Поняв, что упрасивания не приведут к цели, Козлов вдруг схватил Ирину руками и притянул к себе. Ирина не ожидала такого нападения и потеряла равновесие. Он поймал ее, когда она падала и понес к дивану. Девушка отчаянно защищалась.

— Я люблю тебя, — хрипло шептал Козлов. — Не унижай меня! Я готов оставить свою жену и жениться на тебе! Ты знаешь насколько это серьезно!

Позже Ирина услышала эти слова на пленке миниатюрного магнитофона, оставленного Козловым в квартире. Но в тот миг она по-настоящему испугалась.

— Убирайся отсюда, Козлов! Иначе и буду кричать! Я вызову милицию!

Казалось, эта угроза не произвела впечатления на Козлова. Он прижал Ирину к себе и начал неистово покрывать ее лицо поцелуями. Девушка отчаянно отбивалась, но Козлов был намного сильнее ее. Окончательно потеряв контроль над своими поступками, он рвал на ней одежду. Но все же Козлов не рассчитывал на такой отпор. В борьбе они упали на ковер. Ирина кричала и призывала Бога на помощь. Козлов одной рукой снимал свою одежду, а другой закрывал ей рот. Что произошло потом, он позже не мог объяснить уже никогда.

Как гром среди ясного неба, меткий удар настиг его с такой силой, что он отлетел в угол. Он видел перед собой молодую взбешенную женщину, ожидавшую, пока он встанет, чтобы ударить его опять. Удар за ударом посыпались на него, пока он вылетел в прихожую, где был сильным ударом брошен к выходу из квартиры. Дверь открылась и, не успев осознать внезапную перемену, он полетел головой вперед по ступенькам лестницы.

Ирина мгновенно захлопнула дверь. Несколько лет в студенчестве она занималась дзю-до. Ее внешность свидетельствовала о физической активности, но никто даже не подозревал о ее особой ловкости. В Советском Союзе занимающиеся дзю-до должны были

регистрироваться официально. Трудно объяснить, почему Ирина не была зарегистрирована. Ее мастерство было маленькой личной тайной.

Козлов мог защитить себя, от тоже владел дзю-до, но ее атака началась с такой свирепостью, что он был нокаутирован еще до того, как осознал случившееся.

На пути домой он был так зол, что не чувствовал боли. Когда же он пришел в себя, то обнаружил, что его окружают соседские дети.

— Посмотрите, какой бедный дядя, — сказал любопытный мальчик Леша, внук знакомого профессора.

Козлов был захвачен врасплох. Он начал лихорадочно застегивать брюки и отряхивать пиджак.

— Дядя, — сказал Леша, — я помогу вам!

С детским рвением он начал отряхивать его брюки. Козлов полез в карман, собираясь потрогать пистолет, но обнаружил, что его там нет. Ну это уж слишком! Он не мог вспомнить, где его оставил. Подальше отсюда любой ценой! Подальше от этих любопытных, проницательных мальцов, которые развлекались, пытаясь помочь ему и рассматривая его со всех сторон!

Он пробормотал:

— У вас здесь очень скользкие ступеньки.

Потом взял бумажник, служебные удостоверения, партийный билет из рук детей, которые собрали все это у подножия лестницы. Маленький Миша настаивал на том, что он никогда не падал с этих ступенек! И вообще, эти ступеньки совсем не скользкие, сообщил он. Но Козлов его не слушал. Он быстро пробормотал: “Пока!” и побежал со всех ног к ближайшей стоянке такси.

Еще повезло, думал он, что все случилось так быстро и никто из взрослых не видел его падения. Но водитель такси, конечно, был не тактичен. Он ехидно посмотрел на Козлова и сказал со всей проницательностью постоянного наблюдателя человечества:

— Ну что, в этот раз не получилось?

— Заткнись! — взорвался Козлов. — Поехали быстрее!

Водитель выключил мотор и спокойно сказал:

— Ишь, какой пряткий. Освободите машину.

Козлов промолчал и водитель, подумав, тронулся с места. На следующий день он был задержан и провел две недели в камере за “оскорбление достоинства советского гражданина”. Бедный водитель

был так расстроен этой несправедливостью, что заявил протест, и сразу же получил сверх всего прочего дополнительный срок.

Дети же сделали свои собственные выводы о незнакомце. Они рассказали родителям о совершенно растрепанном дяде, который вдруг упал со ступенек. Миша даже рассказал свою историю Ирине, сообщив, что дядя, наверное, очень быстро выбежал из ванной, потому что у него не было времени даже застегнуть штаны.

Ирина все еще была в шоке. Некоторое время она просто сидела на полу, не в состоянии собраться с силами. В комнате царил хаос. Стул был перевернут, порванный журнал лежал на нем. Газеты и книги разбросаны.

Вдруг Ирина увидела крошечный магнитофон. Бессознательно она потянулась к нему. Он работал. Она никогда не видела такого маленького магнитофона. Ирина тщательно осмотрела его со всех сторон и нажав крошечную кнопку, остановила кассету. Девушка перевернула кассету и начала слушать.

Сначала шел разговор с ее отцом. Потом звуки борьбы с Козловым, его тяжелое дыхание, его страстный шепот:

— Пожалуйста, не будь глупой, я люблю тебя!

С отвращением она выключила магнитофон и унесла его в свою комнату.

Переодевшись и приведя квартиру в порядок, она позвонила священнику Василию Кузнецову, рассказала ему о случившемся и спросила совета как поступать дальше.

Энергичный священослужитель выслушал рассказ Ирины с явным весельем. Потом он прервал ее:

— Ты действительно правильно действовала! Поверь мне, за такой отпор негодяю тебе будут прощены все твои грехи!..

— Очень смешно, — сказала Ирина раздосадованно. — Почему ты так говоришь, Василий? Я серьезно спрашиваю нужно ли мне уезжать отсюда, а ты шутишь со мной.

— Я тебе уже давно советовал переехать оттуда. КГБ по-настоящему начал на тебя психологическое наступление. Я боюсь за тебя.

Его голос звучал обеспокоенно.

Хотя Ирина и не принадлежала к руководству церкви, но люди уважали ее и прислушались к ней. Вдобавок к этому, она была ученым. КГБ несомненно видел в ней человека, способного повлиять на баптистскую общину. Василий Кузнецов знал действие машины

КГБ и у него были причины беспокоиться за Ирину. В прошлом функционеры КГБ несколько раз пытались завербовать молодого православного священника для подрывной деятельности на Западе. Он соответствовал их требованиям: из хорошей семьи, сын ученого, профессора, мать актриса, а сам разносторонне талантлив. Но Василий отклонял все предложения.

— Я не интересуюсь продвижением по служебной лестнице, — отвечал он. — Я хочу только возвещать учение Иисуса Христа людям и особенно вашим идеологам — утопистам!

Он предвидел, что отказ так или иначе повредит ему. Но его час еще не пробил.

Теперь нужно было помочь Ирине. Во время телефонного разговора с девушкой, он не мог скрыть своего восхищения ею. Это хрупкое молодое существо вело себя ловко и смело.

— Я бы хотел видеть тебя во время наших дискуссий с епископом Питиримом!

— Зачем?

— Этот подхалим твердит, что христианское обучение детей — насилие над их душами. Было бы здорово, если бы ты продемонстрировала на нем несколько приемов джиу-джитсу!

— Ты действительно все еще ребенок, — раздраженно ответила Ирина. — Я сейчас не настроена шутить.

— Ты так думаешь? Я ужасно серьезен! Если бы ты видела отчет Всесоюзного Совета баптистов, в котором Жидков утверждает, что в СССР не преследуют за религиозные убеждения! Тебе захотелось бы запустить ракетой на Луну не только Жидкова, но и тех, кто печатает такую ложь! Даже в других странах!

— Хорошо, Василий. Поговорим об этом позже. А сейчас мне нужно позвонить жене Козлова, пока отца нет дома.

Ирина попрощалась и положила трубку. Потом она набрала домашний номер телефона Козлова. Как всегда жена Козлова была неразговорчивой. Но Ирина сумела вытянуть у нее, что Козлов вернулся домой, быстро переоделся и опять уехал. Ирина попросила жену Козлова передать ему, что она меняет место жительства.

Вскоре вернулся домой Юрий Владимирович. Он обнял Ирину и по-отцовски тепло поцеловал ее.

— Мне было так одиноко без тебя, дочка, — он погладил ее по голове, как маленькую.

— Я тоже скучала за тобой, папа, — ответила Ирина. Присутствие отца вернуло ей чувство безопасности. Ей всегда было спокойно в его присутствии. Но внезапно ее глаза наполнились слезами.

— Что случилось, дитя мое? — спросил Юрий Владимирович и посмотрел на Ирину внимательно.

Она опустила глаза и уклончиво ответила:

— Обед готов, папа. Начнем?

Отец обнял ее одной рукой и они вместе пошли на кухню. Юрий Владимирович уже догадывался о случившемся, но не хотел торопить признание. За обедом он сказал:

— Между прочим, дети во дворе рассказали мне, что какой-то мужчина поскользнулся на ступеньках и скатился вниз. По их описанию, это, должно быть, Козлов.

Ирина ничего не ответила. Соколов не настаивал и спокойно ждал, пока она вслух молилась. Но посреди молитвы Ирина зарыдала.

Юрий Владимирович встал, помог дочери подняться и нежно притянул ее к себе. Она безутешно плакала. Мало-помалу вся история прояснилась. Единственное, о чем она не упомянула, это о том, как она избавилась от Козлова.

— Зачем ты оставил его одного в квартире, папа? — плакала она.

— Я даже не представлял себе, что он интересовался тобой, а не мной. Я знаю, что после моего ухода КГБ не оставит камня на камне в поисках фактов, порочащих меня. Я хотел, чтобы они убедились: мне нечего прятать. Но если бы я только знал...

Соколов замолчал. Ему было все ясно.

Он знал, что теперь ему придется всеми силами и средствами бороться за свою дочь. Он вытер своим носовым платком слезы Ирины. Потом сказал:

— Давай, дочка, покушаем, пока еще все не остыло. Потом мы обо всем поговорим в мире и покое.

Они поели в тишине. Соколов стряхнул с себя мрачные предчувствия и поинтересовался поездкой Ирины в Гомель.

— Я случайно встретила в поезде Сашу Никитина, — сказала Ирина. — Почему ты не помог ему, когда они гнали его из университета за веру в Бога?

Соколов нахмурился:

— Ирина, не начинай все сначала. Ты прекрасно знаешь, что помочь ему было не в моих силах. Пожалуйста, не вспоминай все это опять.

Были случаи, когда Ирина не могла понять своего отца. Она предполагала, что он знал о чувствах Никитина к ней и мог порадоваться возможности заставить Сашу оставить город. Но почему? Неужели он ревновал ее к нему? Конечно, нет! Тогда почему? Не потому ли, что Саша был верующим, как ее мама?

Она не собиралась расспрашивать отца об этом. Вообще, в окружении отца никому не было позволено задавать ему столько вопросов, сколько задавала она. В России из-за множества “стукачей” люди перестали задавать вопросы. Они держали глаза открытыми, внимательно слушали и взвешивали свои мысли. С тех пор как КГБ повел слежку за каждым человеком, а по ночам машины увозили людей на допрос, даже любознательные не задавали слишком много вопросов.

Смех Юрия Владимировича отвлек Ирину от грустных мыслей.

— Прости меня, но ты действительно мастерски выдворила Козлова из нашей квартиры! — Отец громко смеялся. Ирина уставилась на него, ошарашенно, с открытым ртом.

— Откуда ты это знаешь, — пробормотала она.

— Как же мне не знать этого, если моя дорогая дочь владеет приемами защиты от разбойников?

Он встал, прошел в свой кабинет, принес оттуда письмо и вручил его Ирине.

— По ошибке оно было адресовано мне. Поэтому я его вскрыл. Пожалуйста, прости меня.

Он опять рассмеялся:

— Прости меня, летающий динамит!

Ирина покраснела, достала письмо из конверта и начала читать: “Летающий динамит! Я приветствую тебя! Ты знаешь откуда. Вчера я разговаривал с женщиной, которого посадили за воровство. Мы говорили об учении Христа, о непотворении злу, в частности о евангельском стихе: “Ударившему тебя по щеке подставь и другую”. Вор заявил: “Христиане не повинуются этим правилам”. Догадайся, что он мне рассказал дальше. Однажды он подстерег тебя после богослужения и потребовал часы. Ты кротко отдала ему их и в то же время рассказала ему о Христе. Должно быть, он не очень внимательно тебя слушал, но посчитал такой привлекательной, что пота-

шил в кусты. И тогда ты, вопреки учению Христа, наградила его таким молниеносным ударом, что он потерял сознание и очнулся только в отделении милиции. Его осудили не из-за тебя, а за ограбление магазина, но он все еще зол на тебя. Я не предполагал, что в тюрьме заключенные знают тебя и называют “летающим динамитом”.

— Я удивляюсь, — сказал Соколов, — как заключенным удастся отправлять письма из лагеря? Ведь известно, как много внимания уделено предотвращению утечки даже единственного звука наружу. И все же этим парням удается...

Зазвонил телефон. Ирина подняла трубку. Это был Козлов.

— Не делай глупостей, дорогая, и держи рот на замке. Было бы хорошо, если бы ты сама попросила об увольнении. завтра принеси мне пистолет и магнитофон. Ты их у меня украла.

Ирина даже не успела сообразить, как ответить на такую наглость, как Соколов выхватил трубку из ее рук.

— Ох, это наш Казанова? Ваши ребра еще на месте? А череп цел? Не нуждаетесь ли вы в помощи психиатра? Я готов служить вам в любое время! И не забывайте, дорогой друг, если что-нибудь подобное повторится, вы будете иметь дело со мной!

Соколов бросил трубку. Потом он обнял Ирину, и они вместе пошли мыть тарелки. Спать не ложились до полуночи. Ирина не смогла уснуть до рассвета.

3. НАПАДЕНИЕ

Вернувшись из Бобруйска, Саша нашел в своей комнате записку, оставленную его мамой: “Дорогой сын! Царапкин, уполномоченный по делам религиозных культов, просил тебя позвонить, как только ты вернешься”.

Саша вздохнул и перевернул лист бумаги: “Мы будем у тети Нюры до следующей пятницы”, — было написано на обратной стороне.

Саша хмыкнул. Ему предстояло целую неделю самому заботиться о себе. Он вошел в гостиную и набрал номер телефона Царапкина. Царапкин ответил сразу же:

— Привет, Никитин. Как поживаешь, старина? Слушай, завтра мы хотим по всему району провести информационные собрания в сотрудничестве со Всесоюзным Советом и с людьми из патриархата. В горисполкоме решили, что тебе нужно быть.

— Послушайте, Царапкин, — запротестовал Саша, — я бы действовал против собственного отца, если бы пошел туда. Я точно не могу так поступить!

— Не волнуйся, старик! Мы пригласили только несколько товарищей из Всесоюзного Совета* и попросили их объяснить людям взаимоотношения между церковью и государством. Мы решили, что тебе будет полезно принять участие в собрании. Мы проводим эти собрания в пятнадцать местах. Я бы хотел, чтобы ты побывал в заводском общежитии завтра в семь. До встречи, Саша!

И Царапкин повесил трубку.

Ошеломленный Саша стоял с трубкой в руках.

До того как Саша был избран пресвитером зарегистрированной баптистской общины, его отец и 150 человек, разделявших те же убеждения, отделились от общины. Этим актом отец Саши и его друзья, верующие, продемонстрировали свой протест против сотрудничества общины с секретными службами.

Тогда Саша был руководителем молодежи в церкви и занимался организацией нелегальных библейских курсов на дому. В этих группах молодежь готовилась к провозглашению Евангелия. Саша приложил все усилия, чтобы предотвратить раскол молодежной группы, насчитывающей около ста членов. Он считал ненужным публично отходить от Всесоюзного Совета. Действия руководителей в Москве его мало волновали. Заботой Саши было сохранение молодежной группы для дальнейшего изучения Библии.

Когда община разделилась, пресвитер отказался от своих обязанностей. И тогда община решила избрать своим руководителем и проповедником Сашу. В его избрании молодежь явно сыграла главную роль, отдав ему большинство голосов.

Саша об этом думал и молился целую неделю. После этого ему позвонили. Царапкину просто нужно было утвердить его кандидатуру.

* Всесоюзный Совет — это сокращенное название одобренного правительством руководства зарегистрированных баптистских и других протестантских церквей, санкционированных советским правительством. Патриархат — руководство Русской православной церкви.

Царапкин раньше был кадровым сотрудником КГБ. Однако где-то в чем-то он допустил ошибку и его отправили “на пенсию”. В диссидентских кругах ходили слухи, что Царапкина уволили из КГБ за неудачу в вербовке французского дипломата.

Но Царапкин не лентяйничал и начал по собственной инициативе заниматься антирелигиозной пропагандой. С удивительным умением ему удалось завоевать доверие многих верующих. В результате, он получил штатную должность уполномоченного по делам религиозных культов.

Именно Царапкин утвердил Сашу в должности проповедника общины сразу, едва ему сообщили об этом. На следующем заседании бюро районного комитета партии он доложил:

— Я нахожу выборы Никитина руководителем баптистской церкви необычайно благоприятным. Его отец — раскольник и весьма несложно развести их на разные баррикады. И скоро мы увидим пользу от такого поворота событий.

Нечего и говорить, что Саша ничего не знал об этих намерениях. Однако у него было предчувствие, что его будут настраивать против отца.

На следующий вечер Саша сидел в первом ряду зала в заводском общежитии. Каждый выступающий делал все возможное, чтобы погромче огласить свое мнение о вреде религии. Все выступающие явно были заранее тщательно подготовлены и просто читали вслух врученные им тексты. Жидкие аплодисменты сопровождали каждое выступление. Выступающие требовали обращаться с раскольнической группой как с врагами народа, выселить их из города, “изгнать с советской земли”. Правда, никто не знал, куда же их нужно и можно выслать.

Саша улыбнулся, вспомнив выступления Храпова во время его собственных бедствий: “Библия говорит, что наша земля — это вовсе не советская земля. Библия говорит, что это Господня земля и все что наполняет ее — Господне!”.

Саша слушал далее. Секретарь партийной организации мебельной фабрики потребовал:

— Нужно отобрать детей у верующих родителей, а их самих сослать куда-нибудь на Северный полюс!

Молодая женщина, секретарь комсомольской организации завода “Красный Луч” горячо потребовала, чтобы “группе раскольников выжгли клеймо раскаленным железом, а потом их

повесить или расстрелять". Голос ее сорвался в визг, когда она стала кричать, что церковь веками совала свой нос в политику и уничтожала всех несогласных с ее мнением. С настоящего времени и в дальнейшем нет места религии в стране победившего социализма.

— И если наша страна гарантирует свободу религиозных убеждений, то это относится только к тем организациям, которые рука об руку с коммунистической партией идут к нашему светлому будущему — коммунизму! Да здравствует коммунизм! Долой буржуазных ублюдков! Долой последователей мракобесия! Слава КПСС! — закончила она.

Саша посмотрел на пылающее лицо молодой женщины и тихо помолился о ней. Возле него было свободное место и когда она сошла со сцены, он встал и предложил ей сесть. Женщина посмотрела на Сашу с некоторым удивлением, очевидно не осознавая, кем он был. Зато на православного священника, стоящего возле Саши, она бросила откровенно презрительный взгляд.

— Как вас зовут? — прошептал Саша.

— Елена Лобова, — так же шепотом ответила она.

Саша пожал ей руку и сказал:

— Вы говорили с большим убеждением. Большое спасибо.

Она не ответила и стала слушать рассуждения Царапкина о советских законах, относящихся к религиозным культам: "Партия призвана осуществлять строгий контроль за церковью... Мы должны препятствовать любыми способами... проникновению в церковь антикоммунистических тенденций" и т.д. и т.п.

— И сейчас такие люди, как Андрей Никитин, который в настоящее время является пресвитером незарегистрированной общины, — продолжал Царапкин, — настаивает на том, чтобы партия не вмешивалась во внутренние дела церквей! А полностью дискредитировавший себя Совет Церквей требует того же самого!

Вдруг Саша вспомнил разговор с Ириной. Ему стало трудно сосредотачиваться на происходившем.

— Поймите это, товарищи, — продолжал Царапкин. — Наши законы гарантируют свободу религии — но только до той степени, пока церковь или религия не покушается на права советских граждан! Пока они не затягивают граждан в свои круги! Пока они не обкрадывают их в марксистском, материалистическом понимании сущности мира! Сама идея о чудесном сотворении мира абсолютно чужда марксистской идеологии, и мы, коммунисты, никогда не

примирился с религией! В то же время, Андрей Никитин настаивает на своем праве проводить религиозную пропаганду! Свободы религиозных убеждений еще недостаточно ему! Это открытый вызов советскому образу жизни, это замаскированный призыв к антисоветской агитации. Эти раскольники, с их идеалистической философией жизни, представляют серьезную опасность для советского общества!

Царапкин настолько разъярился, что перешел на крик:

— Если здесь в этом зале есть кто-нибудь из последователей этой отколовшейся религии, то разрешите мне заявить ему раз и навсегда: само советское общество уничтожит вас, а мы и пальцем не пошевелим, чтобы спасти вас! Пусть справедливая рука советских людей сметет вас с лица земли!

Как залп из винтовки изрыгнул он последние слова. Лицо Царапкина, искаженное фанатичной злобой, напоминало маску. Гром аплодисментов потряс зал. Елена Лобова с особым энтузиазмом. Саша посмотрел на ее горящие красные ладошки и прошептал:

— Больно?

Девушке стало неловко и она смутилась.

Это было действительно комично. Священник, сидящий рядом с Сашей, аплодировал вместе со всеми и одновременно бросал взволнованный взгляд на Царапкина, который со сцены наблюдал реакцию всей аудитории. Саша нагнулся к нему и прошептал:

— Bravo, коллега! Правильно, отец!

Священник посмотрел на него с выражением сбитого с толку человека и перестал хлопать.

— Вперед, к победе коммунизма! — прозвучали заключительные слова Царапкина.

Священник вскочил, как ужаленный, и вместе со всеми заорал: “Ура-а!” Все хлопали с таким воодушевлением, как-будто от этого зависела их жизнь.

— Слово имеет отец Мирон из православной церкви, — объявил Царапкин.

Отец Мирон взобрался на сцену, стал за трибуну. Он бросал беспокойные взгляды во всех направлениях и был похож на испуганного зайца. Многие в зале, казалось, пришли в смущение. Люди отводили взгляд от несчастного создания, стоящего на сцене.

— Товарищи! — закричал Мирон. — Церковь никогда не была врагом Советского государства и мы приложим все силы, чтобы привести народ к победе коммунизма!

Громкий смех раздался после такого заявления. Присутствующие молодые люди покатывались со смеху.

— Bravo! Bravo! Да здравствует отец Мирон! — вопили они. Саша испытывал чувство глубокого стыда за такого “брата во Христе”.

Священник еще раз открыл рот, как будто собирался еще что-то сказать, но закрыл его опять. Он почти сполз со сцены и уныло поплелся к выходу.

Но не тут-то было. Женщина лет тридцати преградила ему путь.

— Ты, предатель! — воскликнула она. — Ты лицемер! Ты еще раз предал Христа! — ее голос перешел в крик, она начала бить священника кулаками, рвать его рясу.

Милиция бросилась на помощь отцу Мирону. Молодежь в зале улюлюкала и свистела. Наконец милиция схватила женщину и потащила к выходу. Порядок был восстановлен и Саша пошел на сцену. Печально и медленно он начал свою речь:

— Друзья мои, я выслушал обвинения против раскольников, в том числе и против моего отца.

В зале было так тихо, что казалось будет слышно, как муха пролетит.

— Не могу отрицать, что с особым интересом я выслушал обвинения Елены Лобовой. Когда она сообщила, что хочет прижечь моего отца железом, повесить его или расстрелять, то была так прекрасна в своем гневе, что я даже немного влюбился в нее.

В зале захохотали. Голос Саши зазвучал по-новому.

— Вы видите, товарищи, как далеко может завести вас иррациональное мышление. В этом большая опасность и не только для советского общества. Мой отец много лет провел в сталинских лагерях. Он был обвинен в “антисоветской деятельности”. Однако все его преступление заключалось в том, что он служил церкви. Пришло время, когда он был оправдан и реабилитирован. Мой отец честно ежедневно трудился всю свою жизнь. Он и не помышлял об антисоветской пропаганде. Вы знаете, чему он меня учил? Он часто внушал мне: “Саша, всякая власть от Бога. И твое дело повиноваться власти, если ты любишь Господа”. В течение всей своей жизни он

верил, что Бог так возлюбил нас, что отдал Своего единственного Сына, чтобы привести нас к Нему. Господь наш Иисус Христос пришел не только для того, чтобы спасти нас, но и для того, чтобы мы смогли проявить такую же любовь, какую Он нам показал, и чтобы мы были готовы отдать нашу жизнь за других людей, если это потребуется. Мой отец обычно говорил: “Мы должны любить власти, как Христос возлюбил их, даже хотя Он Сам есть самая высшая власть” Часто я слышал от отца: “Конечно, Христос — более высокая власть, чем любые земные, и ему должно принадлежать в нашем сердце самое первое место пред всеми”. И когда прекрасная девушка Елена Лобова потребовала смерти моего отца, вот какие мысли пришли ко мне: Дорогая Елена, дорогие товарищи коммунисты! Как рад был бы я отдать мою жизнь, чтобы убедить вас в том, что очень грешно, недостойно желать смерти вашему соседу! Я был бы рад вынести самые страшные пытки, лишь бы излечить вас от ненависти, от вашего желания преследовать до смерти каждого, чьи убеждения не соответствуют вашим. Это правда, что мы пережили кровавые времена Сталина и гитлеровского нашествия. И когда я вновь слышу ваши призывы, друзья мои, жечь, вешать, расстреливать, опять шагать по миллионам трупов во имя даже самой высокой цели, то думаю: не достаточно ли мы уже пережили страданий? И если мы вновь начнем уничтожать невинных людей, которые любят вас из глубины своих сердец, или просто пожелаем им смерти, то не покажется ли вам это, мягко выражаясь, неприемлемым? Мне стыдно за свою общину, разделившуюся на два лагеря. Но причиной раскола было вмешательство государства в деятельность церкви. Ни один из тех, кто искренне верит в Бога, не поверит в искренность такого как отец Мирон, который от испуга стал жалкой куклой. Возможно, кое-кто надеялся, что я начну войну против собственного отца. Но как служитель зарегистрированной баптистской общины я от всего сердца разделяю мнение своего отца и прощаю ему, как и всем тем, кто желает его смерти.

В зале наступила тишина.

— Послушай, Никитин, — угрожающе зашептал Царапкин. Но его заглушили аплодисменты, которые постепенно стали наполнять зал. Очень многие хлопали. Саша спустился и начал проталкиваться к выходу. Большая группа людей последовала за ним. Царапкин сделал отчаянное усилие овладеть залом, но из его затеи ничего не вышло.

Саша отправился в дом молитвы. Когда он вошел в автобус и сел, погруженный в свои мысли, то не понял, что севшая рядом молодая женщина была Елена Лобова. Оба молчали. Автобус остановился. Саша вышел и зашагал к дому молитвы. Вдруг он услышал голос женщины:

— Подождите, Никитин! Одну минуту!

Он обернулся и увидел Лобову, немного запыхавшуюся и смущенную.

— Простите меня, Никитин, но мне очень нужно поговорить с вами. Прежде всего, я хочу попросить у вас извинения...

Ее голос дрожал.

— Я и не думал сердиться на вас, — ответил Саша. — К тому же, мы, христиане, должны сдерживать свой гнев, даже к нашим врагам. А вы мне даже не враг, вы моя ближняя, заблудшая душа и мне велено свыше любить вас как самого себя.

Она застенчиво посмотрела на него и сказала:

— Вы знаете, у меня ведь есть жених, его зовут Федя. Он инженер. Мы с ним спорим вот уже месяц, что такое любовь. Возможно, вы могли бы рассказать мне об этом?

Саша улыбнулся:

— Я в вашем распоряжении в любое время.

Он вырвал листок из своей записной книжки, написал свой адрес и номер телефона.

— Если вы захотите поговорить со мной, позвоните.

— Спасибо, — сказала Елена. — И, пожалуйста, передайте привет вашей жене.

— Обещаю вам, что как только женюсь, сразу же передам ей ваш привет.

Лена улыбнулась и протянула на прощание руку.

— До свидания, Никитин, и еще раз спасибо.

Она повернулась и побежала к автобусной остановке.

Саша посмотрел ей вслед. “Так вот как повернулись события”, — пробормотал он и вошел в здание, где его ждали не менее двадцати верующих. Молодежь уже потеряла терпение. Он рассказал им о событиях вечера. Молодые люди еще долго говорили о Лобовой, Царапкине, отце Мироне и всех тех, кто присутствовал на собрании. Потом они помолились за всех, кто присутствовал на пропагандистских встречах в этот вечер, а также за тех, кто выступал на них. Уже было далеко за полночь, когда они, наконец, расстались. Разъ-

езжались по домам на велосипедах и мотоциклах, а несколько человек садились в машину. Они предложили Саше поехать с ними. Он отказался, предпочитая идти домой пешком, чтобы еще раз поразмыслить над всем происшедшим в тот вечер.

В эту ночь была тьма кромешная. По скупо освещенным улицам еще бродили влюбленные. В одном из дворов кто-то играл на гармошке. Где-то далеко лаяла собака. Саша решил сократить путь и пошел домой по слабо освещенным боковым улицам. Хотелось пить и он присматривал колонку с питьевой водой. И когда он наконец нашел ее, наклонился, нажал ручку и начал жадно пить, на него обрушился сильнейший удар сзади. Сашу повалили на землю, на него набросили одеяло. Удары посыпались со всех сторон. Били сапогами. Один из нападавших бил очень энергично и при этом приговаривал:

— Вот тебе, святоша! Если ты не откажешься от своей пропаганды, то мы вообще покончим с тобой!

Саша подумал о Сизове, старшем пресвитере из Киргизии, а потом потерял сознание.

4. ОТКРЫТИЯ

На самом деле диалог с Центральным Комитетом коммунистической партии был идеей Василия Кузнецова. Со всей серьезностью этот молодой священник считал возможным убедить коммунистических лидеров, что учение Нового Завета не только не угрожает советскому государству, но призывает жить в согласии с законами и в верности власти. Поэтому христианам надо позволить жить согласно их вере и свободно возвещать Евангелие остальным людям.

Василий и его друзья видели сходство между коммунистическим и христианским учениями. И вообще, учение Христа и Его апостолов подчеркивало, что весь земной и духовный мир находится под властью Бога и тех, кто следует за Ним, — другими словами всего человечества. Поскольку Бог возвестил идею праведности, то церковь и государство должны стремиться к праведности.

Молодые люди понимали, что коммунистическая “религия” применила довольно своеобразную логику, когда дело дошло до распределения мировых благ. Это учение провозглашало: “Все, что принадлежит тебе — наше”. Это создало парадокс: все состояние теперь принадлежит государству, а частным лицам предлагается верить, что все принадлежит обществу и поэтому принадлежит им.

Разумеется, жизненные блага могут быть получены каждым из них только тяжелым трудом, чтобы иметь возможность опять использовать вновь приобретенную крошечную часть того, что однажды было “мое”, а теперь стало “наше”. Таким путем, трудясь в поте лица, можно приобрести незначительные предметы первой необходимости.

Молодые люди много думали об этой любопытной неразберихе. Василий часто спорил об этом со своим отцом, профессором Иваном Николаевичем Кузнецовым.

— Не думай так много о коммунистической идеологии, — говорил профессор своему сыну. — Ничего хорошего из этого не выйдет.

Хотя Василий не мог пренебречь предостерегающим тоном в голосе своего отца, а все же не оставил свои мысли. И когда он опять вернулся к этому вопросу, то услышал сказанное более решительно:

— Твоя жизнь лучше, чем у большинства других людей, так почему бы тебе не держать рот закрытым?

Дед Василия умер в безвестной колымской тюрьме. Его родители никогда ничего не говорили о дедушке. Василий узнал от своей сестры Тамары (которая об этом случайно услышала от знакомых ее родителей), что дед, Николай Кузнецов, был известным богословом. В 30-е годы он был арестован и больше никогда уже не вернулся к своим.

Как только Василий узнал об этом, он начал интересоваться религией, с группой студентов посетил Ленинскую библиотеку в Москве и там натолкнулся на труды своего деда. Доступ к этим бумагам ему разрешили лишь потому, что он был сыном известного ученого.

Со многими парадоксами дома и в университете столкнулся Василий и те немногие, но очень впечатляющие факты, которые он узнал о своем деде, в конце концов определили его выбор: после окончания юридического факультета он начал изучать богословие. Именно тогда он обнаружил, что информаторы КГБ протоптали дорожку ко всем, кто увлечен богословием. Он был этим огорчен и разочарован.

Василий заметил, что КГБ особенно стремиться вовлечь в свои сети иностранных студентов, особенно из дружественных стран третьего мира. Приезжие часто обращались в самых надежных секретных сотрудников.

Чистый и светлый образ церкви, живший в душе Василия, сменился разочарованием. Сомнения молодого богослова быстро переросли в уверенность: КГБ сумел проникнуть во все звенья православной церкви, всюду имел людей, которые от страха, за деньги, во имя карьеры не только информировали службу безопасности о всех событиях церковной жизни, но и разрушали церковь изнутри. С горечью Василий сказал себе, что православная церковь отошла от Христова учения, согласилась на сотрудничество с коммунистической диктатурой и фактически стала ее придатком.

Разочарование в самых сокровенных идеалах могло толкнуть молодого человека к депрессии, внутреннему конфликту, выход из которого у каждого свой — пьянство, самоубийство или же отчаянный переход в лагерь атеистов с целью окончательного разрушения церковной структуры, пораженной опасным заболеванием.

Спасением для его измученной души стала встреча с проповедником Слова Божьего из Западной Украины, который собирал верующих по домам для изучения Священного Писания и духовного обновления. Новый знакомый рассказал, что такие беседы имели большое значение для обновления Румынской православной церкви, которая сумела противостоять режиму, опираясь на новые силы, не подверженные духовной эрозии вследствие подкупа, разложения, иного тлетворного влияния коммунистической идеологии.

Василий загорелся идеей спасения новых душ, очищения их от скверны. Да, его призвание — в священстве. Только конкретная работа среди верующих хорошо подготовленных, мыслящих священнослужителей позволит избавиться от лицемерия и формализма, в котором погрязли иерархи и многие-многие служители православной церкви.

Василий был рукоположен в сан священника и по его просьбе направлен в Украину, где окунулся в повседневную деятельность со страстью человека, увлеченного великой идеей. После богослужений он спешил в дома верующих на доверительные беседы, организовал воскресную школу для детей, увлек местных учителей музыки идеей создания церковного хора, добился воссоздания давно закрытой женской обители (стимулом для местной власти стала возможность открыть при монастыре небольшой приют для престарелых).

В этих стараниях, пробуждая людей к активной, созидательной деятельности в церкви, Василий сблизился с Советом церкви евангельских христиан-баптистов.

Уже давно от стал замечать усиленное внимание к себе со стороны местных служб КГБ. Странные вопросы кое-кого из прежних знакомых, пропажа писем, откровенная слезка — все это огорчало, но не лишало Василия присутствия духа. Была и наставительная беседа с высокопоставленным лицом из епархиального управления. Василий был убежден, что избрал верный путь служения Церкви Христовой и, не вступая в открытый конфликт продолжал свое дело.

И тогда настал черный день! В таинственной автомобильной катастрофе погибла его жена — очаровательное юное существо — далекая от политики, от замыслов и дел отца Василия, но помогавшая ему во всех делах с преданностью жены русского священника. Много позже, в местах лишения свободы, отец Василий понял, что этот удар был нанесен не только для его устрашения. Недруги пытались сломить его, вернуть к прежним унылым размышлениям, пассивному исполнению церковной требы. Не понравился людям власти и его экуменизм, сближение с баптистами.

За колючей проволокой отец Василий понял всю наивность своих попыток примирить коммунистов и верующих? “Почему мы должны воевать друг с другом, если ваша идеология ищет земного блага, а христиане стремятся к вечной радости после благочестивой земной жизни?” — спросил он однажды у философа-материалиста Митрошина. Ему казалось, что коммунисты тоже пекутся о благе людей и должны принимать христиан как своих союзников. Много позже пришло прозрение, много позже отец Василий понял опасную сущность так называемого научного коммунизма и его идеологии. А пока отец Василий встречал все больше и больше молодых людей из разных конфессий, разделяющих его убеждения. Так как преследования и угрозы продолжались, он установил с ними тайную связь. Жизнь дарила опыт, ту особенную пронизательность, которая помогла отцу Василию отличать искренность людей от умелой демагогии недругов Церкви Христовой.

Едва отец Василий слышал, что где-то верующий встречался с испытанием, он стремился встретиться с ним. Однажды такое стремление привело его в родной город, где жили его родители. Состоялась долгожданная сердечная встреча. На следующее утро отец Василий направился к баптистскому проповеднику, который, как оказалось, попался в ловушку КГБ, но не подозревал этого.

Отец Василий побывал также на одном из “информационных” атеистических собраний в Ленинском районе города, где местной партийной организации удалось настроить население района против всех, кто руководствовался в жизни заветами Христа. Атеисты ставили целью таких собраний пробудить неприязнь к “нерегистрированным” баптистам, но на самом деле вели речь о всех христианах, всех церквях.

Участились уголовные преступления против верующих. Обычно провоцировались нападения, в которых неизменно участвовали народные дружинники — помощники милиции. Такие преступления не рассматривались прокуратурой, они классифицировались как мелкое хулиганство.

Однажды вечером, Василий шел по маленькой улочке на окраине города и вдруг услышал стон. Он остановился и прислушался. Стон слышался очень близко.

— Есть здесь кто-нибудь? — позвал Василий. Стон прекратился. Отец Василий вынул фонарик и осветил по кругу. На влажной земле у водоразборной колонки лежал мужчина. “Пьяный”, — подумал священник, подходя поближе и светя фонариком.

— Бог мой, — воскликнул он. — Да он же истекает кровью!

Отец Василий спрятал фонарик и попытался поднять потерпевшего. “Надо бы вызвать “скорую”! — подумал священник, но вместо этого поднатужился и взвалил раненого себе на спину. Человек потерял сознание и больше не издавал ни звука.

Отец Василий с трудом прошел двести метров, когда услышал сзади голоса.

— Да мы же оставили его у колонки! — послышался удивленный возглас.

Василий со своей тяжелой ношей быстро зашел за угол, прислонился к стене и стал слушать.

— Не свети, мужик! — приказал кто-то.

— Послушайте, да он ушел!

— Что за чепуха! Как же вы его били, если он еще в состоянии гулять по городу?

— Это невозможно, — сказал первый, защищаясь.

Неизвестные осмотрели все вокруг колонки.

— Да вот же — лужа крови! Царапкин велел не убивать его, хорошенько проучить на этот раз. Похоже, что кто-от отправил его в больницу.

— Поехали! Надо проверить хирургическое отделение больницы.

Они еще раз посветили фонариком. Сильный луч света пронизал всю улицу до самого ее конца. Но отец Василий сидел на корточках с пострадавшим на плечах за углом дома. Хотя бы он опять не застонал! Услышав имя Царапкина, Василий понял, что несет на своей спине жертву “антирелигиозной пропаганды”.

Мужчины исчезли так же быстро, как и появились. Где-то за углом заурчал мотор. Василий потащил свою ношу на улицу Мичурина так быстро, как только позволяли его силы. Калитка была закрыта. Он позвонил. И вдруг услышал сирену “скорой помощи”.

— Ради Бога, — простонал очнувшийся больной, — только не в больницу.

— Тихо, — прошептал отец Василий. Кто-то в доме включил свет на улице.

— Кто там? — спросил девичий голос.

— Это я — Василий! Выключи свет!

Свет погас и побежала к воротам сестра Василия Тамара.

— Василий, кто это?

— Пожалуйста, никаких вопросов сейчас. Просто помолчи.

Он вошел в дом со своей ношей.

— Постели ему на диване.

Тамара помчалась в кладовую за постелью, разложила диван и расстелила простынь. Василий заботливо положил человека на постель. Он опять был без сознания. Василий начал снимать пропитанную кровью одежду.

— Что происходит? Скажи мне! — шепотом попросила Тамара.

— Я и сам не знаю, — Василий начал осмотр избитого человека. Тамара поставила на плиту чайник с водой. Вдруг незнакомец открыл глаза.

— Мое имя Александр Никитин. Я служитель баптистской общины, — сказал он, потом застонал и опять потерял сознание.

— Какой я неуклюжий! — проворчал отец Василий. Он пытался состричь окровавленные волосы на голове раненого и ножницами случайно коснулся раны.

Это была действительно необычайная встреча с другом юности. Руки священника опустились от удивления, когда он услышал имя раненого.

— Давай-ка я займусь, — Тамара взяла ножницы из рук брата. Она проворно разрезала одежду, состригла волосы с ран и начала обрабатывать их спиртом.

— Кто это его?

— Похоже, что на него напала компания хулиганов, которых послал на черное дело уполномоченный по делам религии, — угрюмо сказал Василий.

Тамара, не веря, покачала головой.

— Этого не может быть! Просто эпизод из книги ужасов! — Она училась на пятом курсе медицинского института и уже имела опыт неотложной помощи. Девушка перебинтовала все Сашины раны и сделала ему инъекцию камфоры. После этого поднесла к Сашину носу ватку с нашатырем, чтобы привести его в чувство.

Наконец раненый открыл глаза.

— Пожалуйста, сообщите моим родителям, — прошептал он. Саша забыл, что родителей не было в городе. Василий уже листал записную книжку Саши. Он обнаружил там номер телефона Сашиных родителей и начал набирать номер.

— Их же нет дома, — вдруг вспомнил Саша.

Его голова упала набок и он уснул.

Тамара сидела рядом и проверяла пульс. Василий уже собирался положить трубку, когда ему ответил женский голос.

— Вы мама Саши Никитина? — спросил Василий.

— Да. С ним что-то случилось? — взволнованно ответила женщина. — Я уже четыре часа жду сына и мужа, но никого нет.

“А что, если они прослушивают телефон Никитиных?”, — подумал Василий.

— Я хотел бы поговорить с ним, — сказал он в трубку. — Будьте добры, напомните ему, что он должен позвонить Царапкину.

Василий положил трубку.

— Что ты наговорил его матери? — спросила Тамара.

— Я боялся, что их телефон прослушивается.

Василий пересказал Тамаре события дня. Когда он закончил, она сказала:

— Нам тоже велели присутствовать на этих собраниях. Но я отпросилась у своего комсорга. У меня ведь была сильная головная боль вечером, — хитро улыбнулась она.

Тамара не желала посещать такие собрания и обычно ссылалась на головную или зубную боль.

Василий знал ее тактику и засмеялся:

— Ты не изменилась, сестричка, — сказал он. И поцеловал девушку в лоб.

А теперь тебе нужно поехать к Никитиным и рассказать им, что случилось.

Тамара поежилась.

— Нужно помочь. Я уверен, что за домом Никитиных наблюдают. Им нужно узнать, куда исчез Саша. Я предпочел бы не показываться на глаза этим людям, а у тебя могут быть свои дела. Съезди на велосипеде.

И вдруг он испугался за сестру. Как объяснит она милиции велосипедную прогулку ночью? Но Тамара уже одевалась.

— Переулочек Комсомольский, два, не так ли? Там живет моя подруга. В тринадцатом номере!

С этим она уехала.

5. АРЕСТ

Саша не знал, что его родители прервали поездку, узнав о собраниях в их районе. Когда они вернулись, мама осталась дома, а Андрей Петрович пошел на собрание в своей части города, чтобы выяснить, какие там прозвучат обвинения против него и его общины. Однако на собрании он отказался защищать себя. Просто сидел рядом со старшим пресвитером и тихо разговаривал с ним. Этот брат раньше принадлежал к нерегистрированной общине. После пяти лет, проведенных в тюрьме, он перешел в зарегистрированную общину, а вскоре стал старшим пресвитером области.

— Стоит ли защищаться и пытаться доказать, что мы не враги, если никто слушать не станет? — спросил Никитин.

— Партийный комитет начал всю эту кампанию, чтобы настроить население против нас. Они обещают дать некоторую свободу церкви, но при условии, что ее деятельность будет служить делу коммунистического строительства. А это значит, что мы, если не хотим конфликта с законом, должны работать против себя. Курседов позвонил мне вчера домой и сказал, что в каждой советской республике разрешено регистрировать до десяти молитвенных домов. “Но смотри, чтобы деятельность этих общин была направлена на благополучие, — предупредил он. — Ты должен воспитывать своих верующих, чтобы сидели тихо и не выступали против коммунистов. В противном случае мы в один день опять закроем все

ваши церкви". Я был подавлен до слез. Но пусть они делают свое дело, Андрей. Мы должны продолжать жить по Слову Божьему. Хотя становится все труднее так жить.

В этот момент старшего пресвитера попросили подняться на трибуну и высказаться против раскольников. Но он встал и сказал:

— Как я могу это сделать? Они же мои братья!

И вышел из зала.

Иосиф Лупа, друг Андрея Петровича и член общины, в которой Саша был проповедником, сидел рядом с Никитиным. Он подтолкнул его локтем и сказал:

— Пойдем и мы отсюда. Пусть атеисты играют в свои игры без нас...

Они встали и поспешили к выходу. За ними образовалась цепочка верующих, которые были вынуждены придти на собрание, но решили больше не слушать оскорблений.

— Эй, фашисты, куда уходите? — выкрикнул кто-то из зала.

Никитин остановился и с улыбкой сказал:

— Советский закон запрещает оскорблять чувства верующих. Вы сами видите, что советский закон нарушается на каждом шагу.

Один из сидящих в первом ряду, явно выпивший лишку, вскочил и заорал:

— Еще одно слово и я снесу тебе голову!

Никитин и его друзья не ответили на эту выходку, молча оставили зал. Лупа пригласил всех братьев на чашку чая.

По иронии судьбы, Лупа жил в большом доме, на первом этаже которого находилось районное отделение милиции. В подвале дома было несколько импровизированных камер. Кабинеты сотрудников были размещены над ними, а на верхних этажах — квартиры милицеских семей.

Внуку Лупы, майору, тоже дали квартиру. Майор Лупа был добросовестным служакой и многие намекали, что его фамилия не случайно означает увеличительное стекло ювелира — в следственных делах майор был педантом.

Успешная служба покрывала в глазах командования грустное обстоятельство его биографии: дед майора много лет просидел в лагерях, но после смерти Сталина был реабилитирован. Отец майора воевал и был удостоен высоких наград.

Старый Лупа пострадал даже не за веру, а за свой слишком длинный язык и любовь к политическим анекдотам. Вернувшись с

полей войны, в кругу своих друзей-фронтовиков он разразился анекдотом, который был сразу же забыт, но осталась в памяти его антисоветская сущность. После подписания пакта о ненападении между Советским Союзом и нацистской Германией, рассказывал он, один из государственных мужей заявил, что этот договор нельзя сравнивать с браком по любви, это скорее брак по расчету. Услышал раввин и ответил, что и в браке по расчету могут быть дети. Такой был анекдот или иной, но старый Лупа загремел на много лет в сибирский лагерь за антисоветскую пропаганду. И забыт был тот факт, что Лупа отличился своими героическими действиями у стен Сталинграда и при штурме Берлина.

Вскоре после ареста Лупы жена развелась с ним. Да и кто мог предположить в те годы, что он вернется когда-нибудь? Да если бы он и вернулся, какая может быть совместная жизнь с мужем, который носит клеймо “врага народа”? Ни работы подходящей, ни уважения в городе...

Из Сибири Иосиф Лупа вернулся верующим. Однажды в райкоме партии у него спросили:

— Как это тебя, фронтовика, угораздило стать верующим?

Подумав, старый Лупа сказал:

— Если бы Бог не дал русским силы нести ярмо, в которое вы их запрягли, то кто бы до сих пор терпел вас?

Конечно, еще недавно, за такие слова он вновь оказался бы за проволокой, но в стране была “оттепель” и на Лупу махнули рукой. А вообще вера пришла к нему еще в окопах...

Когда Лупа решил остаться в нерегистрируемой общине вместе с Андреем Никитиным, тот настоял на том, чтобы Иосиф остался в зарегистрированной церкви.

— Я не хочу своих друзей подвергать опасности из-за твоего острого языка, — пошутил Никитин.

Но они остались друзьями на всю жизнь.

Старый Лупа все еще тосковал по своей жене, которая после развода с ним вторично вышла замуж, но овдовела и теперь жила где-то в Москве. Ее второй муж, полковник, погиб в авткатастрофе. Лупа разыскал свою неверную жену и уговаривал ее вернуться к нему. Он убеждал ее, что все еще любит и прощает. Но уже немолодая женщина опасалась жить с баптистом и боялась потерять пенсию, которую она, жена офицера, получала в результате смерти мужа-кормильца.

Квартира Лупы была довольно таки просторная по стандартам советского времени. У самого майора была большая спальня, которая служила ему и рабочим кабинетом, а также огромная кухня, где он принимал гостей. На кухне стояла раскладная тахта деда и большой круглый стол, который был “реквизирован” в поместье графа Новикова, когда там устраивали детский дом. Бывший начальник милиции подарил этот стол майору Лупе, а он, в свою очередь, отдал его дедушке.

Дед был доволен. Теперь его кухня выглядела, как громадный кабинет партийного функционера. Когда-то Лупа помогал одному начальнику обставлять такой кабинет. И когда он увидел, как драпировщик закрепляет красную ткань на стуле, то заметил: “Эту бы ткань да мне на стол вместо скатерти!” Начальник, пребывая в хорошем настроении, приказал: “Дайте старику ткани, сколько ему надо!” С того времени красная скатерть лежит на столе Лупы.

В квартире Лупы была просторная кладовая без окон. Она оказалась весьма полезной. Лупа сделал здесь хранилище христианской литературы, привезенной из-за границы. Отсюда она переправлялась с невольной помощью всегда готовой услужить милиции.

Обычно все важные дела общины обсуждались в этой квартире. И сегодня не исключение. Братья собрались в комнате, пили чай и обсуждали все происшедшее за вечер. Андрей Никитин собирался говорить об издательстве “Христианин”, когда зазвонил телефон. Лупа поднял трубку.

— А, это ты, внучок... Да, да. Хорошо. Я сделаю. Пока.

Это все, что было сказано, но все видели, что старый человек был глубоко озабочен услышанным.

— Ерунда какая-то! — он посмотрел на Андрея Петровича. — Тебе приписывают избиение своего сына. Милиция уже на пути к месту события.

Все были потрясены. Никитин побледнел.

— Кому-то явно по душе грязные шутки. Отец и сын несут служение в общинах, идущих разными путями. Теперь они хотят инсценировать, что мы вцепились друг другу в горло. Я надеюсь, что ничего серьезного с Сашей не произошло, — сказал Никитин.

На несколько минут воцарилась тишина. Никто не знал, что и думать об этом. Наконец Никитин, собравшись с духом, сказал:

— Простите меня, друзья. Я должен спешить домой. Наташа, наверное, с ума сходит, переживая за нас обоих.

Он подал руку каждому и попросил молиться о нем и о его сыне.

* * *

Наталья Никитина, бледная, наблюдала из окна за действиями милиции. Она поневоле улыбнулась, увидев возвращающегося мужа.

— Ага, вот он! — крикнул Царапкин, когда увидел Никитина.
— А где твой сын?

Не говоря ни слова, Андрей поднялся к жене и обнял ее. Позже он напишет своему брату во Христе: “В эту минуту я почувствовал такую боль в сердце! Я готов был выть как собака от собственного бессилия, от невозможности доказать этим воинственным атеистам, что их выходки — безумие. Но я едва стоял, повторяя: “Да простит вас Господь!”

Царапкин пришел к выводу, что Никитин знал что-то о судьбе Саши, и что именно это побуждало его говорить “Да простит вас Господь!” Однако он был неправ. У Никитина были только предположения о том, что могло случиться. Он хорошо сознавал, что даже служители зарегистрированной церкви могли быть избиты милицией по приказанию КГБ, и подозревал, что нечто подобное произошло и с его сыном.

Вдруг один из милиционеров заметил, что молодая женщина заглядывала в дом. Он выскочил на улицу и заорал:

— Стой, стрелять буду!

Но было уж поздно. Женщина исчезла в темноте на своем велосипеде. Милиционер вернулся в дом, ругаясь. Царапкин тоже выскочил в дверь и чуть не сбил милиционера:

— Ты поймал ее? — закричал он.

— Нет, я ее даже не рассмотрел.

— Лопух! — заорал Царапкин.

— Я надеюсь это не касается моих подчиненных! — проворчал сердито майор Лупа. Он прошел мимо Царапкина и сказал Никитиным, что милиция собрала показания очевидцев: их сын Саша сильно избит после собрания, на котором было много сказано против баптистов-раскольников. Он был обнаружен на улице без сознания. Двое свидетелей утверждали, что видели Андрея Петровича и другого мужчину, избивающих Сашу. Но еще до того, как они смогли позвонить в милицию и в “скорую помощь”, жертва и его истязатели исчезли в ночи.

Никитины слушали молча. Сашина мама тихо плакала. Сначала его отец ничего не мог сказать. Потом, заметив беспорядок в комнате, открытые ящики, разбросанные чемоданы, он угрюмо спросил:

— Вы случайно не сына искали в чемоданах?

Милиционеры уже закончили обыск в доме. Теперь они кружком стояли на кухне и ожидали указаний. Майор Лупа и Царапкин составили протокол обыска и попросили Никитина подписать его.

Лупа подошел к Царапкину и прошептал: “А нельзя ли оставить его здесь? Он ведь не собирается убегать от нас”. Однако Царапкин не собирался исполнять пожелания Лупы, проявлять снисходительность. Он помотал головой: “Старик должен знать, где его сын”.

И тогда майор заявил:

— Прошу прощения, Андрей Петрович, но вы должны провести ночь в нашем отделении до выяснения обстоятельств.

Андрей Петрович с женой тихо молились. Потом он поднял голову:

— Я готов идти с вами. Оставайся с Богом, дорогая!

Никитин еще раз поцеловал жену и вслед за милиционерами вышел из квартиры.

* * *

Василий ожидал возвращения сестры. Для него драматические события этого вечера не были удивительными. Случалось, что студентов, отказывающихся сотрудничать с КГБ, находили повесившимися в своих жилых комнатах или в туалетах. Обычно они готовили к этому своих друзей, говоря: “Если со мной что-нибудь случится, я хочу чтобы вы знали, что я не хотел этого, но ничего не мог изменить”.

Были случаи, когда люди после допроса в КГБ погибали в автомобильных катастрофах. В таких случаях друзья Василия говорили: “Если хочешь остаться живым, нужно стать информатором или двойным агентом для блага церкви и выгоды КГБ. Конечно, это можно делать, пока тебя не разоблачат”.

Василий уснул в кресле и не услышал возвращения Тамары. Она не будила его, пока не приготовила постель.

— Василий, иди в свою постель, — сказала она, будя его.

Он потянулся и пробормотал:

— Я ужасно устал. Ты сказала родителям Саши, что произошло?

— Нет, там обыск в самом разгаре, — она посмотрела на спящего Сашу, — когда он проснется, нужно будет сделать обезболивающий укол.

Она задумалась на минуту:

— Ему нельзя оставаться на этом диване. Давай перенесем его на мою кровать, а я буду спать здесь. Кто-то может войти и увидеть его.

Она пошла в свою комнату, чтобы приготовить постель для Саши.

— Где наши родители? — крикнул ей вслед Василий.

Она ответила:

— Папа на работе. Я думаю, сейчас он в Челябинске.

Она опять вошла в комнату.

— Здесь, в институте, что-то не в порядке. Инженер Силич, ответственный за исследовательскую команду, связался с Сахаровым и хочет эмигрировать в Израиль. Он еврей, ты же знаешь. Его запросы постоянно возвращались и КГБ начал расследование. Они боятся разрешить ему выезд, потому что он много знает о нашей атомной энергетике. Папа же думает, что ничего такого он не знает, чего уже не знали бы на Западе. Теперь они сделали жизнь папе невозможной из-за того, что он взял Силича под свое крыло.

— Ему нужно держаться подальше от дел Силича или они его выгонят из института.

— И я ему это говорила. Однажды он пришел домой очень смущенный и сказал мне, что от него требуют вступления в партию.

— А что, — сказала я, — почему бы и нет? В любом случае, твое первое дело — наука, а не коммунизм.

В тот вечер он так напился за ужином, что без усталых пьяных песни. Через несколько дней он пришел домой с виноватым выражением лица и сказал:

— Доченька, я стал коммунистом!

Слезы текли по его лицу.

— Что ты говоришь, папа? — спросила я.

— Но, дитя мое, я человек науки! Зачем мне нужен их партийный билет?

Потом он очень тихо сказал:

— Все это большое вранье!

Я не знала, куда он гнет, поэтому спросила его:

— Ты бы и в нацистскую партию вступил, чтобы сохранить свое положение?

Он закричал:

— Иди ты к черту!

— Он никогда не кричал на меня, никогда! Я обиделась и пошла в свою комнату... Через час он пришел в комнату и попросил прощения. Он был действительно разбит. Целый вечер я успокаивала его. И с того времени, положив не на место свой партийный билет, он спрашивал:

— Где моя хлебная карточка?

Однажды он так забылся, что свое институтское удостоверение тоже назвал хлебной карточкой. В другой раз пошутил об этом в парткоме и секретарь партийного комитета напомнил ему о его месте. Я знаю, что папа до сегодняшнего дня помнит это напоминание.

Тамара подошла к дивану, на котором лежал Саша:

— Спит как сурок! Мне действительно жаль его беспокоить.

Она села на стул рядом с Сашей и посмотрела на его лицо:

— Красивый парень. Вылитый портрет своей матери.

Василий мягко улыбнулся:

— Недавно кто-то мне говорил, что она ему — не родная мать.

— Какая разница! — пожала плечами Тамара.

— Между прочим, ты ничего мне не сказала о нашей матери.

— А что, она со своим другом не проводывала тебя? — спросила удивленно Тамара.

— Почему она должна проводывать меня?

— Она со своим другом хотела поехать в санаторий. Они намеревались проведать тебя по дороге. Она очень хотела познакомить тебя со своим новым другом.

— Уже с новым? — спросил Василий. — Как отец может допускать такое? Почему он не выгонит ее? Неужели все актрисы ведут себя так, как наша мать?

— Не говори так, ты же священник. Ее новый друг работает в Центральном Комитете Компартии, представляешь? Он молодой карьерист твоего возраста. Может, немного старше тебя. Его отец работает в Совете Министров. Он безумно влюблен в маму, а она даже более безрассудна, чем он. И не ругай папу. Он любит маму и смотрит сквозь пальцы на все ее шальные выходки. Я думаю, что это

все из-за того, что он работает в атомной энергетике. Возможно, он уже не может жить больше с женщиной, понимаешь? И поэтому ей все прощает.

— Но маме уже пятьдесят пять! — заметил Василий.

— Не болтай глупостей. Тебе вверено духовное служение среди людей, и должен уметь прощать, уметь разбираться во всем, что происходит в их душах. Давай работать! Перенесем Сашу в мою комнату, а потом уже и самим пора отправляться спать. На улице светает. Сегодня я буду спать на всех лекциях!

Они приступили к работе. Глаза у Саши открылись и он попытался подняться, но, изнеможенный, опять опустился на постель, застонал.

— Ложись, герой, — проворчала Тамара. Вместе они уложили пострадавшего в постель Тамары. Вскоре после этого Василий и Тамара тоже уснули.

6. СОКОЛОВЫ

Василий не смог поговорить с Ириной перед отъездом из города, потому что через несколько дней после инцидента с Козловым она уехала повидаться со своим дедушкой. Утром в день своего отъезда она получила письмо от него. “Я беспокоюсь о тебе, дитя мое! — писал дедушка, — пожалуйста, приезжай, проведай меня как можно быстрее!”.

Письмо пришло как по заказу. Ирина прочла его отцу и быстро приняла решение. Отец намеревался лично подать заявление об увольнении и одновременно просить о своем переводе в Минск.

Ирина редко проводывала своего дедушку. Ее работа не оставляла для этого времени. И отец ее был недоволен, когда она уезжала к дедушке. Возможно, боялся, что старый человек раскроет ей тщательно скрываемую семейную тайну. Но при сложившихся обстоятельствах эта поездка была лучшим, что можно было бы предпринять.

Как только Ирина приехала, дедушка повел ее на прогулку вдоль берега моря. Он знакомил ее со своими знакомыми, весело подхватывал под руку и даже пытался толкнуть в Черное море. Они останавливались у самой воды и брызги мочили их одежду. Ходили слухи, что старику не было девяносто лет, просто он добавил десяток-другой к своему настоящему возрасту. Владимир Соколов просто ликовал по этому поводу. Он ухаживал за всеми пожилыми

дамами своего круга и терпеливо принимал нетерпимое отношение Пелагеи к своим поступкам. Она была на тридцать лет моложе своего мужа, но этого никто бы не заметил с первого взгляда. Она была его пятой женой. Он пережил четыре жены и с каждой из них был в отличных отношениях. Иногда он говорил Ирине, что Бог дал ему хорошее здоровье и долгую жизнь с тем, чтобы он осчастливил советских женщин.

— Посмотри, у нас чрезмерное число женщин в результате войны. Кто-то же должен о них заботиться, — говорил он.

Длинными вечерами он полностью посвящал себя воспоминаниям, особенно о годах работы с профессором Павловым. Он называл Павлова своим мастером и ученым без компромисса. Он сам работал в области психологии, но не сделал никаких важных открытий и остался на всю жизнь кандидатом медицинских наук.

“Павлов был истинно верующим, — говорил Соколов Ирине, — настоящим богобоязненным ученым двадцатого столетия”. Он сравнивал духовные позиции Павлова с положением руководителей нынешней церкви в Советском Союзе и говорил иронически: “Эти марионетки атеистического и утопического коммунизма просто ничего не знают об истинном Христе. Они продают Христа за тридцать серебрянников опять и опять!”

Ирина слышала эти истории много раз. Что она не знала, так это того, что дедушка хотел бы поговорить о чем-то другом, но его сын запретил ему это, а Владимир Соколов был человеком слова. Однако каждый раз, когда Ирина проводывала его, его опять навещали воспоминания. Случилось это и сегодня.

— Оставь меня одного на время, Ирина. Я хочу полежать в кресле. Пойди, искупайся!

Это очень подходило Ирине.

— Только не храпи так сильно, а то волны поднимутся, — поддела она его и ушла.

Что же действительно тогда произошло?

* * *

— Вы Владимир Соколов? — спросил у него капитан Волин. Офицер запинаясь: “Я не знаю как и сказать вам.. но..”

Наступило неловкое молчание.

Дурное предчувствие охватило Соколова и он спросил:

— Что же вы молчите? Говорите что-нибудь! Что-то случилось с Юрием?

Волин был одним из ближайших друзей Юрия. Они оба работали в контрразведке.

Наконец Волин выпалил правду, как из пушки.

— Невеста вашего сына и ее родители под арестом. Юрия сместили с его поста и направили на передовую.

Сказав это, Волин развернулся и выбежал из квартиры Соколова, даже не попрощавшись.

Владимир как раз потерял свою вторую жену. Он жил на маленькой улочке в Москве и работал в институте. Вначале он хотел побежать за Волиным и расспросить его побольше. И так, у Юрия была невеста? Почему же она арестована? И почему уволили Юрия? Но после услышанной новости Соколов не мог двигаться. Он остался сидеть как вкопанный и размышлял над этой неожиданной вестью.

Сибирский кот-любимец прыгнул к нему на колени и начал тереться пушистой головой. Он прижал кота к себе, встал, позвонил своему начальнику и рассказал ему о визите Волина, спросил его совета.

Профессоры института жили в постоянном страхе. Мало кто уцелел во время чисток 1937 и 1939 годов. Когда разразилась война, многих освободили и большинство сразу же попросились на фронт. Но их просьбы отклонили, а вместо этого отправили ученых в закрытые исследовательские центры и институты. Никто не имел гарантий, что из-за какого-нибудь пустяка его не отправят обратно в лагерь. Соколов имел некоторое преимущество, потому что директор института был его другом, а брат директора занимал важный пост в КГБ.

— Владимир, я приложу все усилия, чтобы выяснить, что случилось и помочь твоему сыну. Жди моего телефонного звонка, — сказал начальник.

Несколько месяцев назад этот начальник уже помог Соколову выбраться из очень деликатной ситуации. Тогда в дело был замешан руководитель большой организации в Ленинграде. Его смертный приговор был заменен многолетним заключением после личного вмешательства директора, а после пересмотра дела — редчайший случай! — тот вернулся к своей работе. Имя этого человека было Борисов. В тот раз Юрий просил своего отца замолвить доброе слово

за Борисова перед директором. А теперь сам Соколов в этом нуждался.

Он не мог сказать, сколько времени просидел, ожидая звонка. Наконец, телефон позвонил и директор, не называя имен, намеками расказал, что Юрий впал в немилость из-за любовной истории. Он влюбился в дочь того же Борисова. Девушку зовут Наташей. Случилось так, что Борисов и его семья услышали странствующего проповедника и вскоре все они обратились к Богу. После этого Борисов отдал секретарю парткома свой партийный билет. На следующий день он и его семья были арестованы и приговорены к десяти годам тюрьмы.

— Но причем же Юрий?

— Были все признаки, что ваш сын был помолвлен с Наташей и собирался на ней жениться. Я также узнал от своего брата, что Наташа ждет ребенка от вашего сына. Однако они все же приговорили ее к десяти годам лишения свободы, не приняв во внимание ее состояние. В конце концов идет война и у людей нет милосердия. Ваш сын ничего не знает обо всем этом. Его сразу же отправили на передовую, так как он был связан с “врагами народа”. А может, в этом его спасение?

— Что же привело Юрия в Куйбышев, где он познакомился с Борисовым? Ведь последние несколько месяцев он провел в Ленинграде?

— Я ничего больше не могу сказать. Это тоже не относится к делу. Единственное, на чем мы должны сейчас сосредоточить внимание — это ребенок. Мы должны спасти дитя твоего сына.

Они долго говорили об этом. Всю ночь Соколов не сомкнул глаз. Через месяц он получил письмо. Сначала он подумал, что оно от Юрия, но ошибся. Он открыл конверт и увидел незнакомый почерк:

“Дорогой дедушка Владимир! Вы — отец Юрия, а я до сегодняшнего дня продолжаю любить Юрия. Юрий много хорошего рассказывал мне о вас и, любя, называл вас “дедушка Владимир”. Поэтому я тоже пользуюсь таким обращением. Я дочь Борисова, которого вы спасли от экзекуции. Вы не знали этого, но я была помолвлена с Юрием. Мы познакомились в Ленинграде и встречались с ним время от времени в Куйбышеве, когда он приезжал сюда по делам службы. Мы собирались пожениться, не ожидая окончания войны. Но случилось что-то неожиданное. Я приняла Господа. Пожалуйста, не рвите мое письмо сейчас, выслушайте, что я хочу сказать!

Я изучала философию. Я много читала, начиная с греческих философов и до Маркса. Опять и опять и пыталась найти причину зла. Почему оно возникло и почему человечество не может его уничтожить? Почему существуют войны и почему люди ненавидят друг друга? Во всяком случае, однажды вечером, прогуливаясь с отцом, мы наткнулись на дом молитвы баптистов. Мы вошли. Там сидело несколько пожилых мужчин, слушавших речь молодого человека в военной форме. Его отправили домой с фронта по ранению. Как мы все знаем, во время войны Сталин разрешил вновь открыть несколько церквей. Никто не заметил нашего вторжения. Молодой человек говорил о блаженном Августине, чья история уже пленила меня во время учебы. Он говорил, что все зло, корень греха, генетически передается от родителей к ребенку и что мы, то есть все человечество — приходим в мир уже с семенем греха. Это зло растет в нас и превращает нас в эгоистичных и завистливых людей. Война, страдания, нищета и эксплуатация вызваны тем фактом, что мы несем этот первоначальный грех в себе. Однако войны не могут быть остановлены применением оружия! Те высокие моральные принципы, которые позволяют нам устранять все войны, можно найти только во Христе. Да, не в церкви, но в Самом Иисусе Христе. Это суть того, что рассказал молодой человек.

Этот молодой человек, — продолжала девушка, — говорил очень сильно. Можно сказать, что он говорил с глубоким убеждением. Абсолютно очевидно, что он много думал об этом на фронте и там же пришел к этому заключению. Мы с отцом оставили Дом молитвы незамеченными, так как мне нужно было идти на работу в больницу. Позже я много времени провела в поисках работ Августина в библиотеках своих друзей. Наконец, представитель духовенства дал мне старую книгу. В ней я нашла те же мысли, которые высказывал молодой человек в тот памятный вечер. Эти мысли преследовали меня и моего отца везде, куда бы мы не шли. В результате однажды вечером за ужином вся наша семья решила перейти в христианство. Я вернула свой комсомольский билет, а отец свой партийный билет. Этого было достаточно для того, чтобы всех назвать “врагами народа” и осудить на десять лет лишения свободы.

Я очень хотела встретиться с Юрием еще хоть один раз. Я хотела ему сказать, что ничего больше не смогла сделать. К сожалению, это было невозможно. Я прошу Юрия простить меня за то, что я принесла ему реальные трудности. Но самое главное, я хочу

сообщить вам, дедушка Владимир, что я жду ребенка от Юрия. Я сейчас на четвертом месяце беременности. Юрий ничего об этом не знает. У меня слабое здоровье и я боюсь, что не смогу выносить ребенка до положенного срока. Я стала верующей через месяц после моей последней встречи с Юрием. Умоляю вас, передайте ему, что я продолжаю любить его. До свидания, дедушка Владимир! Я выброшу это письмо на улицу из автомобиля при конвоировании, потому что мне не позволяют отправлять и получать почту. Ваша Наташа".

Вот такая тайная любовная история была у его сына. А от Юрия тем временем не было никаких писем. Он был где-то на передовой. Может быть, его уже и не было в живых.

Соколов со своим другом, директором, начали составлять планы, как спасти ребенка Наташи. Сначала они разузнали, в какой тюрьме отбывает свой срок Наташа. Потом связались с начальником тюрьмы и убедили его перевести Наташу на легкий труд. Она родила девочку в тюремной больнице. Директор и Соколов поехали в Сибирь и взяли ребенка на свое попечение. Соколов считал себя ответственным за ребенка своего сына. Ему жалко было и мать ребенка, но он не чувствовал уверенности в своих связях и не считал возможным ходатайствовать за нее. Наташе сказали, что ребенок умер. Соколов вскоре потерял связь с молодой женщиной, так как забота о младенце занимала все его свободное время. Он вынужден был нанять домработницу, добрую женщину, которая потеряла на войне мужа. Она заботилась о маленькой девочке. Так как у домработницы не было своих детей, она всю свою любовь отдала маленькой внучке Соколова.

Соколов ничего не знал о Юре до самого конца войны. Когда, наконец, Юрий появился в доме своего отца, Соколов не узнал его. Бородатый, повзрослевший, как-то духовно возмужавший, Юрий стоял посреди комнаты и говорил:

— Ну, папа, ты что меня совсем не узнаешь?

Они обнялись. Владимир ничего не видел из-за слез.

— Дедуля, дедуля, ты говорил мне, что мужчины не плачут, а сам плачешь! — ребенок, наблюдавший из-за своего столика за двумя мужчинами, смотрел на Юрия с открытым любопытством.

— Кто это, папа? — спросил Юрий.

— Твоя дочь.

Девочка соскочила со стула, обошла Юрия и внимательно осмотрела его со всех сторон.

— Нет, — сказала она, надув губы. — У моего папы нет бороды!

Она побежала в свою комнату и принесла фотографию Юрия. Потом оценивающе посмотрела на фотографию и на мужчину, стоявшего перед ней, задумчиво, как это делают взрослые, покачала головой. Наконец, Владимир предложил сыну сесть на диван и познакомил его со своей третьей женой Лилей, бывшей домработницей. Потом принес письмо от Наташи и вручил его Юрию.

Юрий начал читать, побледнев, время от времени поглядывая на ребенка. Наконец, он оторвался от письма, и спросил:

— Где она?

Отец не ответил. Юрий тихо встал, подошел к малышке и присел возле нее на корточки.

— Так что, я не похож на фотографию твоего папы, а?

Девочка отступила на пару шагов:

— Нет. У моего папы нет бороды. И он офицер. А ты только солдат.

Юрий рассмеялся. Он был майором. Подхватив свою сопротивляющуюся дочь, он объявил:

— Я сейчас же сбрею бороду и ты увидишь, что я — твой папа!

В этот вечер отец с сыном долго говорили о прошлом Юрия и о его будущем. О Наташе они больше не вспоминали.

Прошло много времени, прежде чем Юрий смог поступить в институт, чтобы обучиться новой профессии. Свое свободное время он проводил с ребенком. Они стали такими близкими друзьями, что дедушка начал ревновать. Возможно, это звучит смешно, но к ребенку он был привязан даже больше, чем к своему собственному сыну, и чувствовал, что не сможет пережить отъезд их обоих. Но к этому дело еще не дошло. Юрий начал изучать медицину. Иногда на лекции он брал с собой дочь. Студенты баловали девочку. Родители Юрия настаивали на его женитьбе. Его ответом было отрицательное покачивание головой. Наконец эти постоянные советы начали действовать ему на нервы. Он взорвался:

— Ради Бога, оставьте меня в покое! У меня нет намерения жить когда-либо с другой женщиной!

Но маленький ребенок в конце концов начал задавать вопросы о своей маме. Казалось невозможным отучить ее от этой привычки, пока она не открыла для себя, что и в других семьях не всегда можно получить ответы на все вопросы. Нужно все обдумывать очень тщательно. Ирина научилась этому очень рано.

Солнце поднялось так высоко, что начало светить прямо на старика. Он ворочался с боку на бок, пока не нашел небольшую тень, устроился и продолжал наслаждаться своим отдыхом.

Вдруг он почувствовал капли воды на своем лбу, щеке и даже на рубашке. Он открыл глаза и увидел, что Ирина уже вернулась и выкручивала над ним свой купальный костюм.

— Что ты себе позволяешь? Иди отсюда, непослушное дитя! — закричал он. Ирина подала ему руку, чтобы помочь встать на ноги. И привычным шагом они направились домой. Завтра Ирина отправится в Минск, чтобы приступить к своей новой работе.

Юрий Соколов не смог найти квартиру в Минске и был рад принять предложение своего кузена Серова остановиться на некоторое время в его доме. У Серова был большой красивый дом на берегу реки Свислочи. Там было достаточно места для Соколовых. Ирина сможет заниматься с детьми. Ей будет полезно пожить в большой семье, вместе с детьми плавать на лодке, купаться, играть в теннис. Тем не менее Юрию пришлось предупредить свою дочь быть поосторожнее, потому что Серов занимал важный пост в КГБ. Все телефонные звонки из этого дома контролируются. Сам Серов большую часть времени проводит в командировках, так что семья редко видит его. И Соколовы также нечасто будут общаться с ним.

Ирина опять работала в исследовательском институте. В настоящее время она и думать не могла о своей диссертации. А ее отец работал в поликлинике. Они старались забыть неприятное происшествие с Козловым.

7. ПОДОЗРЕНИЕ

КГБ не имело материалов, компрометирующих Александра Никитина. Следователи блефовали, предъявляя его отцу фальшивки, чтобы напугать его. Было ясно, что Саша медленно выздоравливал от побоев и что его состояние можно использовать для незаметного влияния на отца. Его состояние описывалось в самых тревожно-провоцирующих тонах Андрею Никитину. Власти надеялись, что отец будет готов сделать все, лишь бы уберечь и сына от тюрьмы.

Старшие братья в общине советовали Саше взять отпуск по состоянию здоровья на несколько месяцев и провести это время на

Черном море. Гость из Соединенных Штатов привез тысячу рублей от миссионерской группы и старшие братья решили потратить этот дар на Сашино выздоровление.

Ирина узнала об этом от Василия. Она сразу же позвонила Саше и напросилась на встречу в следующее воскресенье. Во время короткой поездки от железнодорожного вокзала до квартиры хирурга Федина Ирина пыталась убедить Сашу провести свой отпуск в крымском городе Судак, где жил дедушка Ирины. Когда Саша, наконец, согласился, она позвонила дедушке прямо от Федина и попросила сдать Саше ее бывшую комнату с видом на море. Эта комната специально предназначалась Ирине, когда дед покупал дом на юге. Он хотел, чтобы Ирина знала — она всегда там желанна, это и ее дом также.

— А ты уверена, что этот баптистский проповедник не служит информатором в органах? — очень неосторожно заворчал старик по телефону.

— Дедушка, не надо подозревать каждого! — сказав это, Ирина подмигнула Саше, чтобы он правильно понял этот разговор.

— Хорошо, — сказал дедушка. — Но ты ведь не собираешься убеждать меня в том, что Никодим не служит там!

Никодим был архиепископом, Ирина хорошо знала его историю. Однако она сказала:

— Послушай, дедушка, я же не дочь и не внучка миллионера, поэтому не могу обсуждать эту тему по телефону! Ты сдаешь Саше мою комнату или нет?

— Конечно! Естественно! Бесплатно! Скажи ему, пусть приезжает! Но чтобы здесь он не занимался пропагандой своей религии. Моя вера следует по пути Павлова, и совсем не похожа на веру баптистов. Между прочим, я хотел бы знать, а вы с Сашей еще не жених с невестой? И когда вы вдвоем приедете сюда?

— Слушай, дедуля, — голос Ирины стал резким, — ты определенно обижаешь меня таким допросом! Я не приеду! — Ирина была готова повесить трубку.

— Подожди! Пожалуйста, внучка, подожди! — закричал старый Соколов. — Не будь так нетерпелива к старым людям! Я должен обсудить с тобой свое завещание. К тому же я волнуюсь, что с тобой может что-нибудь случиться. Может ты приедешь, любовь моя? Пожалуйста. У меня здесь так много всего, что я хотел бы рассказать тебе!

Голос дедушки звучал так умоляюще, грустно, был полон заботы, что сердце Ирины расстаяло.

— Хорошо, я приеду! Но сейчас ложись и немного поспи, дедушка, ты должен отдохнуть! — уже поздно.

— Я уже на пути к постели, Иринушка! Пока.

Ирина положила трубку и помолчала. Близилась полночь. Ее глаза встретились со взглядом Саши, который сидел в кресле напротив нее. Она быстро отвернулась. Саша почувствовал, что он для нее значил больше, чем она готова была признать. Все время с того момента, как они случайно встретились в купе поезда, он опять и опять думал о ней.

Они приехали к Федину, члену Сашиной общины, потому что Саша хотел услышать мнение врача о предстоящем путешествии. Федин пообещал так же дать ему кое-какие лекарства и посоветовать, что нужно делать для полного выздоровления. Но Федина вдруг вызвали в клинику, и Саше с Ириной пришлось ждать его. Он появился около полуночи и сказал, что теперь полностью в их распоряжении. Жена его пожелала всем спокойной ночи и ушла.

— Ирина, откуда ты узнала, что М. сотрудничает с КГБ? — спросил Федин. — Ты уверена, что это правда?

Ирина, сидевшая за столом, пересела на диван к Федину. Она не ожидала такого вопроса в столь поздний час.

— Когда мой дедушка еще жил в Горьком, — объяснила она, — местные писатели, поэты и художники регулярно собирались в его доме. Я также часто присутствовала на этих званых вечерах и даже участвовала в дискуссиях. Например, мы говорили о том, что случилось с русской литературой. Естественно, наши обсуждения на этих вечерах были вполне искренни и критичны. Говорили о том, как партия сумела взять в свои руки управление советской литературой, задав ей желанное направление. Мы были очень открыты и не выбирали слов. Однажды М. появился у дедушки. Они познакомились во время войны. Дедушка доверял ему, даже зная, что он был баптистом, да еще к тому же и проповедником. Во время одной из вечерних бесед М. был особо, исключительно внимателен и даже прилежно записывал высказывания отдельных писателей. Это не вызвало особенного любопытства, так как многие делали заметки во время этих дискуссий. Писателям даже льстило, что их мысли кто-то записывает для себя, для будущей книги — какая разница. Но на этот раз последствия встречи были довольно трагичны для моего де-

душки и его гостей. Вскоре после этого, всех присутствующих на вечерних обсуждениях вызвали в КГБ, а ты знаешь, как проводятся в таких случаях их “собеседования”. Две писательницы были доставлены к профессору Кошкину. Он определил их в психиатрическую лечебницу, в институт Сербского. И никто не знает, что с ними было дальше. Мой дедушка также пережил несколько неприятностей и решил узнать, кто же был информатором. Он назвал свое частное расследование “Операция “Рыжий” и несколько лет посвятил ему, но с малым успехом.

Однажды М. вдруг проявил повышенный интерес к нашей группе “Диалог”. Так как мы работали в полной секретности, не было канала, по которому посторонний мог узнать что-нибудь об этом. Таким путем мы хотели обезопасить всех в общине. Мы могли работать без тревоги и никто в общине не подвергался опасности. Но М. был полностью знаком со всеми деталями нашей деятельности, его предельное любопытство вызвало обоснованные подозрения и мы решили поговорить с ним об этом. Почти месяц мы молились об этом разговоре. Мы боялись обвинить его без причины. Не буду пересказывать эту встречу, но Господь помог нам и М. открылся, сказав, что он был связан с КГБ. Мой отец раньше предупреждал меня об этом. Когда дедушка узнал о том, что нам стало известно, то сказал: “Нельзя изменить естественный цвет рыжих волос”. Эти слова стали крылатыми в нашей среде и мы повторяем их, когда говорим о безнадежной ситуации.

— Неужели положение М. настолько отчаянное? — спросил Саша. — Неужели он никогда не сможет избавиться от влияния КГБ?

— Он может все устроить, — ответила Ирина. — Когда покрывало было снято с него на собрании Совета Церквей, ему следовало бы написать открытое покаянное письмо каждой церкви в России. Он мог бы исповедаться, как попал в сети КГБ, и получить прощение. Но он очень боялся органов. В результате его отлучили от церкви. М. глубоко обиделся. Правда, потом он “публично исповедался” в своем грехе перед национальным конгрессом Всесоюзного совета баптистских и евангельских церквей. Естественно, он был прощен в духе великодушия и опять был принят в ряды Всесоюзного совета.

— Понятно, — пробормотал Федин, вставая с дивана. — Снимаю рубашку.

Это он сказал Саше, доставая светоскоп.

Прослушав Сашин пульс и измерив его кровяное давление, он заявил:

— Твое сердце все еще не работает как следует. Тебе нужно хорошо отдохнуть. Когда поедешь на отдых, постарайся побольше бывать на свежем воздухе. Каждое утро гуляй по полчаса. И перед сном также прогуляйся по берегу моря. Я смог достать тебе некоторые лекарства и записал, как их нужно принимать.

Федин вручил Саше маленький пакет и задумчиво посмотрел ему в глаза.

— А теперь в постель! Ирина, ты спишь в комнате Елены.

— Я лучше вернусь домой, Игнат Петрович, — сказал Саша. — Мой велосипед в прихожей?

Несколько недель тому назад он одолжил свой гоночный велосипед Федину, чтобы тот смог участвовать в велосипедных гонках. Через секунду Федин вернулся.

— Тебе составить компанию? — спросил Федин.

— Нет, нет, спасибо, — ответил Саша. Он пожал руку Федину, Ирине и вышел.

* * *

Саша всегда любил своего отца. Но когда он думал об этом в поезде, то понял, что они хранили секреты друг от друга. Каким-то образом недоверие между зарегистрированной и нерегистрируемой общинами вторглись также во взаимоотношения отца и сына. Поэтому они редко были одного мнения, обсуждая деятельность церкви. В результате такие разговоры заканчивались многодневным молчанием. Отец стал особенно замкнутым и угрюмым после двухнедельного пребывания в камере КГБ. У Саши сложилось впечатление, что с этого времени отец стал разбитым человеком. Что же действительно произошло? Подсознательный страх охватил Сашу и ему захотелось остаться дома, не покидать отца.

* * *

Откуда взялось это ноющее чувство нелегкости? Он не был особенно обеспокоен, когда вдруг община отца получила комнату для служений в одном из пригородов и стала зарегистрированной. Наоборот, это дало возможность организовать много совместных встреч с молодежными группами двух церквей. Саша часто пользовался этим. Молодежь обеих общин часто вместе выезжала в лес. Там они искали подходящее место для игр, изучения Библии и

песнопений. В это время они свидетельствовали друг другу о духовном общении с Господом на работе и в школе.

Царапкин, уполномоченный по делам религиозных культов, с недоверием наблюдал за этой совместной деятельностью. Он воздерживался от резких мер против молодежи, чтобы не потерять контроль над обеими общинами одновременно. Почувствовав опасность, община Никитина-старшего могла бы отказаться от статуса зарегистрированной церкви и тоже уйти в подполье. А ведь именно этого ни Царапкин, ни его начальники не хотели.

Саша знал ахиллесову пяту своего оппонента и искусно извлекал пользу из этого знания для обеих общин. Но будет ли его преемник настолько находчив? Приобретет ли он доверие молодых людей? Будет ли сведущ в правилах конспирации по отношению к КГБ? Не только эти вопросы заботили Сашу, он также волновался, что община, даже подтвердив избрание нового руководителя, будет наблюдать за ним с определенным чувством недоверия. До того, как все члены общин будут готовы принять его без опасений, новый руководитель должен доказать, что он последовал за Христом безоговорочно, приобрести личный духовный авторитет.

Вдруг поезд уменьшил ход и окончательно остановился в поле. Очевидно, ожидалась значительная задержка, потому что бригада проводников собралась и разговорилась возле вагона. Слышно было, как во всех купе открываются двери. Саша тоже решил выйти и немного размять ноги. Он начал осматривать вышедших из поезда и обнаружил знакомое лицо. Голев — такова была фамилия пожилого мужчины. Саша подошел к нему и поздоровался:

— Мы знакомы, не так ли? Меня зовут Никитин. Вы должны знать моего отца.

Голев посмотрел на Сашу изучающе.

— Никитин, говоришь? Да, конечно, я знаю его. А ты его сын? Это здорово! В каком вагоне ты едешь? Может, я бы перешел к тебе или лучше ты ко мне перейдешь?

У Голева был небольшой багаж, поэтому они решили, что он придет к Саше в купе. Этот пожилой проповедник был членом Совета Церквей и только недавно вернулся из заключения. Он ехал на собрание Совета. Как только Голев сел напротив Саши, поезд тронулся.

— Как твой отец? — поинтересовался Голев. — Я слышал, что тебя ночью избили? Ты и сейчас неважно выглядишь, молодой человек!

— Сергей Терентьевич, — ответил Саша, — это все не так важно. Мне сейчас немного лучше. Но я волнуюсь за моего отца. Вы его хорошо знаете, поэтому я прошу вас помочь ему. Я не могу освободиться от ощущения, что его что-то мучит, что он не в ладу сам с собой. Вы знаете, после того как его взяли в КГБ на две недели, отца стало трудно узнать. Он подавлен, у него выражение лица, как-будто... ну, как-будто у него совесть нечиста.

— Ты думаешь, что его вынудили работать на КГБ? — осторожно спросил Голев.

— Нет, — быстро сказал Саша, испугавшись услышать выраженную мысль, которую он сам еще не был готов принять. — Нет, нет, не это, но, может, да?

Саша замолчал.

Пожилой мужчина тоже, казалось, был погружен в мысли.

— Ты знаешь, я вспоминаю, что полковник КГБ говорил одному из братьев, что теперь они начнут разрушать братство Совета изнутри. Теперь мы знаем, как они устраивают это. Они сеют разногласие между служителями, создают вражду искусственными средствами и всеми видами интриг стараются посеять недоверие среди этих людей. Им понадобилось немного времени, чтобы вовлечь в свои сети старого проповедника по имени М. И теперь они делают это с другими. Да, если ты несешь на себе тяжелый груз, то очень трудно сделать вид, что у тебя его нет. Мы все еще избегаем осуждать тех, кто отдал свою совесть монстру КГБ. На мой взгляд, нам не нужно слишком стараться, чтобы раскрыть их публично, но нужно помочь им освободиться от этих дьявольских пут. Да, мы протягиваем руку помощи таким людям и предлагаем им нашу помощь. Но многие так глубоко увязли в этом, что боятся за свою жизнь. В эти трудные дни у нас больше проблем с пастырями, чем с их стадами, не так ли, мой дорогой брат?

Поезд остановился. Голев взглянул в окно и поспешно схватил свои пожитки.

— Пока! Пусть Господь сохранит тебя в пути, дорогой брат. Я буду молиться о тебе и твоём отце.

Он крепко пожал Саше руку и вышел из поезда. Саша и не подозревал, что через несколько недель после этой встречи Голев

вновь будет арестован КГБ во время церемонии рукопожатия. Это был его четвертый арест. Саша больше его никогда не видел.

В Херсоне Саша вышел из поезда и попал прямо в медвежьи объятия своего друга Неверова:

— А ты похудел, — удивленно сказал Неверов. — Вполне понятно: что-то гложет тебя. Уже давно пора тебе найти единственную и любимую, да и жениться!

— Давай, давай, без резких сцен. Люди начинают обращать на нас внимание, — проворчал Саша. — Надо бы быстренько убираться отсюда.

— Идем, идем, дорогой друг. — Неверов ускорил шаг. — Моя жена специально в твою честь испекла пироги. Абсолютный деликатес, в чем ты сам скоро убедишься!

8. СЕКРЕТНАЯ КОМАНДИРОВКА

Саша сидел за столом рядом с Неверовым и внимательно рассматривал своего друга детства. Неверов недавно стал верующим, но уже много сделал для преследуемых, гонимых общин.

В этой гостеприимной семье Саша чувствовал себя как дома. Жена Неверова была спокойной, скромной женщиной и немного напоминала ему собственную мать. Она была поразительно красивой, хотя казалась немного наивной. Потчевала Сашу различными деликатесами, в то время как муж смотрел на жену с любовью и постоянно хвалил ее. Жена со смущенной улыбкой протестовала. Саша весело наблюдал за всем происходящим.

После обеда Сашины друзья настояли на том, чтобы он прилег отдохнуть. Он с благодарностью принял их предложение и быстро задремал.

— Вставай, друг, уже семь часов! — услышал он вскоре басистый голос Неверова.

Саше стало стыдно, что он так долго спал. Он быстро умылся, немного поел со своими друзьями и в восемь часов вместе с Неверовым они покинули дом.

Автобус шел тяжело. Казалось, что он сильно загружен.

— Я не слишком тяжел для этого автобуса? — пошутил Саша.

Его друг только улыбнулся:

— Я везу драгоценный груз, дорогой, который весит больше, чем тридцать шесть студентов, которым предстоит разместиться в

автобусе. Скоро ты поймешь, о чем я говорю. А пока ни о чем не спрашивай.

Сашино любопытство взяло верх над осторожностью и он проверил в автобусе каждое сидение, однако, ничего не нашел и сел рядом со своим другом, покачивая головой.

— Как ты был партизаном, так ты им и остался, Неверов!

Тот улыбнулся и сосредоточился на дороге.

Вдруг Неверов увидел в обзорном зеркале черную “Волгу”.

Машина явно следовала за ними. Он съехал к обочине дороги, показывая, что “Волга” может объезжать их. Но водитель черной “Волги” не собирался их обгонять. Неверов встревожился.

— Мне не нравится, что эта “Волга” тащится за нами, — сказал он. — Если они спросят наши документы, ответь, что ты — сотрудник зарегистрированной общины, кем ты собственно и есть. А обо всем остальном я сам позабочусь.

Саша оглянулся. “Волга” все еще шла за ними. На развилке дорог Неверов сказал:

— Нам вообще-то нужно здесь повернуть. Но у нас нет выхода — надо ехать прямо.

Наконец, километра через три, “Волга” обогнала автобус и перекрыла ему дорогу. Из “Волги” вышел мужчина и знаком показал Неверову остановиться у обочины. Как и предвидели Неверов и Саша, их преследовали работники КГБ.

— Паспорта! — потребовал один из четырех. Неверов и Саша дали свои паспорта, а Неверов также водительские права.

— Вы едете в Феодосию? — спросил плотный мужчина.

— Так точно, — ответил Неверов.

— А что везете в автобусе?

Неверов улыбнулся:

— Только сидения, на которых будут сидеть молодые пассажиры, за которыми направляюсь!

— А нет ли, случайно, в вашей машине Библии? — поинтересовался один из преследователей.

— Прежде чем везти Библию, ее нужно напечатать, — ответил с упреком в голосе Неверов. — Вы же разрешаете печатать только несколько тысяч раз в пять лет и этого должно хватить миллионм людей?

Чекисты самодовольно ухмыльнулись и прошлись по салону автобуса, осматривая сидения. Ничего не найдя, они позволили Неверову ехать дальше. “Волга” осталась на обочине.

Через полчаса Неверов свернул с главной дороги в близлежащее село. Там он выключил свет, велел Саше остаться в автобусе и исчез. Через несколько минут он вернулся и поехал дальше, не включая фар. Доехав до небольшого леса, он остановился и вновь сказал Саше:

— Как ты смотришь на то, чтобы лечь на сидениях и немного вздремнуть? Мы здесь будем стоять около двух часов.

Саша не расспрашивал его и принял совет как неизбежность. Неверов опять исчез. Саша лег на сидение, но никак не мог уснуть. Он вышел из автобуса и начал глядеть на звезды. Вдруг он услышал шепот в кустах.

— Мне нужно побыстрее разгрузиться ночью, — Шептал Неверов своим басом, в котором невозможно ошибиться. — Кто-то предал меня. КГБ идет по пятам.

— А этот твой друг, служитель зарегистрированной общины? — спросил другой голос. — Может, это он сделал?

— Ни в коем случае! Мы проверили Никитина, он абсолютно надежен. Ирина Соколова, его подруга, и она даже рекомендовала его для нашей работы.

В темноте Саша почувствовал, как покраснело его лицо. Какое право имел Неверов называть Ирину его подругой? Он даже не упоминал ее имени!

— Хорошо, — ответил ночной собеседник, — подожди здесь. Я вернусь с машиной.

Саша быстро зашел в автобус и лег на заднее сидение. Вскоре после этого вошел Неверов и удобно уселся на одном из передних сидений. Потом Саша услышал тихое ровное дыхание. Неверов уснул. Он научился засыпать в любом положении и в любое время суток с тем, чтобы иметь достаточно сил для частого бодрствования ночью.

В конце концов Саша задремал. Но какой-то шум опять разбудил его. Когда он поднял голову, то увидел мужчин, которые доставали пакеты книг из-под сидений и передавали их в окно. Другие подхватывали пачки и складывали в багажник автомобиля. В связках были Библия и Симфония в темных переплетках.

Когда подошла вторая машина, Сашу попросили встать. Он молча вышел из автобуса. Неверов похлопал его по плечу и сказал:

— Мы скоро закончим. Почему бы тебе немного не пройтись? Мы будем здесь недолго.

Запели далекие петухи и на востоке небо посерело. Когда закончили разгрузку, Неверов позвал Сашу. Они вошли в автобус. Неверов коротко помолился и они двинулись в путь.

Но не успели они проехать и пятидесяти километров, как “Волга” перегородила им путь.

— Неверов, куда вы так внезапно исчезли? — угрожающе спросил хмурый мужчина. — Почему вы уклонились от маршрута?

— Почему? — невинно спросил Неверов. — Мы на несколько часов останавливались в лесу, чтобы поспать. Ночь все-таки...

Сотрудники КГБ обошли вокруг автобуса и посмотрели на рессоры.

— А как вы объясните, что сегодня автобус намного легче, чем он был вчера? — спросил Неверова один из них.

Саша думал, что его сердце разорвется, так сильно билось оно в груди. Затаив дыхание, он ожидал ответа Неверова и тихо молился за своего друга.

Неверов спокойно смотрел на представителя КГБ:

— Вы судите о весе автобуса по рессорам, а я не пользуюсь весами! На ваш вопрос у меня просто нет ответа!

— Не действуй мне на нервы! — закричал чекист. — Отвечай на мой вопрос, каким бы наивным он тебе не казался!

Неверов опять сел за руль и сказал:

— Я ответил на все ваши вопросы. Теперь прошу отпустить меня к месту моего назначения, так как мне надо быть там к полудню.

Сотрудники КГБ отошли от автобуса и начали совещаться между собой. После этого один из них подошел к Неверову и сказал:

— Как только приедете в Херсон, доложите о своем прибытии в нашем комитете.

— Только по письменному приказу, — парировал Неверов. — Мне нужно отчитываться перед своим начальством. А к вам могу ходить лишь по повестке.

— Ты получишь ее! — прошипел чекист. — А сейчас — отправляйся!

Неверов включил мотор и они уехали.

— Где ты научился так разговаривать с КГБ! — спросил Саша, смотря на своего друга с восхищением.

Неверов углубился в свои мысли и пропустил этот вопрос. Они подъезжали к Красноперекопску. Саша задремал на своем сидении. Неверов мягко пел “Ближе, мой Бог, к Тебе!”, когда пуля ударила в переднее стекло. Неверов громко вскрикнул. Саша вскочил и увидел, что его друг, вцепившись в руль побелевшими руками на большой скорости мчится по сельской улице. Потом он свёрнул в поле и поехал прямо через посевы. Когда Саша присмотрелся к Неверову, то заметил, что его плечо сильно кровоточило. Саша не знал, что делать. Неверов начал тяжело опускаться на руль. К своему ужасу, Саша понял, что тот потерял сознание. Саша дотянулся до приборной доски, выключил зажигание и автобус вскоре остановился.

— Что они сделали? — шептал он, поднимая под руки своего друга, чтобы оттащить на заднее сидение. Там он сорвал с него рубашку и, найдя аптечку, перевязал рану. К счастью, пуля прошла сквозь мышцу, не задев кость.

Саша наложил временную повязку на рану, сам сел за руль, включил мотор и поехал в Красноперекопск. Он спросил первого встречного о ближайшей больнице и отвез туда Неверова. Хирург, не задавая лишних вопросов, отправил раненого прямо в операционную.

После этого Саша нашел междугородний переговорный пункт и позвонил диспетчеру автопарка в Херсоне. Он рассказал о случившемся. Из Херсона тоже не задавали никаких вопросов, а только сказали:

— Пожалуйста, отгоните автобус к вокзалу и оставьте его там.

Саша исполнил просьбу, припарковал автобус у вокзала, заткнул отверстие в переднем стекле куском тряпки и поспешил назад в больницу. Но там ему сказали, что Неверов будет спать до вечера. Саша вышел из больницы и начал искать баптистскую общину в Красноперекопске.

Милиционер остановил его на улице Ленина.

— Ваша фамилия Никитин?

— Да, — сказал Саша, удивленный вопросом.

— Пройдете со мной в милицейский участок.

Мужчина в штатской одежде уже ожидал Сашу. Он указал ему на стул и спросил:

— Вы везде рассказываете о том, что случилось в автобусе. Но почему вы не сообщили в милицию?

Не ожидая Шашиного ответа, он потребовал:

— Опишите все, что произошло прошлой ночью, детально.

И подал Саше лист бумаги, ручку.

Саша начал писать. Когда, наконец, он отдал бумагу следователю, тот просмотрел и заметил:

— Но вы не описали, кому передали книги.

Саша, конечно, ничего не упоминал о книгах. Такие вопросы были припасены следователем, чтобы поймать человека врасплох. Саша посмотрел на мужчину с удивлением. Несколько минут никто из них не проронил ни слова.

— Я нахожу удивительным, что никого, кажется, не интересует, — сказал, наконец, Саша, — кто стрелял в Неверова. Может, это вы покушались на жизнь Неверова?

Мужчина в штатском встал со стула и крикнул:

— Вы забываетесь, Никитин! Может, вам нужен урок, чтобы напомнить кое-что?

Следователь сказал слишком много. Подполковник КГБ вошел как раз вовремя, приказав следователю выйти из комнаты. Потом он повернулся к Саше.

— Хочу извиниться за своего сотрудника, Никитин. Вы наш человек, молоды и прекрасно начали карьеру у баптистов. Вам ведь только тридцать. И я понимаю, почему мои товарищи в Москве хотят рекомендовать вас в состав руководства. Вы сможете сделать много доброго... Вы знаете, что в нашу страну контрабандно ввозятся религиозные книги. Мы не можем позволить распространение этих книг, потому что среди них есть не только богословие, но и сочинения Солженицына, изданные за рубежом, а также другая антисоветчина. Все это — подрывные сочинения, которые пытаются восстановить наших людей против Коммунистической партии, против государства. Мы знаем, что Неверов уже давно поддерживает связи с зарубежными издателями.

— Мне очень жаль, — вставил Никитин, — но я действительно не могу быть вам полезен. Я был бы на вершине радости, если бы в моей общине была бы хотя бы одна Библия на всю нашу семью. Если государство хочет предотвратить ввоз Библии из-за рубежа, то не лучше ли напечатать достаточное количество Библий в нашей стране, чтобы удовлетворить все нужды в этой книге? Пора уже разрешить продажу Библии в любом книжном ларьке.

— Непременно! Ты что, сумасшедший! — заорал подполковник. — Мы ведем безоговорочную войну с религией! А вы хотите,

чтобы мы позволили неограниченное печатание Библий и таким образом поддержку религии? Да, у нас еще есть верующие! Но мы разрешаем печатать несколько тысяч Библий раз в пять-шесть лет и этого должно быть более, чем достаточно.

— Да, вы действительно разрешили это, — ответил Саша, — но половина этой Библии идет на цели атеистической пропаганды. Другая часть тиража направляется в другие страны, чтобы засвидетельствовать благополучие наше. И в результате остается только несколько сотен Библий для миллионов верующих! И те изымаются при ваших обысках в домах верующих! При таких обстоятельствах удивительно ли, что люди привозят нам Библии из-за рубежа?

— Ага, значит, вы заодно с этой группой. Теперь мне все понятно. Я вижу теперь, что ваш отец преуспел в отвлечении вас от правильного пути и ведет вас прямо к антисоветчине, к неповиновению государству.

— Вы не правы, к этому мой отец не имеет ни малейшего отношения, — сказал Саша. Сердце его болело при одном упоминании об отце. Что бы это могло значить? Почему он чувствовал себя таким жалким, когда отец становился предметом разговора?

— Если у вас нет больше ко мне вопросов, касающихся покушения на жизнь Неверова, — объявил Саша, — я бы хотел уйти.

Офицер позволил ему идти, предупредив, что он обязан доложить КГБ, как только вернется домой, о своей поездке!

Саша опять отправился на поиски верующих в этом городе. Это ему удалось и он рассказал, что произошло с Неверовым, местные братья пообещали ему заботиться о больном. После ужина Саша вернулся в больницу проведать Неверова. Тот уже не спал. Он был бледен и изнурен. Но, увидев вошедшего Сашу, просветлел.

Саша пожал его руку и спросил:

— Ну, как ты себя чувствуешь?

Неверов улыбнулся и ответил шепотом:

— Я думаю, как много радости было бы на небе, если бы покаялся несостоявшийся убийца!

Потом он опять уснул с улыбкой на губах. Саша нежно переложил руку Неверова на одеяло и тихо вышел. На улице он встретил группу молодежи из местной церкви, которая собралась проведать больного. Саша попросил их придти позже. Он остался в Красноперекопске на ночь и подождал, пока приехала жена Неверова. Потом отправился поездом в Судак.

Когда-то Саша без труда добирался в Судак до жилища бабушки Ирины Соколовой. Но нынешнее путешествие забрало у него много сил и он уже не мог дожидаться столь необходимого отдыха. И когда Соколов-старший и его жена Пелагея увидели, насколько изнурен их гость, они без лишних церемоний отвели его в комнату, принесли чашку чая по русскому обычаю и оставили его одного. Он сразу же уснул.

Саша проснулся от настойчивого стука в дверь. Он сел, протер глаза и, шатаясь, пошел к двери. За дверью стоял Соколов с телеграммой в руке. Саша прочитал: "Папа умер. Приезжай. Мама".

Саша побледнел. Соколов тихо сказал:

— Я вызову такси. В аэропорту покажешь телеграмму, они продадут тебе билет без очереди.

Саша благодарно кивнул. Его глаза наполнились слезами. На него нахлынули противоречивые чувства: печаль от утраты, тревога за мать, глубокое сожаление от того, что не присутствовал при последних часах жизни отца. Но где-то в глубине души было также чувство облегчения, в котором он сам себе не хотел признаться.

Три часа в такси до Симферополя, столько же в самолете и Саша уже стоял у двери своего дома, обнимая плачущую мать.

— Не плачь, мама, — утешал он ее. — Папа теперь вне тревог и опасностей. Он, конечно, с Господом. Это нам предстоят еще годы борьбы.

Мать посмотрела на него глазами, полными слез:

— Сынок, я хочу тебе многое рассказать.

Саша безмолвно кивнул и пошел вслед за мамой к столу, на котором положили его отца. Он стоял, обняв мать, и долго смотрел в лицо отца. Андрей Никитин имел торжественное, почти триумфальное выражение лица. Саше показалось, что в конце своей жизни его отец одержал самую важную победу. Он не мог отвести взгляд от покойного. Все его детство, вся жизнь была неразделимо связана с этим человеком. Вдруг Саша зарыдал. Положив голову на плечо мамы, он плакал. Она молча гладила его по волосам.

— Папа, — шептал он. — Как я тебя мало понимал...

Дом начал наполняться членами христианских общин. Надо было готовиться к похоронам. Около тысячи человек собралось во дворе Никитиных, чтобы проводить покойного в последний путь.

Присутствовали как члены зарегистрированной общины, так и нерегистрируемой. Они стояли в согласии, оплакивая человека, которого все любили и уважали. Казалось, что смерть этого человека примирила их.

“О, Господи, как Сатане удастся направлять нас друг против друга?” — подумал Саша, полный горя.

9. ПОДПИСЬ

Что же случилось с Андреем Никитиным? Почему КГБ так долго держал его под арестом?

Все это осталось бы тайной, если бы не записи, сделанные покойным перед смертью. Саша и Василий с большим усилием сдерживались, когда мама читала вслух дневник своего мужа. События были записаны не в хронологическом порядке.

“Они арестовали меня. Но я не потерял самообладания. Все время ожидал этого. Лишь что-то оборвалось в душе, когда я узнал, что они этой ночью избили моего Сашу”.

В этом месте Никитин прервал свой личный рассказ и записал проповедь о блудном сыне, основанной на пятнадцатой главе Евангелия от Луки. Мысли по этому поводу были так глубоки, что все трое не могли оторваться от чтения. Казалось, Андрей говорил сам о себе, о собственном пути домой. Его вдове было трудно продолжать чтение.

— Это займет много времени, — сказала она. — Я думаю, мы должны все прочесть по порядку.

Она продолжала читать: “Я был задержан в милицейском участке на час. Около полуночи они перевели меня в камеру, где капитан Самоваров говорил со мной. Он был очень вежлив. Мы вместе попили чаю. Он сказал, что также беспокоится о Сашиной судьбе. Царапкин слишком далеко зашел, пытаясь обвинить меня в избиении моего собственного сына из-за того, что он был проповедником в зарегистрированной общине. “Но вы и нас должны тоже понять, Никитин. В этом инциденте вы будете обвинять нас. Поэтому мы вынуждены будем задерживать вас здесь, пока все не прояснится. Мы поставили кровать в одном из кабинетов. И вы там сможете провести несколько ночей”.

Я удивленно пожал плечами. Этот вежливый, согласный, почти нежный тон, уговоры. Я знал, что все мои протесты и отрицания ни к чему не приведут и последовал за капитаном. Мы пошли на первый

этаж из камеры, где велся допрос. Самоваров велел мне подождать и сам зашел в комнату 87. Вышел оттуда с ключом и кивком велел мне следовать за ним. Мягкое ковровое покрытие в коридорах и на ступеньках приглушали наши шаги. Капитан открыл дверь комнаты без номера и попросил меня войти туда.

“Устраивайтесь и почувствуйте себя как дома, Никитин. Мы здесь для вас приготовили даже две комнаты. Одна — спальня, а вторая будет служить вам рабочей комнатой”. Самоваров улыбнулся, сказав это. Он показал мне ванную комнату с душем и туалетом. Я и не мечтал о подобном. В одном углу спальни было огромное радио. На столе, стоявшем у окна, магнитофон, справа от окна деревянная кровать, которую я не сразу заметил. Капитан подошел к столу и включил магнитофон. Я услышал христианскую музыку. Я не верил собственным ушам! Оркестр играл: “Тихая ночь, дивная ночь”. То, что это была рождественская запись, казалось, нисколько их не беспокоило.

Все еще улыбаясь, Самоваров пошел к двери и сказал: “Спокойной ночи, Никитин. Мы все объясним вашей жене и успокоим ее. Мы запишем на пленку разговор с ней и потом вы сможете его слушать, чтобы ни о чем не беспокоиться. Хорошо, отдохайте, Андрей Петрович”.

Я почувствовал приятную вялость. Я не мог понять смысл всех этих событий. Христианская музыка и приятное окружение усыпляли меня и отвлекали от реалий моего положения. Вскоре я уснул. Я даже не могу вспомнить, как разделся. Однако, когда я проснулся, то нашел себя в кровати раздетым. Мягкий, нежный голос сказал из прилегающей комнаты: “Завтрак готов!”.

Я услышал мягкие шаги за дверью. Смущенный, начал одеваться. Я едва узнал свой костюм: он был вычищен и аккуратно выглажен. Я открыл окно. Ласточки кружили вокруг дома и скворцы счастливо распевали в своих деревянных домиках. Интересно, кто же построил эти скворечники? После завтрака опять появился Самоваров. “Ну, как вы спали, Никитин?” — спросил он. Я не мог ясно мыслить. Мне было стыдно наслаждаться пребыванием здесь. Христианские мелодии все еще звучали из магнитофона. У меня было отчетливое впечатление, что ничего необычного не случилось. Но даже не мог открыть рот, чтобы ответить Самоварову. Казалось, он понимал мое состояние. Сел на диван и начал говорить: “Царапкин сказал мне, что ваша община будет зарегистрирована через

несколько дней и сможет функционировать независимо от Совета Церквей. Вы сможете делать, что хотите. Он сказал мне, что вы теперь сможете ездить даже в зарубежные страны". Он опять встал и добавил: "Приглашаю вас на обед".

Я молча пожал плечами. Все было в каком-то полусне. Он улыбнулся и оставил меня. Через час в дверь постучали. Человек в штатском вошел ко мне, обезоруживающе улыбнулся, протянул руку и представился: "Синицын. Я проездом из Москвы и решил проведать, как вы тут".

"Кто вы?" — поинтересовался я.

"Ответственный за дела религии, работаю в правительстве и отвечаю за это. Мне рассказали об инциденте, происшедшем здесь, и я пробуду здесь до выяснения дела".

Долгое время Синицын молча рассматривал меня. Что-то заставило меня быть с ним начеку. Однако по какой-то причине и я не мог ясно размышлять, мозг был как-будто парализован. Я мог сосредоточиться на том, что окружало меня в комнате, но не мог думать о своей жене и сыне. Я даже не удивился, что этот человек обращался со мной, как близкий друг. Я чувствовал, что способность рассуждать была отобрана у меня. Но это было приятно!

Наконец Синицын сказал: "Андрей, ты что, совсем забыл меня? Я брат Елены!"

"Брат Лены?" — воскликнул я. Лена была моей первой женой. Сашиней матерью. Мой мозг лихорадочно заработал. Голову заполонили воспоминания. Во время войны я и Лена была осуждены, как враги народа из-за того, что я был проповедником. Лена была беременна. Хотя нас поместили в разные зоны лагеря, они были расположены в одном селе. Расконвоированные, которым разрешалось свободно передвигаться за пределами лагеря, передавали мои письма Лене и приносили ее ответы. Это ее очень ободряло. Потом пришло ей время рожать. Во время родов она умерла, но наш маленький сын остался жив. В это же время Наталья тоже родила, но ее малыш умер. Тогда я попросил разрешения для Наташи кормить моего ребенка и мне его дали. А вот на похоронах Лены не позволили присутствовать".

— Мама, — вдруг прервал Саша, — это ли ты мне пыталась сказать?

— Да, Саша, это.

Они были одни... Василий тихо вышел из комнаты.

На следующее утро Саша позвонил Василию и предложил присутствовать при чтении отцовского дневника.

Священник с радостью пришел. Он увидел Сашу необычно бодрым, его мать тоже была спокойнее. Они заняли те же места, что и вчера вечером. Сашина мама вернулась к записям мужа.

“Моего сына забрали в детский дом. Наташу и меня освободили в один день. Я попросил ее стать моей женой и она согласилась. Мы поженились, забрали Сашу из детского дома и переехали в город.

Теперь, наконец, я вспомнил Синицына. Да, он был братом Лены. Но — подожди! А не был ли он тоже евангелистом в те дни? Конечно! Опять я попытался вспомнить прошлое. Теперь я вспомнил. Из-за него мы все были взяты под стражу! В те дни церкви все еще были запрещены. Это позже Сталин позволил открыть церкви. Смогу ли я вспомнить те дни?.. Мы часто встречались в моей квартире для чтения Библии и молитвы. Потом Миша Синицын появился внезапно в сопровождении милиционеров. Это был конец всему. Каждый, кто самостоятельно проповедовал христианское учение, подлежал аресту. Только официально “благословенный” евангелист Миша Синицын не был арестован. Все, кроме меня, погибли в лагерях.

“О, Синицын, Синицын!” Он сидел напротив меня, улыбаясь. Как тень, мысль пересекла мой воспаленный мозг. Я пытался удержать эту мысль. Моя голова гудела, как чайник. Ага, вот она! Сергей Грачев, куйбышевский проповедник, умирает. Все мы собрались у его постели. Он смотрит на всех по очереди и спрашивает: “Вы простили его?” Никто не спрашивает, кого надо простить. Все молчат. “Простите его”, — шепчет Грачев последним усилием воли, — “как Христос простил вас”.

Я видел в воображении другую сцену. Проповедник Головатский лежит при смерти. Он голодал в тюрьме. Его предсмертная борьба была ужасна. Но почему? Обычно ведь смерть от голода так легка. “Братья, скажите ему, что я простил его...” И Головатский умирает. Это его последние слова.

Я видел стакан воды и аспирин на столе. Я думал, что то был аспирин. Я взял таблетку и проглотил. Это был какой-то необычный аспирин! Я чувствовал себя так легко и счастливо!

— “Вы простили меня?” — вдруг очень серьезно спросил Сеницын.

— “Мы простили! А как твои дела, Миша?”

Сеницын постукал пальцами по столу:

— “Я был тогда так молод! Я попросился на передовую и был награжден. Вступил в партию. Теперь работаю в идеологическом отделе Центрального Комитета. Я думал о тебе. А больше всего о Саше. У меня самого нет детей. Моя жена тоже была на передовой”.

— “Как ее зовут?”

— “Нина Перепелова”.

— “Она была руководителем хора? В свои восемнадцать?”

— “Да, это она. Мы пошли добровольцами на фронт. А после войны мы вместе поступили в университет.”

Прибытие капитана Самоварова прервало наш разговор. “Пора обедать!” — весело объявил он. — “Сегодня мы идем в ресторан!”

Самоваров взял меня, как ребенка, за руку и вывел на улицу. Во внутреннем дворе нас уже ожидала “Волга”. Мы ехали через весь город. Я с надеждой смотрел в окно автомобиля, надеясь увидеть кого-нибудь знакомого, но никого не видел. Мы зашли в ресторан, который был расположен в лесу, на окраине города. Я даже не представлял себе, что у нас в городе есть такой модный ресторан. Нам показали столик у окна. Самоваров сделал заказ. Пока мы ели, он рассказывал нам разные интересные истории.

Мои мысли были заняты Сеницыным и моим сыном Сашей. Казалось, Самоваров догадался об этом, потому что он вдруг сказал: “Ваш сын вне опасности, Никитин. Мы разговаривали с вашей женой. Она знает, где он, но не сказала нам этого. Собственно, она нам ничего больше не сказала, кроме того, что с ней все в порядке. Мы все записали на магнитофон. Она передает вам привет. Мы сказали ей, что вас освободят, как только все сопутствующие обстоятельства будут выяснены”.

После обеда Сеницын исчез и мы с Самоваровым долго прогуливались. В разговоре со мной он вдруг заявил: “Я, наверное, так никогда и не пойму, за что замучили до смерти Моисеева, Хмару, других верующих. Государство зря суется в дела религии”.

Я был удивлен, но промолчал, оценивая его сообщение. Мы говорили о положении верующих в Советском Союзе. Как бы случайно он перевел разговор на обсуждение позиции Всесоюзного совета и высказал мнение, что эта организация занята высокополезной

деятельностью. Достоин похвалы, что руководство ВСЕХБ поддерживает освободительное движение в Африке.

“Возможно, мы зашли слишком далеко, принуждая руководство церкви следовать нашим инструкциям. Но закон, который только что вышел, запрещает нам вмешиваться в дела церкви”, — он сказал это небрежно, легко переходя к другой теме разговора. Передал мне горячий привет от жены. Она слышала мой голос на кассете. Конечно, ее попросили никому об этом не рассказывать.

В эти дни я оказался в дружеских отношениях с Самоваровым. Мы обсуждали Библию часами. Он охотно толковал Библию, говорил о близком пришествии Иисуса Христа. Я даже удивился, почему он работает на КГБ.

“Мы, коммунисты, знаем, что существует Христос”, — сказал он. — “Мы также знаем, что он воскрес! Но ведь человек сам по себе не может воскреснуть из мертвых. Какая-то сверхъестественная сила подняла Иисуса... Вы называете эту силу “Бог”, а мы просто не знаем как ее назвать. Исторические источники подтверждают, что Христос действительно воскрес из мертвых. Наши ученые, которые изучали это событие, не имеют сомнения в этом. А так называемые атеисты должны отрицать это, чтобы обеспечить перевоспитание общества. И чтобы добиться этого, они цитируют, в основном, утверждения некоторых западных богословов”.

Я не мог понять, зачем он все это говорит. Однажды, он поспешно вошел в мою комнату и сказал: “Царапкин разрешил мне доступ к материалам, которые используются против вашего сына. Известно, что ваш сын организовал воскресную школу и группы по изучению Библии для молодежи и для женщин”.

Он бросил заявления свидетелей мне на кровать. К этому времени я уже провел пятнадцать дней в здании КГБ. Я начал читать заявления. Там были изложены факты, о которых я знал. Там было даже заключение врача о том, что Саша не выживет в тюремной обстановке...

— Очевидно, он не заметил, что это была фальшивка и что такого врачебного заключения никогда не было, — заметил отец Василий.

Никитина продолжала читать.

“Мы должны сделать все возможное, чтобы уберечь вашего сына от тюрьмы”, — очень тихо сказал Самоваров. Я удивленно посмотрел на него. — “Синицын особенно настаивал на этом. Я тоже

в этом заинтересован. Если бы Синицын не был моим хорошим другом, то вас уже отправили бы в тюрьму лет на пять за нанесение телесных повреждений!”

Я слушал его с открытым от изумления ртом.

— “Уже пришло время отправить вас домой. Никитин! О вашем сыне хорошо позаботились”, — с этими словами он ушел.

Меня отвели в другой кабинет и положили на стол документ о моем освобождении, попросили подписать его. Я был так рад возможности, наконец, уйти отсюда, что не рассматривал слишком долго этот документ, не прочитал его содержания, а просто подписал его. Когда я уходил, Самоваров крепко пожал мою руку. В мыслях я был уже дома”.

В этом месте в тетради был план проповеди на тему: “Радость на небесах о покаявшемся грешнике”.

Наталье Никитиной трудно было читать. Рассказ о последних страданиях ее мужа делал его смерть, расставание с ним еще более болезненным.

Все трое искали документы, которые несли бы дополнительную информацию о контактах Никитина с Самоваровым. Они хотели найти подтверждение возможного давления на него, которые могли бы привести к изменениям в его личности... И наконец, дойдя до 96-й страницы, они нашли какую-то нить.

“Тот, кто не понимает души русского человека, не может понять этого народа”, — писал Никитин. — “Возможно, что никакой другой народ, никогда, несмотря на свою высокочувствительную натуру, не позволял себе быть преданным, гонимым, и так ужасно поносимым. Эта уникальная черта русских людей помогает им найти положительное даже в нашем государстве, несмотря на политический авантюризм! Русские могут даже солидаризироваться с теми, кто у власти, не зная их обманных путей. Возможно, он просто не хочет видеть реальные вещи. Если бы эти люди действительно были способны на новую революцию, то они могли бы только заменить одну диктатуру на другую, более жестокую”.

Что он хотел этим сказать?

— Здесь есть еще одна тетрадь, — мама дала ее Саше. — Я только просмотрела ее, но она исписана латинскими буквами, возможно на немецком языке, которого я не знаю, поэтому я ее отложила.

Молодые люди жадно поглощали содержание этой тетрадки. Как умно поступил Никитин-отец, использовав латинский шрифт на этих страницах! Полстраницы все же было написано на немецком языке и даже его жена не смогла прочесть эти строчки, но остальное было на русском.

“Ну вот, я свободен опять. Саша медленно выздоравливает, но все же ему нужно много отдыха. Моя община зарегистрирована на своем новом месте. Мы пытаемся сохранять добрые отношения с Сашинной общиной. Царапкин пообещал не вмешиваться в наши дела.

Саша уехал в Крым к друзьям. Я думаю, что он хочет полностью сложить с себя обязанности служителя общины. Он стал очень замкнутым. Когда-то он сказал мне, что важно начать изучение Библии во всех общинах. Только так христиане смогут получить значительные библейские знания, и противостоять атеизму, быть готовыми к изоляции от других христиан.

Самоваров приходит ко мне опять и опять. Он добросердечный и полон сочувствия. Сегодня Наташа и я вместе с Самоваровым и его семьей были на экскурсии. Нам было хорошо вместе. Мы с Самоваровым много рассуждали о Библии и его жена внимательно нас слушала. Женя и Леня, сыновья Самоварова, попросили меня сыграть на гитаре и настояли на том, чтобы Наташа спела для них псалом”.

В этом месте был записан псалом 120. Андрей Петрович весь псалом переписал в тетрадь, подчеркнув слова: “Не даст Он поколебаться ноге твоей...” и стих, предшествовавший этому. Потом он продолжил рассказ.

“Самоваров пришел ко мне в Дом молитвы, принес лекарства для сердца, которое беспокоило меня в те дни. Эти таблетки давали тот же эффект, что и так называемый аспирин. Они устраняли ощущение стресса, от которого я обычно страдал”.

Проставив новую дату, Андрей Петрович писал: “Он опять был здесь. Он всегда старается прийти ко мне, когда никого нет дома. Сегодня он сказал мне, что Совет Церквей разоблачил информатора М. Представьте, М. выдвинулся в руководство Совета Церквей! Самоваров сказал, что М. был завербован Синицыным. Он был очень сердит, что М. разоблачили. КГБ считает, что необходимо обнаружить подпольную типографию! Зачем? Наши братья только Библию печатают. Почему бы не разрешить им печатать? Но нет, все должно быть разрушено и уничтожено”.

Через два дня: “Самоваров говорит мне, что правительство склонно разрешить мне поездку в Канаду. Для христиан России очень важны контакты с менонитами Северной Америки. “Но что же будет, если я им скажу, что провел десять лет в тюрьме, потому что был проповедником?” — спросил я. “Разные люди были в тюрьме в годы правления Сталина и Хрущева. Вы можете говорить о чем угодно”, — ответил он. Это звучит подозрительно”.

Через день: “Царапкин попросил меня прийти к нему в кабинет. Он хотел поговорить со мной. Начал он: “Самоваров уже сказал вам, что мы не возражаем, если вы побываете в менонитских церквях Америки”. Я согласился. Царапкин продолжал: “За пределами России люди все еще верят, что в СССР преследуют христиан. Но вы убедились на собственном опыте, что мы занимаемся только теми, кто посягает на честь и достоинство советских граждан. Вы должны провести собрания в Америке и объяснить этим людям, что это просто клевета, что в прошлом и вы сидели в тюрьме, а сегодня никого не привлекают к ответственности за религиозные убеждения”.

“Хорошо, хорошо...” — перебил я. — “Сотни христиан и сегодня находятся в тюрьме. Да, даже сегодня. Кроме того, вы еще не прекратили кампании по вытеснению религиозных взглядов из нашей жизни. Все, что я могу сказать в зарубежной стране, это то, что вы терпите религию только на бумаге”.

Царапкин сардонически улыбнулся: “Что вы стараетесь, Никитин? Вы подписали согласие работать на нас под именем “Святой”. Что же вы теперь упрямитесь?”

“Что?” — воскликнул я. — “Мне приписывают, что я подписал бумагу, что я буду работать на КГБ и вашу идеологию? Никогда! Это ложь! Царапкин уставился на меня: “Что? Самоваров ничего вам до сих пор не сказал? Перед освобождением вы подписали обязательство работать на нас!”

Теперь я действительно почувствовал себя больным. Несмотря на это, я был уверен, что подписал не что иное, как документы о моем освобождении. Царапкин исчез, чтобы вернуться через десять минут. Он положил передо мной бумагу. В ней говорилось, что я обязуюсь работать на КГБ и предоставлять необходимую информацию под кличкой “Святой”. Я стал очень спокойным и сказал: “Вы действительно обвели меня, простака, вокруг пальца. Вы сунули мне это под нос вместо документа об освобождении. Это должно стать

хорошим уроком для всех верующих в нашей стране. Что касается меня, то я сегодня же расскажу своей общине абсолютно все”.

Царапкин ухмыльнулся: “Мне кажется, что мы недостаточно обработали вас. Ваше упрямство бесполезно, Никитин. Если вы отказываетесь, мы просто бросим вашего сына в тюрьму”. Он задел самое больное место. Я встал, не сказав больше ни слова, и пошел домой”.

Наталья Никитина прервала чтение:

— Вернувшись домой, он обнял меня и прошептал: “Моя любимая! Сыны тьмы коварнее сынов света!” Он пошел в свою комнату и сделал заключительные записи. Потом он попросил меня найти адрес Голева, потому что хотел написать ему. И в этот момент Самоваров вошел во двор. Андрей увидел его и схватился за сердце. Я подхватила его, чтобы он не упал, и помогла ему сесть. Однако до того, как я услышала стук Самоварова, Андрей умер.

10. БИБЛИЯ ДЛЯ ВСЕХ

Смерть отца потрясла Сашу больше, чем он хотел бы признать. Дома он обнаружил, что проповедник Голев опять арестован. Было ясно, что Голев не имел возможности поговорить с Сашиним отцом после его освобождения.

После похорон Саша пригласил проповедников и старших братьев обеих общин к себе домой. Он стремился к открытому обмену мнениями с друзьями своего отца. Было еще одно дело. Община, в которой он нес служение несколько последних лет все еще считала его своим духовным руководителем. Это могло обидеть нового проповедника, хотя Саше и было лестно. Когда один из младших братьев обратил на это внимание Саши, тот решил, что трудно снять с себя ответственность за общину, не приняв на себя равноценный труд. Ему нужно было помочь новому проповеднику приобрести доверие общины.

Новый проповедник был пожилым человеком слабого здоровья. Саша подозревал, что у него будут трудности с уполномоченным по делам религиозных культов, что он не сможет противостоять его влиянию. Уже запретили молодежи участвовать в изучении Библии по субботам. Это вызвало недовольство среди молодежи. Группа молодых перешла в соседнюю общину, в которой нес служение Сашин отец, пока Царапкин не дал землю для общины в пригороде. Саша решил обсудить эти дела с руководителями общины.

Наталье Никитиной было трудно привести в порядок бумаги Андрея.

— Посмотри-ка это! — она показала Саше старый дневник отца.

Когда Саша прочел этот дневник, он опять разволновался. Почему родители никогда не говорили ему об этом деле?

Когда он поднял глаза от тетради, то увидел свою мать, заботливо глядящую на него, и вдруг осознал, как сильно любит ее.

— Мне очень жаль, сын, — сказала мама, — что мы никогда не говорили тебе об этом. Я не могла найти в себе силу, чтобы сказать... Я любила твоего отца. Но старая рана, казалось, не заживала. Я ведь не знала, что подумаешь ты, мальчик, о матери, которая принесла в мир незаконнорожденное дитя и потом вышла замуж за твоего отца, проповедника.

Саша обнял мать:

— Я все понимаю, мама. Все это неожиданно, и мне все это надо переварить, но я знаю, что ты имеешь ввиду. Несколько последних недель у меня было так мало времени для тебя. Теперь все будет по-другому. Прежде всего, ты поедешь в Судак вместе со мной. Мне там предложили место, и если все сложится хорошо, то мы переедем туда.

После короткой паузы, он продолжал:

— Ты была чудесной матерью и я никогда тебя не оставлю без заботы.

Он нежно погладил ее по седеющим волосам.

Когда, наконец, приехали Сашины друзья, они нашли молодого человека и его мать оживленно беседующими и уже обсуждающими детали переезда. Саша попросил своих друзей пройти с ним в кабинет отца.

— Меня долгое время мучило бремя, — начал он. — Вы прекрасно знаете, что законы, касающиеся религиозной практики, созданы не только для сдерживания христианской деятельности, но и для постепенного разрушения всего, что есть христианского. Другими словами, все наши чаяния и надежды официально осуждены на гибель. Иисус Христос велел нам идти с доброй вестью в мир, но мы заняты одной мыслью: как нам выжить? Сталин очень хорошо знал, какой нужно использовать метод, атакуя религию. Вообще-то он и сам учился в семинарии. В результате петля затягивается каждый год все туже. И мы должны быть благодарны Совету церквей за то,

что еще не висим в ней. Но пройдет немного времени и правительство завербует нас на борьбу против руководителей Совета церквей. В то же самое время ясно, что правительство боится оказывать слишком сильное давление на нас. Они боятся, что мы перейдем на сторону Совета и таким образом избежим прямого контроля КГБ. Они хотят избежать этого и поэтому не затягивают петлю так быстро. Я точно знаю, что КГБ использует все свои возможности, чтобы подорвать Совет церквей изнутри. Те, кто стоят в руководстве гонимой церкви, также виновны в ошибках. И если КГБ удастся посеять семена раздора среди них, то он побежит. По этой причине мы не можем позволить себе быть посторонними наблюдателями в этой борьбе. Мы должны подумать, как сделать наше служение более плодотворным. Поэтому я пригласил вас сюда. Ясно, что мы не будем действовать против государства. Однако, у нас есть Священное Писание. Я предлагаю вам, мои братья, пригласить всех христиан нашего города, независимо от церковной принадлежности, объединиться в группы по изучению Библии, чтобы приготовить себя к временам, когда мы будем изолированы, и к суровым преследованиям, которых мы можем ожидать.

Двадцать пар глаз уставились на Сашу с явным удивлением.

— Должно ли это объединение соответствовать образцу экуменического Всемирного Совета Церквей? — спросил старый Лупа.

Саша был благодарен Лупе, что он пришел вместе со всеми. Мудрый пожилой человек нужен был более, чем когда-либо. Лупа был просто незаменим.

— Я предвидел этот вопрос, — ответил Саша. — Но я думаю совершенно другом. Если мы начинаем устанавливать контакты с руководителями других христианских групп в этом городе и в ближайших районах и если они примут наше предложение встречаться для изучения Библии в установленное время, вначале возможно раз в месяц, тогда мы сможем встречаться в частных домах. Если не больше двух представителей от каждой из двенадцати церквей станут участниками такой группы по изучению Библии, то тогда в такой группе будет двадцать четыре человека. Общие собрания за чтением Библии помогут нам лучше понять друг друга и понять нужды и проблемы наших братьев и сестер из других общин. Эти группы надо составлять таким образом, чтобы никто из участников не ехал слишком далеко.

Саша остановился, чтобы дать возможность высказываться новому проповеднику. Еще до того, как этот человек открыл рот, было видно, что он против плана Никитина.

— Но такой план против закона. Мы накличем на себя беду!

Саша вынужден был признать, что он прав.

— Конечно. И мы будем иметь проблемы не только с уполномоченным по делам религии, но и с КГБ. Это еще пол-беды. Хуже будет, если мы не найдем пути к расширению кругозора в наших группах. Есть угроза полной изоляции от большего тела Христа.

— Будет нелегко собрать верующих различных движений под одной крышей. Еще труднее внушить нашим друзьям, что им не нужно навязывать свои взгляды людям с другими убеждениями. Мы будем вместе читать Библию, а потом дадим каждому человеку возможность высказать свое мнение о том месте Писания, которое мы только что услышали.

— И каков будет результат? — спросил один из старших членов группы.

Это был вопрос именно о том, что Саша с такими усилиями объяснял уже несколько минут. Пришлось начинать сначала.

— Мы должны собираться вокруг Слова Божьего, чтобы изучать, что Оно говорит нам о времени, в котором мы живем. Мы должны найти способ противостоять проискам дьявола. Мы не можем больше мириться с использованием наших собраний только для односторонней богословской проповеди. Когда мы все вместе будем слушать, что говорит Библия, когда каждый сможет высказать свое понимание, все станет на свои места.

Новый проповедник встал и объявил:

— Нет, братья, это против закона и я не могу с этим согласиться.

Старый Лупа внимательно посмотрел на него, подняв брови, и вдруг загремел:

— О, нет! Это не против закона! Это против петли, которую они закинули на наши шеи — и на твою тоже!

Он подошел к проповеднику, указывая пальцем прямо на него. Проповедник растерянно отпрянул.

— Я не могу согласиться с предложением Никитина. Оно противозаконно! — упорствовал проповедник. Вдруг он повернулся и ушел.

Все молчали.

— Ох, Саша, — вздохнул Лупа, — зачем ты нас покидаешь?

И теперь Саша сказал то, что он никогда не сказал бы, будь его преемник в комнате.

— После той ужасной ночи я просто не смог бы нести груз этого труда!

— Ты боишься, что они вообще?.. — Лупа, не закончив речи, вопросительно посмотрел на Сашу.

— Нет, нет, не то! Я работаю бухгалтером в институте. Мое руководство проделывает разные трюки с деньгами. Я просто не могу больше иметь дело с такими темными историями. Пытался найти другую работу в городе, но безуспешно. Не могу я жить и на средства общины. Теперь мне предложили работу в Крыму. Я считаю, и моя мама думает так же, что я должен принять это предложение. Моя мама поедет со мной. И теперь ваш долг помочь новому человеку. Он нуждается в вашей помощи.

Доктор Федин, который долго молчал, вмешался:

— Трудящийся достоин пропитания. Ты не будешь бременем для нас.

— Это может быть и так, Федин. Но вы сами не знаете, сколько сможете работать в поликлинике. КГБ несомненно знает о ваших связях с Советом Цервей. Они уволят вас...

— Тогда я пойду работать дворником, — спокойно ответил Федин. — Моя семья будет со мной. Жена заверила меня в своей поддержке несколько месяцев назад. Кроме того, мы экономим, чтобы иметь сбережения на черный день. И на важное дело...

— Давайте говорить открыто — это для издевательства! — проворчал один из братьев несчастным голосом.

— Ну и что? Вы что-то имеете против? — быстро ответил Федин. Наступила неловкая тишина.

— Как мило, как красиво, — вдруг послышалось из угла, где сидел Лупа. Федин покатился со смеху.

— Вы чистое золото, Лупа. Плохо, что вы слишком здоровы. Я хотел бы проведывать вас почаще.

— Такое время придет, милый, — успокоил старик Федина.

Обсуждение продолжалось до полуночи. Братья пришли к заключению, что предложение Саши осуществимо, если действовать осторожно и умно. Никто не питал иллюзий, что это будет легкая задача.

За тюремной решеткой верующие не ведут богословских споров. У каждого одно желание: иметь Библию и говорить с другими о Христе, Который един для всех, думать о Нем и общаться с Ним. Возможно ли такое единство вне тюремных стен?

Организовать встречи верующих разных конфессий оказалось очень трудно. Одни боялись нарушить закон, другие опасались стычек с людьми и острых богословских диспутов. Некоторые не желали терять свою паству, которая могла оказаться в других общинах. Нелегко было убедить этих людей в том, что миллионы евангелистов, православных и католиков не могли читать Библию лишь потому, что ее у них просто не было и не имели представления о том, чего ожидал от них Иисус Христос. И поэтому Саша верил, что Бог благословит эти маленькие ячейки. Он был уверен, что Бог призвал его свершить этот труд, хотя знал, что раньше или позже это кончится заключением.

Когда Саша позже рассказывал о своих планах дедушке Соколову, старик пробормотал:

— Это точно то, о чем я говорил — ты поставил себе задачу сделать из меня баптиста!

Сотни христиан, впервые услышав об этой программе, реагировали точно так же.

Ответ Саши для всех был таков: “Я хочу, чтобы вы все стали бескомпромиссными, стойкими христианами, знающими Библию и ежедневно читающими ее, если вы ее, конечно, имеете, и таким образом смогли бы познать волю Божию”.

Меньше трудностей было с интеллигенцией. Позже он обнаружил, что в Крыму такая же ситуация. Там ему удалось превратить Владимира Соколова в искусного и преданного руководителя группы по изучению Библии. Пожилой человек сам начал с чтения Библии, а потом прочитанное применял на практике. Однажды он рассказал о своей любви к Божьему Слову ветерану ЧК. Беседы продолжались и этот человек позже обратился к Богу. Соколов собрал группу из тридцати человек, большинство из которых имели высшее образование.

Теперь у Соколова было много времени, чтобы подумать о событиях прошлого. И когда он думал, ему опять и опять

вспоминалось похищение внучки. Это было дело, в котором он хотел бы навести порядок до своей смерти.

* * *

Все эти годы Наталья Никитина не знала, что случилось с ее бывшим женихом Юрием Соколовым. После того, как ей сказали, как приказал Соколов, что ее маленькая дочь умерла, она старалась подавить эти воспоминания.

После освобождения из тюрьмы ей сказали, что Юрий погиб "при исполнении служебных обязанностей"... Некоторое время спустя, кто-то походя опроверг это. Однако, чтобы действительно не случилось с Юрием, Наташа была уверена в одном: она, верующая, никогда не смогла бы жить с работником КГБ. Бог направил ее к Андрею Никитину, к его сыну Саше, и она была этим довольна. Чтобы фамилии не стали известны КГБ, члены ее общины называли друг друга только по имени, и поэтому Наташе никогда не приходилось спрашивать фамилию Ирины, когда Саша говорил о ней. А в России столько же Соколовых, сколько и Никитиных.

Однако странно, что Наталья Никитина все чаще думала о Юрии после своего с Сашей переезда в Крым. Они жили близко возле Соколова-старшего и его жены Пелагеи, часто заходили проведать соседей. Что-то в этом пожилом человеке заставляло Наталью вспоминать прошедшие времена. И Пелагея всегда упоминала об Ирине и ее отце, агностике, который играл важную роль в психиатрии.

Наталье нравилось в Крыму, Саша работал бухгалтером в одном из сел возле Судака. Ему тоже там нравилось. В выходные дни он часто уезжал проведать группы по изучению Библии, которые он же и организовал. Ему удалось добиться хороших взаимоотношений между членами разных конфессий. Он пользовался доверием мусульманского муллы Мохамеда, недавно полулегально вернувшегося в Крым. Мулла начал регулярно посещать библейские занятия.

Все же, несмотря на первые успехи, Саша понимал, что группы, собирающиеся по домам для изучения Библии, были запрещены советским законом и рано или поздно ему придется держать ответ перед судом за свою деятельность. Местное отделение КГБ не могло понять, почему он с такой настойчивостью попирает закон. Они пытались понять, что он делает. Партийные работники тщательно анализировали каждую высказанную Сашей мысль и вскоре пришли к

выводу, что кто-то допустил роковую ошибку в обращении с молодым человеком. Во всяком случае, капитан Сосин, начальник следственного отдела в Крыму, писал в своем отчете: "Александр Никитин, организатор многочисленных групп по изучению Библии имеет значительное влияние на молодежь и прослойку специалистов с высшим образованием. Причина его активности в том, что мы оказываем на него излишнее давление. Его не нужно было ни выгонять из университета, ни подвергать физической обработке".

Когда Саша значительно позже увидел эту запись в своем деле, он улыбнулся: "Не это было причиной всему, что я делаю!"

* * *

Христиане России, в своей жажде к духовной пище, слепо проглатывали все, что им предлагали западные туристы. Особенно лакомым куском было так называемое современное богословие. Христиане, у которых никогда не было в достаточном количестве Библий, а многие из них даже в глаза не видели Священного Писания принимали все за чистую правду. Тут и там христиане начали сомневаться в авторитете Библии, что в свою очередь привело к секуляризации церкви. Саша начал замечать, что некоторые из молодых перспективных проповедников, побывав в Англии, Восточной или Западной Германии, Швеции, возвращались домой с радикально новыми взглядами на Иисуса Христа и Писание. В дискуссиях они прямо говорили, что Иисус не был Сыном Божиим, что Он был не больше, чем религиозный реформатор, и что не все слова Иисуса в Библии были действительно им произнесены и поэтому их нельзя принимать безговорочно. Саша отчетливо сознавал, что это могло привести к фатальному развитию: христиан, которые не знали ни Библии, ни христианских доктрин, можно убедить в том, что вера во Христа ничего не стоила и поэтому они могли уйти от Него.

Самой большой заботой Саши была молодежь с ее горячим желанием лучше понять Библию. Он понимал логику их аргументации: если все же Иисус не Сын Божий, как утверждали некоторые западные богословы, как, впрочем, и коммунистическая пропаганда, тогда почему человек должен страдать из-за веры в Него? Не больше ли смысла в том, чтобы заботиться о настоящем? Зачем терпеть потери, скорби и горе из-за веры во Христа, если он был не больше, чем хороший, добрый демократ? Свои проповеди Никитин строил так,

что молодые люди начали интересоваться тем, что по этому поводу говорит Библия...

Была и еще одна причина того, что Саша организовывал группы по изучению Библии. Многие верующие в разных конфессиях действительно не знали, почему они следовали той или иной религиозной практике. Адвентисты соблюдают субботу, пятидесятники молятся на иных языках, православие почитает иконы. Некоторые крестят младенцев, другие взрослых. Бракосочетания проходили определенным образом просто потому, что люди, которые привели их ко Христу, соблюдали именно эту традицию. Многие просто не знали, что обо всем этом говорит Библия.

Поэтому Саша обычно говорил: "Мы должны вернуться к источнику нашей веры. Назад к Священному Писанию!" Это было целью. Однако путь его был усыпан шипами. Властям это не нравилось. Некоторые из его друзей скептически восприняли это и не могли понять, к чему он стремится. И вообще, зачем общаться и иметь дело с другими конфессиями? Когда Василий пригласил Сашу на Украину проповедывать в православных церквях, это привело Сашиных друзей в абсолютное замешательство. И там также Саша делал ударение на тему "назад к Библии" и основал две группы по изучению Библии.

Но не было ли это ненужным провоцированием сильных мира сего? У первых христиан тоже не было Библии, однако церковь не исчезла. Вместо этого она пережила всех своих преследователей и всех тиранов!

Саша серьезно принимал все эти возражения отвечая: "Если вы читали Послание апостола Павла к Фессалоникийцам, то вы знаете, что Павел послал Тимофея, своего друга и сотрудника в Фессалоникию с письмом. И Тимофей пошел туда, рискуя жизнью. Вот какое большое внимание уделял Павел задаче уведомления верующих о воскресении Христа. Павел не заботился о том, что сам был постоянно преследуем. Он жертвовал собой ради проповеди Слова Христа повсюду, чтобы решить острые проблемы, возникающие в общинах, которые он посещал. Сегодня мы должны делать то же самое".

Саша не был больше предусмотрительным, даже немного сдержанным, молодым проповедником прошедших дней. Он стал ревностным борцом за дело Библии. И по этой причине ему не было суждено долго пребывать на свободе.

11. ПОДГОТОВКА К ДИАЛОГУ

“Минск, 17 августа. Дорогой Саша! Если бы ты только знал, как я нуждаюсь в твоей помощи! Но ты далеко от меня и я не могу приехать, чтобы повидаться с тобой. Мы сейчас в работе по самое горло. Поэтому у меня не будет возможности обнять моего дедушку и твою дорогую маму. Ты пишешь, что она очень на меня похожа. А может, это потому, что мы обе женщины (прости меня за попытку пошутить!)? Ты хочешь знать, как освободили из тюрьмы Георгия Винса? Простыми словами трудно описать это событие. Он и его семья так много значат для меня! Мы не должны привлекать ни его, ни кого-нибудь другого из гонимой церкви к подготовке, которую мы ведем, чтобы начать диалог с партией, чтобы, если у нас что-то не получится, их ни в чем не могли обвинить. Даже ты не хочешь присоединяться к этому делу! И я согласна, что для твоего служения Христу будет лучше держаться в стороне. В Ленинграде я разговаривала с представителем Всемирного Союза баптистов, посетившего нашу страну. Он отозвался о деятельности Совета Церквей как о “фанатичной непреклонности”. Это очень больно задело меня. Знаешь ли, я принадлежу к зарегистрированной общине и хорошо осознаю, как тяжело нашим проповедникам быть верными своему призванию. Но этот наивный джентльмен с Запада не имеет ни малейшего представления о коварстве и скрытности КГБ. В присутствии западных гостей наш проповедник попросил людей на следующее богослужение привести своих детей. Представь! На следующее воскресенье, однако, когда зарубежные гости скрылись из виду, учителя и милиция окружили наш молитвенный дом, чтобы воспрепятствовать хотя бы одному ребенку побывать на богослужении! Я спросила нашего служителя, почему же детям было позволено присутствовать на богослужении, когда там были гости, а на следующий раз им нужно было пробивать себе путь в Дом Господень сквозь милицейский строй. Он ответил: “Так велели власти. Ты была свидетелем пропагандистского приема, который применили наши атеисты для посетителей из западных стран. Они хотели, чтобы эти простаки поверили, что в нашей стране царствует свобода религии”. О, Саша, я уже так устала от этого обмана! Обман на каждом шагу! КГБ обвел этих людей вокруг пальца. Эта организация из двух с половиной миллионов функционеров скоро весь мир будет держать под своим башмаком! Пусть Бог поможет нам быть верными Иисусу Христу. Несправедливость приобретает все большие размеры. А будет еще

хуже, пока наш Господь придет опять. Прости меня за такое меланхолическое письмо! Пожалуйста, пиши мне, я жду твоего ответа. Ирина”.

* * *

Соколовы опять решили переехать. Отцу Ирины становилось все более ясно, что они не могут больше оставаться у Серовых. Их дом был под постоянным наблюдением КГБ. Сам Серов работал на научно-технический отдел этого ведомства. Он бывал так редко дома, что его жена и дети считали его гостем в собственном доме. Но и в его отсутствие Соколов чувствовал некий взгляд, постоянно наблюдавший за ним, и поэтому решил искать другое место жительства.

Они нашли маленький сельский дом в пяти километрах отсюда и хорошо там устроились. По характеру своей работы Соколов имел право уйти на пенсию намного раньше других людей его профессии. Поэтому, он подал заявление об уходе на пенсию, хотя и не собирался сидеть без дела. Основной целью оставшейся жизни стало уберечь Ирину от любых невзгод, с которыми она могла бы встретиться.

Соколов узнал о смерти Андрея Никитина. Для него не было секретом, что Ирина была подругой Саши Никитина. Заметил он также, что их отношения становились все более и более близкими.

Узнав, что молодой человек не был родным сыном Натальи, Соколов решил не вмешиваться в их взаимоотношения, но был обеспокоен. Он переживал за Ирину. Выйдя за Никитина, она тоже стала бы на путь борьбы и неопределенности.

А Ирина и не подозревала о внутренней борьбе своего отца. Она вся была погружена в подготовку к диалогу и ни на что иное не имела времени. Будут ли христиане правильно поняты правительством? Будет ли что-либо определенное достигнуто во время этих переговоров? Нужны были четкие, неопровержимые документы, лаконичные определения. Эти заботы заняли все дни и ночи Ирины и не оставили времени для других проблем. А на своей карьере она уже давно поставила крест.

Наконец, после многих писем и запросов, группа Ирины получила ответ из Центрального Комитета Коммунистической партии. Высокого ранга идеологический работник писал, что такая встреча в принципе возможна. Необходимо лишь прибыть в определенный день, заранее сообщить, кому выписать пропуск. Ирина с друзьями решили, что им необходимо еще раз собраться и просмотреть

вопросы, которые возьмут с собой в Москву. Назначили сбор у Иосифа Лупы.

Старый Лупа был рад гостям и постарался получше принять молодых людей. Был он мастером на все руки, делал игрушки для соседских ребятишек, поэтому, появляясь на улице, он привлекал внимание множества детей. Иногда он приглашал их к себе домой, угощал сладкими булочками и чашкой душистого чая. У него всегда был сюрприз для своих “приемышей”, как он их называл. Но он приглашал их не чаще одного раза в неделю, потому что много работал для общины и часто делал такое, чего не следовало бы видеть его юным друзьям, милицейским отпрыскам.

Ирина попросила Лупу размножить несколько важных документов. И когда он пошел покупать все необходимое для игрушек, то он попросил положить в его сумку несколько пачек бумаги. Старый Лупа терпеливо тащил этот груз в руках к своему дому, останавливаясь, чтобы перевести дыхание. А возле дома он попросил первого попавшегося милиционера донести его сумку по ступенькам до квартиры. Тот охотно согласился, потому что знал: этот старик делал удивительные игрушки для их детей!

Однажды начальник милиции попросил Лупу переплести законченные дела. Лупа взялся за дело. Стоит ли говорить, что такая исполнительность предопределила полнейшее доверие милиции к Лупе. Он выполнил работу искусно, с большой заботой. На переплетное дело у него еще были силы. Естественно, его любопытство взяло верх и он перелистал дела перед тем, как вернуть их в архив.

Так что не по своей вине Лупа увидел некоторые документы. Хотя и не секретные, но весьма любопытные. Он не прошел мимо такой возможности и переписал многие страницы “свидетельских показаний” против священнослужителей.

Конечно, борьба с церковью была задачей КГБ, но если применялась физическая сила, проводились посещения и обыски под видом проверок паспортного режима, расследования краж или других уголовных преступлений, следы совместных действий оставались и в милиции. Зная адреса и фамилии, можно было легко “вычислить” помощь стражей общественного порядка службе политической безопасности.

Вот и Лупа увидел свидетельства хулиганов, избивших Сашу. Он не верил собственным глазам! Один из двух хулиганов был

членом общины и уже некоторое время работал помощником у милиции. Лупа боялся рассказать об этом новому проповеднику. Несчастный человек мог разболтать это властям с плачевными последствиями.

“Нет, — подумал Лупа, — я сам займусь этим типом!”

Лупа накупил сладостей для встречи с молодежью. У него были также копии писем к правительству, у него хранились тысячи брошюр о Христовом воскресении доктора Белецкого. Перевозка их была осуществлена милицейской машиной. Иосиф узнал, что водитель едет в том же направлении, что и ему нужно было, поэтому попросил взять пожилого человека с собой. Все шло хорошо, пока Лупа не собрался выходить. Водитель вызвался помочь, понести его сумку. Лупе пришлось поспорить, чтобы убедить участливого милиционера продолжать свой путь. Как только он уехал, Лупа позвонил Федину, который жил в двух кварталах, и попросил его помочь. Через несколько минут пришел Федин вместе со своим сыном. Они и доставили опасный груз в дом врача.

Вечером Лупа сидел на своем стареньком диване, смертельно уставший, но довольный. Он налил себе чашку очень крепкого чая и ждал своих молодых друзей. Внука он предупредил, что придут его друзья, которые хотят помолиться вместе.

— Молись, дедуля, молись, — ответил майор. — Но береги свой лоб, ты нам еще нужен.

Майор был уверен, что дед молится так как молятся православные христиане, многократно кланяясь и касаясь лбом пола. Он ведь не посещал евангельских собраний.

Отец Василий пришел первым. Лупа впустил его и тепло обнял:

— Надеюсь, ты уже начал понимать, что возносить молитву следует Богу, а не иконе?

— Надеюсь, брат Иосиф, вы когда-нибудь научитесь уважать другие христианские церкви? — ответил Василий.

— А ты своими постами — или может влюбился? — усох до размеров собственной тени. Садись к столу, подкрепимся.

И Лупа налил гостю чашку дымящегося чая. Опять прозвучал звонок. За дверью стоял проповедник пятидесятников Семен Анакин из Казахстана. Лупа уже приготовил следующую шутку:

— Я уже давно не слышал иностранного говора. Кто переведет мне, когда ты начнешь говорить на иностранных языках?

Анакин засмеялся.

— Вы неисправимы, брат Лупа! Но я не сержусь на ваш острый язык, потому что у вас золотое сердце. Давайте-ка я вас по-русски расцелую.

Он поцеловал пожилого человека в обе щеки и даже приподнял его.

— Ну, будете еще насмехаться над нами?

Лупа закричал и начал вырываться:

— Сейчас же отпусти меня или я вызову милицию!

— Не отпускай его, Анакин, — сказал отец Василий, — сначала пусть даст честное слово...

Но тут опять раздался звонок. Анакину пришлось отпустить Лупу.

— Давно бы так! — проворчал старик и зашагал к двери. Иван Кребс, лютеранин, и Судакович, католик, стояли у двери.

— Слава Господу! — торжественно приветствовал их Лупа. Когда они с удивлением посмотрели на него, он объяснил:

— Я могу так сказать, потому что сегодня католики примиряются с лютеранами.

Все они на кухне уселись там в ожидании Ирины. Она появилась очень поздно. За ней следили, но девушке удалось избавиться от нежелательного эскорта, кружа по задворкам. Она вынуждена была взять такси до ближайшей пригородной железнодорожной станции, потому что уже не успевала на свой поезд.

Ирина вошла без звонка. Она тихонько открыла дверь и внезапно появилась в квартире.

— Ну как я вас напугала? — спросила она ошеломленного Лупу.

— Как же ты вошла? — смущенно спросил он у нее.

— Вы недавно давали Саше ключи от своей квартиры? Помните? А Саша положил их в мой кошелек и сказал: “Почему бы тебе не передать от меня привет старому Лупе?”

— Твой Саша бессовестный, он бросил нас всех на произвол судьбы! — прослезился старик от радости и волнения.

— Сейчас я заплачу вместе с вами, — проворчал отец Василий. — В конце концов он делает что-то, пока мы просто толчем воду в ступе. Он похитил мой приход, хотя появился в нашей церкви только однажды. Мои прихожане так полюбили его, что многие перешли к баптистам!

— Bravo! — закричала Ирина, хлопая в ладоши.

— Чему ты радуешься? Небольшое удовольствие проповедывать в пустой церкви.

— А почему бы тебе не заняться миссионерской работой? Зови к себе людей с улицы. В твоем селе немало коммунистов, которых можно привести ко Христу.

— Ты что, издеваешься! Брось пустые разговоры или я тебя живьем съем! — Василий угрожающе показал белые зубы. Он выглядел так комично, что все рассмеялись.

Полевой, баптистский проповедник из Сибири, хотел приступить к делу, начав общий разговор привычным голосом проповедника:

— Хорошо же, возлюбленные, давайте возблагодарим Господа за наше благополучное сюда прибытие. Брат Василий, не начнешь ли ты молитвой наше общение?

— Как он может молиться, если у меня здесь нет икон? — поддразнил Василия невозмутимый Лупа.

Василий встал:

— Я постараюсь без икон!

Все встали.

— Мы благодарим Тебя, наш Небесный Отец, за Твою постоянную защиту и помощь. Мы просим Тебя присутствовать здесь Твоим Святым Духом. Дай нам Твой мир, Твою любовь, и способность понимать друг друга. Аминь, — молился отец Василий.

Главной причиной собрания молодых христиан разных конфессий был предстоящий диалог с идеологами атеизма, но очень важно было для них поделиться открыто своими переживаниями и тем напряжением, которые они испытывают в своей жизни. Было у них и нечто общее: вопреки запрету правительства, сотни священников и проповедников проводили служения для детей и молодежи. Даже католические священники, за которыми, казалось, стоял Ватикан, могли за это потерять свободу. А баптистским проповедникам уж точно грозило если не заключение, то отстранение от дела и замена проповедниками по выбору властей.

На встрече был обсужден план диалога и точно сформулированы все предложения. Разошлись после полуночи.

Родители Василия были дома. Он предупредил их, что приедет. Мать и отец так рады видеть его, что пообещали ждать допоздна.

Профессор Кузнецов, отец Василия, тепло поздоровался с его друзьями. Василий обнял отца:

— Спасибо, папа, что вы нас ждали до сих пор!

— Мы же так давно тебя не видели! Сегодня с нетерпением ожидали тебя. Мама тоже еще не спит.

Василий представил Ирину и двух проповедников, Клима и Полевого, своему отцу. Отец обнял гостей и позвал:

— Пора! Тамара! Где же вы?

— Иду! — отозвалась мать Василия. Ее мелодичный голос заполнил комнату...

— Ах, так вы и есть та девушка, имя которой Саша так часто упоминал в горячке! — воскликнула Тамара, пожимая руку Ирине. — Теперь я понимаю, почему он не мог влюбиться в меня!

Ирина покраснела. Тамара поздоровалась с мужчинами и села напротив Ирины.

— Я не знаю, где были твои глаза, Василий, — сказала она брату. — Ты должен был уже давно украсть у Саши такую красивую девушку. Тогда Саша достался бы мне!

Она сказала это так серьезно, что все взорвались смехом.

В этот момент вошла мать Василия. Василий встал и поздоровался с ней.

— Мама, ты как всегда прекрасно выглядишь! — сказал он, целуя мать в щеку.

— Ну, ну. Ты же не для того приехал, чтобы говорить комплименты? — сказала она с сияющей улыбкой.

Перед ужином Василий спросил:

— Папа, можно ли нам помолиться?

— Пожалуйста, молитесь! — несколько смутившись, сказал профессор.

Василий кивнул Климу. Тот встал и сказал: “Мы благодарим Тебя, Создатель всего, за обильное благословение этого дома. Благослови нас всех Твоим присутствием в эту ночь”.

Тамара улыбнулась своим родителям.

— Вы всегда молитесь перед едой? — спросил профессор.

— Конечно, папа!

— Петя Зубов рассказал мне, — сказала мама, — что ЦК партии решил нанести смертельный удар религии.

— Помолчала бы о своем Пете! — с явным раздражением сказал ей муж.

— А кто такой Зубов? — поинтересовалась Ирина.

— А, это один из маминых друзей, — объяснил Василий. — Она актриса и общается даже с людьми из Центрального Комитета.

Ирина изучающе посмотрела на мать Василия. Не удивительно, что Василий раньше неохотно отвечал на вопросы о своих родителях.

— Ты так редко бываешь дома, — упрекнул его отец.

— Прости, папа. У меня было так мало времени! Да и не хочу подвергать опасности твою репутацию. Вы — коммунисты, так что ваш сын, священник, может принести вам лишь неприятности. Кстати, у вас не было проблем из-за меня?

— Нет. Разве что мои коллеги насмеются надо мной и говорят, что мне не нужно ходить в церковь, так как у меня есть свой личный поп. И все.

Тамара как раз внесла домашние пироги. Все ели и хвалили, внимательно прислушиваясь к разговору Василия с родителями.

— У нас работает уборщицей женщина-адвентистка, — рассказывал профессор. — У нее пять детей. Суд лишил эту женщину права воспитывать своих детей по ее убеждениям. И когда опекуны, назначенные судом, явились, чтобы забрать детей, они спрятались, кто куда. Один был под кроватью, другой в погребе, третий вообще залез в духовку. Они, конечно, нашли всех. Вытащили перепачканного ребенка из духовки. А когда уходили, сказали соседям, собравшимся на улице:

— Вот, посмотрите, как эти люди обращаются со своими детьми! Они их держат в такой ужасной грязи! А когда государство забирает их, чтобы росли в сытости и чистоте, поднимают крик и осуждают советскую власть. Муж этой адвентистки не был верующим, поэтому ему предложили развестись с женой, после чего ему оставили бы детей. Он не согласился на это. Мужчина не видел выхода и в отчаянии повесился в туалете. В этом тоже обвинили его жену. Это ее так потрясло, что она несколько дней не появлялась на работе и за прогулы меня обязали уволить ее. Но я все еще не сделал этого...

Ирина слушала этот рассказ со слезами на глазах.

— А тебе не попадет от начальства? — спросила Тамара.

— Не думаю. Сахаров продолжает бороться за права человека и не боится рисковать собой. Да и вообще, почему я должен увольнять бедную женщину? Вчера она пришла ко мне в кабинет и сказала: “Большое спасибо, Иван Николаевич, что вы не уволили меня. Бог вознаградит вас за это”.

— Но как нам реагировать, если верующие настаивают на своем праве воспитывать своих детей по церковным канонам? — спросила мать Василия. — Если партия против этого, они должны повиноваться.

Василий спросил:

— А что бы ты сказала, если бы в некоей стране отбирали детей у родителей, потому что они воспитывают их в коммунистическом духе? Ты бы тоже протестовала?

— Это же совсем другое дело. Я просто не воспитывала бы их коммунистами! Кто хочет терять детей из-за каких-то призрачных мечтаний о жизни в будущем?

Все рассмеялись над ее искренней наивностью.

— В моем институте тоже есть два баптиста: брат и сестра, — сказала Тамара. — Они отказываются вступать в комсомол.

— Вы, баптисты, так хорошо организованы, — сказал профессор Климу. — Партия боится вас больше, чем кого-либо другого, потому что ваши общины продолжают угрожающе расти, несмотря на запреты. Я понимаю, почему они дают вам сейчас немного больше свободы. Это потому, что в ваших церквях вы имеете сейчас сильную оппозицию. Но почему произошел раскол? Почему вторая сторона отвергает руководящее влияние Москвы? Почему членов нерегистрируемых церковью преследуют?

Проповедник Климу начал объяснять Кузнецову, как произошло разделение, как партия вмешивается во внутренние дела церкви. Он рассказал, как открыто и скрытно действовал КГБ и как много беды принесло это проповедникам.

Нора, хозяйка дома, внимательно выслушала его и сказала:

— А что случилось бы, если бы все вы, будь-то баптисты, православные, католики или кто-либо другой, просто сказали бы правительству: “Отныне и впредь мы отказываемся жить под таким жестоким контролем, отныне мы будем повиноваться лишь Богу?” Ведь так уже было сказано кем-то в Библии, да, Василий?

Василий кивнул:

— Это сказал апостол Петр.

Он выразительно посмотрел на Климу, давая ему понять, что он должен ответить на слова матери.

— Конечно, что-то подобное можно бы сделать, если бы все христиане были едины, — сказал Климу. — Но они очень боятся попасть в тюрьму. Они не могут прийти к общему знаменателю и в

том, какими должны быть взаимоотношения церкви с государством. На этот счет есть много мнений. Конечно, если бы все те, кто верит в Христа по всей России — эта армия в нескольких миллионов членов — если бы каждый из них заявил правительству, что мы будем повиноваться государству во всех делах без всяких условий, кроме духовной сферы, где мы будем повиноваться единственному Богу, естественно, всех нас они не смогли бы бросить в тюрьму! И церковь обязательно расцвела бы в этот период. Но мы не сможем достичь такого единства детей Божьих. Разногласия разрывают нас на части, мы еще так малодушны. КГБ постоянно разжигает наши конфликты, запугивая наших детей, подкупая и провоцируя их.

— КГБ не утруждает себя другой тактикой по отношению и к нам, ученым, — печально сказал профессор. — Я стал на сторону одного инженера в нашем отделе. Этот человек, Силич, хотел эмигрировать в Израиль... Они сразу же вызвали меня в управление КГБ и продержали там добрых восемь часов. Я думаю, что мы возвращаемся назад, к сталинизму.

Уже занялся рассвет, когда гости и хозяева наконец-то пожелали друг другу спокойной ночи. Конечно, уже давно было пора отправиться в постель, если они хотели еще хоть пару часов поспать, но им просто было трудно разойтись. В конце беседы Нора спросила:

— А детей у баптистов они и вправду забирают?

Клим объяснил:

— Я говорил с родственниками узников и мне рассказали, что в последнее время все чаще детей забирают у родителей-баптистов. Уже около пятидесяти семей всех конфессий пережили это.

Нора молчала. Вдруг Кузнецов спросил:

— Кто помолится с нами в заключение сегодняшней встречи?

Молодые люди посмотрели на него. Возникла короткая пауза. И тогда встал Василий. Он молился о Силиче, о его преследуемых родителях, о проповедниках, и, конечно, об ученых, которые попали в сети безбожного правительства. Потом он поблагодарил Бога за помощь. Все начали готовиться ко сну.

Кузнецовы-старшие были уже в постели, когда Нора обняла своего мужа и спрятала лицо на его плече. Он нежно погладил ее по волосам. Она посмотрела на него и в ее глазах были слезы.

— Прости меня, дорогой, — сказала она. — Как ужасно терять детей...

12. ТАЙНЫЕ СТАНКИ

Когда Совет Церквей решил подпольно печатать духовные издания, КГБ и советское правительство пришли в недоумение: что же им делать? КГБ заверил Центральный Комитет партии, что пройдет немного времени и типография будет обнаружена. Просто невероятно, что в нашей стране кто-то мог печатать материалы, не будучи обнаружен. Прежде всего, наводило на след приобретение бумаги в большом количестве. Каждый, кто покупал больше пятидесяти килограммов бумаги, вызывал подозрение. Обычно бумагу покупали организации, но делали это через снабженческие базы, с оплатой через государственный банк. При перевозке бумаги тоже возникало много проблем. Если бы кто-то вез бумагу поездом, то привлек бы к себе внимание милиции и пассажиров. Только немногие из верующих имели автомобили. Но каждого счастливого обладателя автомашины на ближайшем перекрестке мог остановить милиционер и потребовать открыть багажник. Перевозка оборудования, связанного с печатным делом, бумаги, типографской краски без подтверждения о их принадлежности, привела бы к их конфискации, а перевозившего могли легко обвинить в воровстве.

КГБ предсказало быстрое умерщвление этого “незаконнорожденного дитяти”. Первым шагом на этом пути было распоряжение выявлять все случаи покупки бумаги в значительном количестве. Началось профилактическое выявление верующих, причастных к полиграфии. Токари и слесари были взяты под тайное наблюдение. Слежка за членами Совета Церквей усилилась. Андропов пообещал Генсеку, что все работники подпольного издательства вскоре предстанут перед судом.

Всполошило атеистов открытое сообщение Совета Церквей об основании типографии и причинах, побудивших к этому шагу. В письме была ссылка на Конституцию СССР, которая гарантировала свободу печатного слова.

Единственным ответом правительства на это письмо было усиление репрессивных мер против гонимой церкви. Прошел год, два, но КГБ все еще не выследил типографию. Тем временем Новый Завет был отпечатан и распространен в церквях. В КГБ скрежетали зубами в бессильной ярости. Вновь попытались проникнуть в руководство Совета Церквей. И вновь вышла осечка, “нужный” человек был сразу же разоблачен.

Тогда власти прибегли к иной тактике. КГБ через своих людей посулил десять тысяч рублей вознаграждения тому, кто поможет выследить подпольную типографию. Слух прошел, но никто не спешил за щедрой наградой. КГБ начал действовать со своей привычной жестокостью. Именно поэтому агент КГБ стрелял в Неверова. Ведь КГБ предположительно “знал”, что Неверов каким-то образом связан с распространением книг. К несчастью, жена Неверова, от которой он не таился, рассказала агенту КГБ, что Неверов повел в Феодосию отнюдь не пустой автобус в тот день, когда Саша ехал вместе с ним. Но и жена Неверова, и КГБ ошибались. Неверов не имел никакого отношения к подпольной типографии. Библию привезли с Запада и нужно было срочно перевезти книги. Заботливый, добросердечный водитель взялся за это задание, даже не подозревая, что его намерение известно КГБ. Он не знал, что его жена получила за ценное сообщение двести рублей — больше ее зарплаты за полтора месяца. Но это был аванс. Ей пообещали еще пятьсот рублей, если груз не дойдет до места, а типография будет найдена. Женщина волновалась и ей пообещали, что мужа не отправят в тюрьму. И вдруг оказалось, что Неверов одурачил их.

Как только Саша оставил автобус в Красноперекопске, автоинспектор милиции в присутствии офицера КГБ вдоль и поперек обыскал его, но так и не нашли тайников. Автобус вернулся в свое хозяйство, в салоне поставили новое стекло вместо выбитого пулей. Но теперь машина была под наблюдением. И вскоре случилось, что директор автобусного парка в Херсоне перевозил в этом автобусе ворованное зерно! В колхозе автобус загрузили и направились в город. Об этом сообщил тайный информатор. Работники КГБ, следившие за автобусом, приказали милиции остановить похитителей. Милиция остановила автобус, но не смогла найти в нем ни единого зернышка. Поступило распоряжение демонтировать автобус и искать, пока зерно не будет найдено. Слесари автобусного парка начали разбирать машину под надзором КГБ. В конце концов, один из рабочих не выдержал:

— Я так старался, когда директор велел сделать тайник, а теперь вы все поломаете! Он нажал небольшой рычаг под рулевой колонкой, щелкнул стопор пружины и несколько сидений передвинулось в сторону. Под ними был плоский тайник. Оперативники КГБ застыли, открыв рот от удивления.

На следствии, которое было начато, механик доказывал, что Неверов никак не мог знать о тайнике. Когда же допрашивали самого Неверова, он только улыбнулся и сказал:

— Кто-то оснащает автобус тайниками и разворовывает народное добро, этот кто-то пойман, а теперь вы спрашиваете у меня, знал ли я что-нибудь о тайнике? Поймали другого, а я вор? Ничего я вам не скажу.

Неверов, конечно, видел, как директор автобусного парка, сам в прошлом автомеханик, и механик, работавший ранее водителем, с помощью доверенного слесаря по выходным работали в автобусе, делая тайник.

Но типография так и не была найдена. КГБ прилагал значительные усилия, чтобы запугать христианских проповедников: подпольное издание нелегально и поэтому, мол, есть преступное действие. Они даже говорили, что преступление противоречит учению Христа, убеждая проповедников зарегистрированных общин: “Если вы распространите незаконно изданные книги в ваших общинах, то попадете в большую беду!”

Некоторые из проповедников позволили оболванить себя до такой степени, что уговаривали со своих кафедр не притрагиваться к материалам, изданным “подпольно”. А один проповедник с Украины зашел так далеко, что сказал: “Даже слово “Бог”, напечатанное нелегально, уже есть антисоветская пропаганда”.

Но большинство проповедников, а также многие служители православной церкви возлагали большую надежду на новую попытку печатать Библию в СССР. Философ Митрохин писал, что если зарубежные страны будут посылать в СССР Библию, как они это и делали, если издательство “Христианин” продолжит печатание своих изданий, то вскоре не только верующие будут иметь собственные Библии, но каждому неверующему можно будет дать Священное писание.

Такая перспектива очень огорчила атеистов. После обнаружения небольшой типографии, КГБ, уверенный в победе, объявил, что с нелегальным печатанием Библии навсегда покончено. Андропов, должно быть, был вне себя от гнева, получив после ареста людей, работавших в типографии, письмо с требованием немедленно прекратить все репрессивные меры против издательства. Верующие намеревались выпускать и распространять печатные материалы, пока правительство не позволит печатать Библию по всей России и

распространять книги через книжные магазины и киоски. Кстати, письмо было напечатано на таком же оборудовании, как и недавно конфискованное.

Ответственные за издание отказались открыть подпольный канал другим критикам режима, когда они обратились к Совету Церквей за помощью в размножении своих материалов. Совет не хотел давать правительству улики, позволявшие обвинить Совет Церквей в политической деятельности. И если бы КГБ удалось проникнуть в ряды диссидентов, их агенты легко разрушили бы издательство "Христианин".

Верующие как из зарегистрированных так и из нерегистрируемых общин оказывали духовную и материальную поддержку своему издательству. Эта обоюдная забота сблизила молодежь из зарегистрированных и нерегистрируемых общин, приучила молодых христиан не замечать возможных разногласий.

КГБ с еще большим усердием пытался внести раскол в обе группы. Но оказалось весьма трудным остановить совместные предприятия. Младшее поколение христиан больше не видело причин для разделения общин. И так как правительство обещало зарегистрированной общине более широкое поле деятельности, то молодые люди, объединившись, могли не уходить в подполье. Общие молодежные собрания, совместные поездки в лес, фестивали песен, церемонии крещения и Библейские вечера сплотили и сдружили их. Такое развитие событий создало проблемы только для проповедников. Они стали мишенью для обвинений со стороны властей и КГБ. Однако многие сохранили твердость, несмотря на все тревоги.

Молодой человек в Москве, например, организовал три группы по изучению Библии для молодых людей. Он рассказал одному посетителю с Запада, что правительство потребовало у пресвитера исключить его из членов церкви за нелегальную деятельность, но у пресвитера хватило мужества отказать в этом.

Основной мишенью для атак оставалась незарегистрированная община. Были приложены все усилия, чтобы заставить проповедников, таких как Андрей Никитин, которые отбыли срок в тюрьме, присоединиться к зарегистрированным. Если их общины регистрировались, то делали попытки использовать их в борьбе против гонимой церкви. Комплексная кампания против духовного возрождения России была предпринята в неслыханных до этого масштабах.

Молодых людей не волновали эти раздоры. “Пусть старшие воюют друг с другом”, — говорили они, — “Мы хотим познавать Христа!” Это был их лозунг. На Западе многие не могли понять, что же происходит в России. Почему могут функционировать церкви, нормально обслуживающие детей и молодежь, а в то же время гонимые общины тайно собирались в лесах, а их пастора непрерывно сидели в тюрьмах? Может быть, Совет церквей настаивал на сохранении нелегального звена? Но гости с Запада не имели представления и о том, что может и насколько силен КГБ.

Россия нуждалась в здоровой, сильной оппозиции формально признанной большевиками церкви. Саша осознал это еще в зарегистрированной церкви. Теперь, свободный от пасторской ответственности, он мог стать нейтральным наблюдателем противоречий и несогласий между двумя братствами. Новое положение помогло ему внести свой вклад в духовное обновление. Чем активнее он был в этой роли, тем больше сосредотачивался только на одном: интенсивное изучение Библии и результативное воздействие на жизнь верующих как единственно соответствующая подготовка к решительной борьбе против коммунистической идеологии.

Совместное изучение Священного Писания вело к острому осознанию верующими разных конфессий, что многое в их ежедневной жизни требует изменения.

Такое изучение Библии дало широкомасштабный и отчасти удивительный эффект. Участники групп по изучению Библии начали спрашивать друг друга, не пришло ли время поломать конфессиональные барьеры и просто жить по заветам Библии.

Председатель колхоза, где Саша работал бухгалтером, получил указание районного комитета Коммунистической партии уволить Сашу. Он бросился искать другую работу, но в Крыму с этим было трудно. Последняя надежда была на старого муллу, который имел хорошие связи с татаринном, директором небольшой фабрики. Муфтий пообещал помочь Саше. День за днем Саша ожидал известия о работе. За это время он проведал Неверовых и пригласил всю семью приехать в Крым на отдых. Неверову действительно нужно было расслабиться и восстановить силы. Он неохотно вспоминал о поездке с книгами и ранении. Рана до сих пор беспокоила его. Он решил поменьше говорить об этом деле, чтобы лучше выполнять свои церковные обязанности в будущем.

Климат Черного моря преобразил семью Неверовых и их дети с каждым днем становились все веселее и оживленнее.

* * *

Однажды Ирина опять появилась в доме своего дедушки. Ее пригласила Наталья. Когда Ирина приехала, хозяйка протянула навстречу ей обе руки и сказала:

— Как я рада видеть тебя здесь, Ирина! Входи, входи, дорогая!

Ирина обняла старшую подругу и посмотрела на нее вблизи. Странно, подумала она, как мы похожи. Те же голубые глаза, волнистые волосы, полные губы. Ее сердце было расстрогано, как никогда ранее.

— Я так счастлива знакомству с вами, Наталья Петровна!

— Ну входи же! Скоро придет Саша. Он пошел на море вместе с нашими гостями. Сейчас у нас гостят Неверовы.

— Неверовы?

— Да. Я позову их. А ты пока сядь, пожалуйста.

Наталья Петровна вышла. Ирина осталась стоять, почувствовав вдруг странную тревогу. Она никак не могла избавиться от зловещего предчувствия: что-то плохое могло случиться с Неверовым. С тех пор как она услышала о жене Неверова, Ирина не знала что и делать. Это могли быть просто слухи, распускаемые КГБ, чтобы разрушить семью Неверовых. Но она все же возвращалась мыслью к высказыванию своего дедушки: “Нельзя изменить рыжие волосы”.

Саша влетел в комнату впереди всех. Он весь сиял:

— Ну, наконец! Твой дедушка и я начали уже думать, что ты совершенно нас забыла! Всегда извинения... нет времени...

Ирина молча смотрела на него. Пока они разговаривали, их глаза встретились и, казалось, каждый смотрел в душу другого. Саша, потеряв дар речи, все еще держал руку Ирины в своей руке. И только прибытие остальных прервало очарованность.

Приветствие Неверова было энергичным:

— Ага! Я должен отшлепать тебя за то, что ты заставила дедушку так долго ждать себя!

Ирина улыбнулась и сказала:

— Придержи язык, герой! Мы ждали тебя для важного обсуждения, но прежде ты должен был залечить свои раны в больнице.

— То была просто царапина, не более! Я уже со всем справился. И на следующее собрание буду здесь.

Казалось, глубокая печаль омрачила жену Неверова. В ее глазах появился непреходящий страх. Но это только сделало ее прекраснее прежнего.

Пока Ирина не увидела, как Наталья Петровна бежит взад-вперед, накрывая на стол, она и не вспомнила, какую новость принесла ей:

— Простите, Наталья Петровна, мои дедушка и бабушка всех приглашают на обед! У Пелагеи уже все готово и она просила не заставлять ее долго ждать. Ее стол уже накрыт для всех!

Наталью не нужно было просить дважды. Она очень хотела опять увидеть Соколова и его жену. Когда они вышли, она взяла за руку двух младших детей и пошла впереди, разговаривая с Валентиной Неверовой. Саша, Неверов и Ирина медленно шли сзади. Им еще нужно было кое-что обсудить, и поэтому они не спешили присоединиться к остальной компании.

— Кто, кроме тебя, знал, какой груз был в автобусе?

Неверов, задумавшись, посмотрел на Ирину и сказал:

— Никто, кроме моей жены. Естественно, она могла сказать об этом кому-то из родственников. Я не спрашиваю ее об этом. После покушения на меня она выглядит виноватой и печальной. Не хочу делать ее жизнь еще тяжелее.

Ирина вспомнила совет старейшего члена Совета Церквей Шалашова. Он говорил служителям, чтобы они хранили от беды своих жен и чтобы как можно меньше говорили им о деле. Она поделилась этим с Неверовым.

Неверов кивнул. Наверное, Шалашов прав.

— Откуда ты об этом знаешь? Ты ведь принадлежишь к зарегистрированной церкви, — удивленно спросил Саша у Ирины.

Она положила палец на губы:

— Шшшш! Преждевременно спрашивать меня об этом.

Потом она опять повернулась к Неверову:

— Ты мало заботишься о себе. Остались кожа и кости!

Улыбнувшись, он ответил:

— Позвольте мне уйти вперед и догнать женщин. Кажется, Митя устал. Я немного понесу его.

Саша и Ирина остались одни.

— У тебя есть немного времени для меня? — начал Саша. — Я бы очень хотел поговорить о деле, касающемся только нас двоих.

Она рассмеялась над тем, как он выразился, взяла его за руку и сказала нежно:

— Пойдем, присоединимся к другим. Мы поговорим о наших личных проблемах позже!

Ирина догнала остальных, подхватила маленькую Аню и присоединилась к разговору.

Дедушка Соколов тепло приветствовал гостей. Он каждого согласно русскому обычаю расцеловал в обе щеки, потом повел их к столу, который был красиво сервирован. От запахов у них потекли слюнки.

— Давайте прямо сразу приступим к обеду, мои дорогие, — сказал Соколов. — Иначе пироги Пелагеи остынут!

Он показал гостям их места за столом. Наталья сидела справа, а Ирина слева от него.

Разговор за столом был приправлен неизменными анекдотами Соколова. Он стал серьезным только один раз, когда разговор коснулся библейских занятий. Саша полностью завоевал его. Работа с группами по изучению Библии полностью поглотила Соколова. Когда он узнал, что именно гонимая церковь организовала нелегальные программы по изучению Библии, то лишь спросил: “А я не смог бы тоже быть евангелистом?” Он мог. Он стал евангелистом. Его работа с Библией привлекала особенно много молодых людей из высших слоев общества.

Встречались раз в месяц. Сначала занятия напоминали обычные обсуждения литературных новостей. Но старый джентльмен искусно уволит разговор от нынешней литературы и писателей прошлого века к духовным предметам. Со временем каждый все больше и больше углублялся в изучение Библии. Именно это привлекало наибольшее количество участников. Но дедушка Соколов не любил говорить об этом, так как не хотел привлекать излишнего внимания к своей работе. Он не позволял себе ни дерзкого, ни экстравагантного поведения. Библейские знания, которые он так ревностно приобретал в сочетании с большой эрудицией и ясностью ума очень ему помогали.

Когда Саша с мамой переехали, поселились поблизости и начали посещать его вечера по изучению Библии, Соколов стал еще более заботливым.

— Я предпочел бы, — сказал он однажды Пеллагею, — чтобы они меня бросили в тюрьму вместо Саши.

Но сейчас, сидя за своим столом, Соколов не мог не дать волю своим свежайшим анекдотам.

Однажды студент пришел к Соколову и сказал:

— А вы знаете, что православный патриарх — атеист? Когда Гагарин вернулся из космического полета, его принял Хрущев и спросил: “А ты Бога видел в открытом космосе?”. “Да, Никита Сергеевич”, — сказал Гагарин.

Хрущев побледнел и прошептал: “Я так и знал”. Вскоре Гагарина принял патриарх, который тоже спросил: “Ты видел Бога в открытом космосе, сын мой?”. “Нет!” — ответил Гагарин. Патриарх сказал: “Я так и знал: Бога нет!”

Рассказывая эту историю, дедушка периодически поглядывал на Ирину. Она потирала свой нос и поднимала брови. Вдруг она выпалила:

— А ты не ошибаешься, говоря о патриархе?

Соколов не ответил ей. Он не нуждался в очках и имел собственные зубы, хотя ему исполнилось девяносто лет! Хирург Федин, который проводил свой отпуск вместе с Соколовым, посоветовал ему тщательно пережевывать пищу. Этим он и занялся. Но Ирина опять нарушила тишину:

— Дедушка, ты читаешь весь самиздат. Что ты думаешь о Рое Медведеве?

Соколов посмотрел на нее и немножко подождал перед ответом:

— Давай сначала поговорим о патриархе. Еще мальчишками мы вместе с ним играли в мяч. И я очень внимательно следил за его продвижением по лестнице церковной иерархии. Мы с ним до самого конца были на “ты”. Партия не могла достаточно его восхвалить, она даже наградила его. Поэтому вполне понятно, на чьей стороне он работает.

— Послушай, дедушка! Что ты говоришь? Ты, должно быть, совершенно забыл...

— Прости меня, дитя мое. Я не подумал об этом.

Они ведь договорились следить за каждым своим шагом в присутствии Валентины. На этом настаивала Ирина.

— А относительно Роя Медведева, — продолжал Соколов так быстро, как только мог, — скажем так, что каждый, прочитавший работы Маркса и Энгельса считает себя марксистом. Недавно один

студент сказал мне: “А вы знаете, что изучивший марксизм — коммунист, а тот, кто понял марксизм — антикоммунист?” Рой Медведев играет роль человека, судя по его опубликованным трудам, понявшего марксизм и тем не менее оставшегося с ним. Сам он, возможно, осознает противоречия, которые несет с собой. С одной стороны, дает право науке на экспериментирование. А это значит то, что миллионы жертв революции с самого начала до нынешнего дня являются просто частью научного эксперимента. Ему следовало бы выразиться яснее, почему мы должны осуждать Хиросиму и Нагасаки. Американцы тоже могут очень просто объяснить, что атомная бомба была всего лишь научным экспериментом! Итак, я не могу понять, почему советское правительство считает Роя Медведева диссидентом. Он один из них. Они просто его неправильно поняли. Им следовало бы сделать его членом Академии Наук. Любой эксперимент над человеком есть проявление садизма и варварства. Но Медведев не разделяет этого мнения. К тому же, он считает всякого человека, относящегося к марксизму иначе, психопатом. В этом он мыслит так, как Центральный Комитет Коммунистической партии, которая считает каждого, не согласного с ней, шизофреником. По этой причине, я думаю, что все вы, участвующие в экспериментальном диалоге, в конце концов окажетесь в психобольницах.

Последнее предложение он прошептал. В это время печальная Валентина была так занята своими шустрými чадами, что Соколов был уверен — она ничего не слышала из сказанного им.

— Нельзя ли сменить тему разговора? — вмешалась Пелагея. — Если все наелись, мы можем перебраться в зал.

Как Ирина любила эту особую комнату, которая служила также кабинетом дедушки. Полки уставлены книгами, которые он собирал десятки лет! Рядом с марксистскими философами стояли древние, с современной литературой, доступной в России, биографии и книги о политике партии. Эти тома заполнили полки до самого потолка. На двух полках также стояли Библия, несколько комментариев к ней и другие духовные издания.

Часто к Соколову приходили студенты. Они приходили со своими вопросами, если не могли найти другого места, где могли бы получить ответ. Для них он был живой энциклопедией. Это было чудом, что Соколов обратился к Библии и продолжал это занятие с невероятной энергией. Он прочел Библию раньше, еще не будучи

верующим. Но воспринимал ее не больше, чем законы морали, исторические предания. Теперь же она стала для него источником спасительного знания жизненной силы. Когда он рассуждал над Библией, то изрекал такие жемчужины мудрости, что можно было слушать его часами, не уставая.

Только Саша, Неверов и Ирина пошли за Соколовым в зал. Остальные на кухне занялись посудой.

— Я могу понять Медведева, когда он борется за демократию в нашей стране, — продолжал Соколов, — и когда он выступает за основание оппозиционных партий, создание оппозиционных фракций внутри Компартии. Но объясните мне, пожалуйста, как это можно согласовать с официальным марксизмом? Государственный марксизм признает использование силы не только как законное средство завоевать и удерживать власть, но и как путь принуждения каждого к обязательному согласию с образом мышления марксистов. Однако, согласно Медведеву, именно так обстоят дела. Эксперимент с марксизмом стоил миллионов жертв в России, в других республиках. За годы советской “чистки” в 1937-1939 годах правительство казнило полмиллиона людей, 120 тысяч из них были реабилитированы посмертно. Были не просто уничтожены лучшие, была уничтожена возможность быть иным, иметь свои взгляды, свои суждения. Серые ряды послушных роботов без мысли, без полета. Партия и сейчас не допускает расследования всего происшедшего. Следуя этой линии мышления, национал-социализм также следует рассматривать как эксперимент. Говоря о таких экспериментах, надо вспомнить и мафию. Марксизм — это наказание за апатию для тех, кто верит в демократию и свободу, но все же остается равнодушным к ним. Нельзя рассматривать процесс медленной смерти общества как эксперимент!

— Почему же марксизм так популярен в западных странах? — спросила Ирина. Ее вопрос был основан на дискуссиях со студентами из западных стран.

Соколов подумал, потом ответил:

— Марксизм не был взращен на русской почве. Он был импортирован в Россию. Даже такие люди как Герцен и Бакунин ездили на Запад, чтобы изучить эту теорию. Запад бросил это гнилое яблоко в нашу корзину в порядке эксперимента. Это правда, что Россия была прекрасной почвой для такого эксперимента. И мы оказались самыми лучшими подопытными кроликами для марксизма.

Но в этом деле есть два конца. Для России марксизм представляет прошлое и будущее. Для Запада это только будущее. Эти страны не имеют представления как марксизм действует на практике. Поверьте мне, в этих странах марксизм породит большее уродство, чем в нашей стране за все время. В настоящий момент Запад принимает наших диссидентов. Придет день, когда мы будем принимать западных диссидентов, конечно, если бедным простакам разрешат бежать с западной экспериментальной территории, когда марксизм окончательно завоюет там позиции и если завоюет...

— Какую печальную картину нарисовал ты, дедушка.

— Не забывай, дитя, Библия говорит, чтобы мы высоко подняли наши головы, когда придут несчастья, потому что близко наше избавление. Для вас, молодых христиан, и для нас, пожилых, остается одна уверенность: Иисус с нами сейчас и Он придет опять! С тех пор как я сделал это поразительное открытие, ужас, который окружает вас и меня и который прикасается к нам очень часто, больше не действует на меня так сильно. Я почувствовал, что должен сказать вам это перед тем, как вы станете участвовать в своем диалоге. Основываясь на всем, что я испытал и увидел, я хочу сказать, что ваш диалог — чистейшая утопия. И фактически, она может обернуться очень трагической утопией, дорогие мои! Но я думаю, что вы сами должны пройти через это. Если я буду еще жив, когда все будет завершено и сделано, то надеюсь, что смогу вам помочь, как только смогу.

Ирина обняла старика, целуя его в щеку:

— Спасибо, дедушка. Спасибо за все.

Старик вытер слезу. Он повернулся к остальным и сказал:

— Вы забыли о женщинах на кухне? Пожалуйста, попросите их прийти сюда с детьми!

Неверов, слушавший старика, как прикованный, вскочил, как бы проснувшись от прекрасного сна и пошел на кухню за женщинами.

Соколов своим пронзительным взглядом смотрел на Ирину и Сашу.

Ирина встревожилась, потому что никогда не могла предвидеть, что еще замышлял старик.

— Что такое, дедушка? — спросила она. Но он не ответил и молча продолжал изучать их обоих. Ожидая худшего, Ирина отчаян-

но начала рыться в своих мыслях в поисках чего-то, что могло бы отвлечь ее. И тут прозвучал гром среди ясного неба.

— Ну так когда же вы собираетесь отпраздновать свою помолвку?

— Дедушка! Как ты можешь! — Ирина вскочила со стула.

— Что касается меня, то мы могли бы это сделать и сегодня, — быстро ответил Саша. Он подошел к Ирине и тихо сказал ей: “Я люблю тебя, Ирина, и я очень прошу тебя стать моей женой”.

Ирина побледнела:

— Саша, так не делается! Сначала ты должен был просить у меня руки моей внучки! — сказал дедушка и улыбнулся Ирине, которая окончательно разнервничалась и выбежала из дома. Наталья Петровна как раз входила в дверь, которую Ирина, выбегая, оставила распахнутой. Саша стоял посреди комнаты, как пораженный молнией и не знал, что делать.

— Мужчины, что вы сделали с Ириной? — спросила Наталья.

Вместо ответа дедушка прикрикнул на Сашу:

— Ну что стоишь как статуя? Беги за ней. А я тем временем займу гостей.

Саша нашел Ирину у куста лилий. Она смотрела на море. Он близко подошел к ней, взял за руку и мягко сказал: “Пойдем!” Она повиновалась как ребенок. Рука об руку они тихо пошли вниз к воде.

Ирина ожила:

— Пошли купаться!

— А ты взяла купальник с собой?

Ирина помчалась домой и вскоре бежала назад с покрывалом и купальником. Берег был полон людей. Они кричали что-то детям, играли в мяч, загорали. Саша не захотел оставаться среди них. Они шли вдоль берега около получаса. Наконец, Саша опять спросил:

— Ты хотела бы стать моей женой? Ты не дала мне ответа.

Ирина остановилась, посмотрела Саше в лицо и нежно спросила:

— Неужели ты не почувствовал, что я люблю тебя? Саша, пообещай мне, пожалуйста, пообещай не напоминать мне об этом, пока не придет нужное время!

Он этого вообще не понял.

— Но когда нужное время?

— Ты должен знать это. Я так долго ждала этой поездки в Москву. Я так тяжело работала для этого. Я знаю, что Господь благо-

словит нас. Но сейчас я не могу думать о моем личном счастье. Ты можешь это понять?

— А почему бы не подумать о моем счастье?

— Какие вы, мужчины, эгоисты! А я убеждала себя, что ты не такой. Пойдем-ка в воду! — и она прыгнула в море.

До самого вечера они не возвращались домой. Гости уже разошлись. Старый Соколов сидел на веранде и читал. Он ободряюще посмотрел на Сашу и Ирину, но ничего не сказал.

Саша вовсе не думал, что его дела обстоят хорошо. “Бог укажет нам будущий путь”, — сказала ему Ирина. — “Давай молиться друг о друге, как мы делали это раньше?” Он конечно тоже хотел этого. И, конечно, не собирался помешать исполнению воли Господа по отношению к ним. Но был ли предстоящий диалог частью этой воли? У Саши было предчувствие, что Ирина охотилась за миражом.

13. МОЛОДЕЖНОЕ СОБРАНИЕ

Ирина вернулась от родителей Ивана Моисеева, молодого солдата, убитого КГБ. Она долго разговаривала с родителями Ивана и пыталась понять ход мыслей погибшего. Чтобы объяснить своему отцу, какими же они были, она включила магнитофон с личным свидетельством Вани, записанным на кассете. На этой же кассете были его рассуждения у чудеса, которым он был свидетель.

Отец Ирины только пожал плечами:

— Я не верю в чудеса, дорогая. Молодой человек мог быть в экзотическом трансе. Конечно, это еще не значит, что у него было психическое заболевание. Несомненно, в КГБ боялись, что подобные видения привлекут внимание неверующих молодых людей и по этой причине они избавились от опасного субъекта.

Ирина безоговорочно доверяла своему отцу. А так как она была интеллектуально на том же уровне, что и отец, он не пытался поколебать ее убеждения. Поэтому, когда сотрудники КГБ однажды поставили на вид Соколову, что, как коммунист, он должен оказать давление на свою дочь и прекратить ее “бегание в батистский молитвенный дом”, он просто сказал:

— Она сама — ученый, поэтому сама знает, что делает.

Без излишней дипломатии он попросил своих старых друзей, еще работающих в КГБ, оставить Ирину в покое. Но они преследовали ее с азартом охотников. Юрий Соколов ясно видел, что она была в большой и реальной опасности. Он предупреждал дочь об этом, когда

они еще жили с Серовым и она донимала родственников отца вопросами.

В это время началось преследование диссидентов.

— Почему государство обращается с инакомыслящими так хладнокровно жестоко? Нужна ли такая жестокость? — хотела знать Ирина.

Серов просто уходил от ее вопросов, говоря:

— Пусть эти диссиденты еще скажут спасибо, что их не расстреляли, как это сделали бы во времена Сталина.

Ирина не позволяла так легко от себя отделаться.

— Иными словами, вы заявляете, если я вас правильно поняла, что бросать совершенно здоровых людей в психиатрические лечебницы или сажать их в тюрьмы на десятки лет, это акт гуманности! Вы это имели в виду? — сердито спрашивала она.

Однажды Серов сказал:

— Ирина! Ты задаешь слишком много вопросов. Если будешь продолжать в том же духе, то очень быстро попадешь в черный список и просто не успеешь сообразить, что с тобой произошло.

Это время пришло. Соколов обнаружил в Минске, что за Ириной и здесь следили. Он прямо сказал ей об этом, предлагая свою помощь.

Ирина с благодарностью приняла его предложение. Соколов начал посвящать ее во все тонкости слежки КГБ. Он убеждал девушку, что для достижения успеха она должна изучить технику работы своих противников. Иначе все, что она бы ни сделала, будет обречено на провал.

Юрий Соколов начал тщательное обучение. Он изображал настоящее преследование КГБ, давая Ирине задание уйти от своих преследователей. Это оказалось нелегкой задачей. Но они тренировались без усталы, пока Ирина не научилась быстро распознавать очень опытного преследователя и избавляться от него.

Нелегким делом оказалось научить молодую женщину искусству разоблачения шпионов и информаторов.

Юрий Соколов предложил баптистской общине свои услуги по подготовке к проведению молодежного собрания в лесу. Это была очень тяжелая задача, потому что молодежь до восемнадцати лет не допускалась на церковные богослужения.

Юрий Соколов, который больше не протестовал против самой церкви, а лишь осуждал ее неверных служителей, с жаром окунулся

в работу по подготовке такого молодежного собрания. Ирина предложила обсудить его рекомендации, как свои собственные. Никто и не подозревал, что хорошо продуманные планы исходили от ее отца. Их принимали без обсуждения.

Организаторы собрания знали, что в конце концов милиция услышит об их планах и сразу же предпримет ответные действия. Опыт научил Юрия Соколова, что ни одна общественная организация в Советском Союзе не обходилась без тайного информатора. Он убедил Ирину проверить своих друзей, чтобы выявить чужого.

Ирина встретилась с каждым членом руководящей группы и сообщила, предварительно получив заверение в сохранении строгой секретности, нечно конфиденциальное, известное только ей. В частности, она рассказала о церковной библиотеке.

Уже давно милиция особенно интересовалась местонахождением этой библиотеки. Найти ее не удавалось. Дом, в котором сначала находилась библиотека, был продан и книги перевезли в безопасное место. Ирина сказала одному из друзей, что знает местонахождение библиотеки, но не уточнила, что книги уже вывезены оттуда. Через два дня милиция с ордером на обыск появилась в указанном доме к большому неудовольствию полковника воздушных сил, который уже был на пенсии и теперь жил в этом доме.

Таким образом Ирина разоблачила молодого человека, который стал тайным информатором. Однако было бы опрочетчиво отстранять его от участия в молодежном комитете. Вместо этого Ирина посвятила несколько верных друзей в деятельность информатора и они согласились дать ему задание: подыскать хорошее место для молодежной встречи. Пока он был занят поисками места, остальные выбрали совсем другое, о котором, естественно, не сообщили информатору.

Всем сообщили, что нужно собираться в пятнадцати километрах от настоящего места встречи. Оттуда все должны были идти к месту собрания. Информатор был руководителем группы сельской молодежи. За неделю до встречи он сообщил своей группе, где и когда состоится собрание, назвав место, где они присоединятся у другим участникам. В то утро он поехал туда рано, и лишь для того, чтобы убедиться в отсутствии хотя бы одной души.

Информатор решил, что он опоздал и молодежь уже двинулась в путь. Он вскочил в автобус и поехал к тому месту, которое он выбрал для молодежного собрания. Потом прошел еще десять

километров. Когда же, наконец, прибыл к тому месту, которое, как он считал, выбрано для собрания, там тоже никого не было. Он понял, что все это значит, и страх почти парализовал его. Одновременно и неподдельное чувство стыда охватило этого человека. Он упал на землю и заплакал как ребенок.

Вскоре послышались голоса. Это милиция готовилась разогнать молодежь, а руководителей арестовать. Но, окружив поляну, стражи порядка обнаружили, что они опять одурачены тем же информатором; который уже посылал их к черту на кулички, когда они искали церковную библиотеку.

Офицер милиции теперь пожаловался майору Лупе на мошенника, который постоянно давал ложную информацию. Потом он набросился на несчастного виновника просчета, говоря:

— Что ты себе позволяешь? Ты что, в кошки-мышки с нами играешь, издеваешься над нами?

Он не потрудился даже выслушать слезные объяснения молодого человека, приказав одному из милиционеров отправить его в отделение.

Около двухсот милиционеров стояло вокруг леса, разбившись на небольшие группы. Некоторые мирно курили и тихо разговаривали. Другие, кому положен был выходной, если бы не операция под кодовым названием “лес”, шепотом ругали информатора, бросая на него злые взгляды. Молодой человек знал, что раздраженные милиционеры будут бить его до потери сознания. В отчаянии он решил на самоубийство. Но майор Лупа установил за ним постоянное наблюдение. Старый Лупа был также посвящен в это. Ирина, беспокоясь о несчастном информаторе, открыла старому Иосифу свой секрет и попросила узнать, сколько милиционеров будет участвовать в операции.

Старый Лупа пошел к своему внуку. Майор принял деда с привычной сердечностью, но старик чувствовал его напряженность.

— Что происходит? — любезно поинтересовался старик. — Мне кажется, что ты готовишься к большой битве. Неужели какая-то банда собирается ограбить ваше отделение?

— Банда, говоришь? — угрюмо переспросил майор. — Это твои баптисты! Кажется, они ничему не научились и опять хотят собраться в лесу. А мне нужно выполнять свои обязанности! А я как раз собирался на рыбалку. С женой! Я так ожидал этого! Но нет! Баптисты не дадут нам покоя!

— Но, дорогой внук, — быстро сказал дед. — Не волнуйся прежде времени. Может это все слухи? Что им там делать? Служение в лесу?

— Мы получили информацию из надежного источника, — ответил майор.

— А что если твой “источник” ввел вас в заблуждение? — небрежно спросил старик. — Сколько ваших пойдут на эту ненужную прогулку?

Майор Лупа испытывающе посмотрел на старика:

— Человек двести соберем. Но если этот друг проведет нас, мои парни снесут ему голову!

Старый Лупа рассудительно посмотрел на внука:

— Думаю, что он все же переживет побои твоих мужиков, а вот потом как бы не повесился от стыда!

Майор подозрительно глянул на старика, накинул шинель и вышел.

* * *

Пока все это происходило, четверо детей Серова катались по реке на моторной лодке. Их мать была занята в доме, а отец пребывал в одной из своих бесчестных командировок. Дети намеревались проведать бабушку в Октябрьском районе и везли с собой фрукты, окорок и хлеб. Бабушка была старая, болезненная. Но дети с нетерпением ожидали дня, когда смогут поехать к бабушке. Им нравилось сидеть на крыльце ее маленького домика и слушать тихий рассказ. Особенно интересно рассказывала бабушка о дедушке, который в годы гражданской войны служил в коннице Буденного. Бабушка все эти истории рассказывала так волнующе, что дети забывали о времени.

Когда они опомнились, был уже поздний вечер. Им давно следовало быть на пути домой! Они ведь пообещали маме быть у бабушки не дольше двух часов, а уже пролетело четыре! Бабушка пошла с ними до реки. Дети сели в лодку и еще раз помахали бабушке, крича:

— Мы скоро опять приедем!

Бабушка помахала им в ответ и медленно поковыляла обратно.

Алеша Серов включил мотор и направил лодку к середине реки. Девочки, Нина и Светлана, сняли блузки и подставили солнцу свои

спины. Младший Игорь, опустил руку в воду и брызгал на сестренку. Они визжали и требовали, чтобы он прекратил безобразничать.

Они уже проплыли несколько километров, когда мотор закашлялся и остановился. Алеша начал возиться с мотором, пытаясь опять запустить его. Наконец он догадался заглянуть в бензобак:

— Ой, у нас кончился бензин! — закричал он.

— Пустяки! — решила Нина. — Мы просто будем грести, вот и все. Ты и Игорь сядете на весло, а мы будем пассажирами.

Алеша засмеялся и потянулся к веслам. Вдруг Игорь внимательно прислушался.

— Вы слышите? Кто-то поет!

Светлана посмотрела на него с насмешкой!

— Тебе опять мерещатся призраки!

Игорь постучал себя по лбу:

— Неужели ты не слышишь пения?

Действительно, из лесу доносилось красивое хоровое пение. Алеша перестал грести и слушал. Потом он сказал:

— Это христианское пение. Возможно, наша Ирина опять организовала собрание своих верующих друзей.

— Я не люблю этих христиан, — сказала Светлана, надув губы. — Христиане необразованные и невежественные люди.

— Надеюсь, ты не станешь меня убеждать, что наша Ирина необразованная. Она защитила диссертацию. Просто верующие ничего не могут поделать, если правительство препятствует им в учебе. И вообще, я думаю, несправедливо относится так к людям, которые думают не так, как мы.

— Теперь я понимаю, почему папа говорит, что Ирина имеет слишком большое влияние на тебя, — язвительно заметила Светлана.

Но Нина сказала ей:

— Ой, прекрати-ка эти разговоры! Алеша, подвези нас к берегу. Я бы хотела посмотреть, что эти люди делают на лоне природы. У тебя с собой фотоаппарат?

Алеша кивнул и начал грести к берегу. Светлана вначале жаловалась, но любопытство взяло вверх над ней. Вскоре она уже сама вытягивала шею, чтобы увидеть, кто там поет в лесу.

Дети вышли из лодки и привязали ее к молодому дереву, затем пошли на поиски поющих. Они пробирались сквозь заросли очень осторожно, надеясь, что никто их не заметит. Наконец они увидели

поляну, заросшую травой, на которой, насколько простирался взгляд, сидела молодежь.

Как раз в тот момент, когда они добрались до поляны, взял слово молодой проповедник. Он говорил об очевидности силы Всемогущего в творении таким простым языком, что каждый мог его понять. И чем дальше Светлана слушала, тем сильнее она чувствовала, что этому человеку можно верить. Через несколько минут дети оставили свои убежища и начали увлеченно слушать. Человек не может себя ничем оправдать, говорил проповедник, если он отвергает существование Бога. Все творения свидетельствуют о наличии Творца, Который все сотворил для человека и для его блага. Задача человека в том, чтобы доверять земле, и всему что ее наполняет.

Серовы были удивлены. Как убедительно он говорил! Нет, конечно, это не был необразованный, невежественный человек. Ни в коем случае! Он говорил уже более получаса, но дети хотели его слушать еще.

Вдруг проповедник обратился прямо и лично к каждому из своей аудитории.

— Если ты еще до этого момента не отдал славу Творцу земли, если ты еще не отдал себя Ему, чтобы жить для Его Сына, Иисуса Христа, то тогда ты можешь сделать это прямо сейчас. Скажи Иисусу что ты сожалеешь, что был так далеко от Него, и отдай Ему свое сердце! Я прошу всех, кто хочет это сделать, выйти вперед.

Алеша глянул на своего брата и сестер. С минуту ему казалось, что он видит сон. Светлана и Игорь встали с пеньков, на которых они сидели и, держась за руки, пошли вперед! Нина шла за ними. Сердце Алешки подступило к горлу. Как старший, он знал, какое значение будет иметь этот шаг для всех них. Он колебался какую-то долю секунды и потом тоже пошел вперед, следуя непреодолимому велению своего сердца.

Проповедник еще раз повторил свое приглашение. Около ста молодых людей собрались вокруг него. Потом подошли помощники. Они начали говорить с каждым отдельно. С детьми Серова говорил Саша. Он отвел их в уединенное место в лесу, чтобы их не беспокоили и там помолился с ними. Когда дети сказали ему свои имена, он был очень удивлен, так как Ирина говорила ему раньше о семье Серовых. К его облегчению, она сама появилась вскоре на поляне. Ирина расцеловала всех четырех своих двоюродных братьев

и сестер и спросила, как они здесь оказались. Алеша рассказал ей всю историю, добавив:

— Мы так счастливы, что попали сюда. Теперь нас уже не волнует, что мама будет ругать нас за такое длительное отсутствие.

Ирина сразу стала серьезной.

— Мы сейчас же найдем бензин, чтобы ваша лодка могла отвезти вас домой. Мама разрешила вам уехать на два часа, а вы уже пять часов, как ушли из дому. Саша, объясни им, как верующий человек, христианин должен вести себя дома. А я пойду искать бензин для лодки!

Ирина исчезла. Саша уселся с детьми на траве и начал объяснять им, что может случиться, если их родители или одноклассники узнают, что они стали христианами. Дети внимательно слушали. Они не выразили беспокойства по поводу возможных последствий их решения. И когда Саша настойчиво посоветовал им ежедневно читать Библию, Светлана предложила: “Алеша, а почему бы нам не читать Библию вместе? Тогда бы ты смог объяснить то, что мне непонятно”.

Алеша кивнул. Он подумал, что не так уж трудно будет найти утром место и время. Но Светлана, которая всегда любит поспать, наверное, не сможет вставать рано.

Вскоре Ирина опять появилась с молодым парнем, который нес канистру:

— Пойдемте. Сейчас ваша лодка опять будет на плаву и вы сможете добраться домой!

— Ириночка, — попросила Нина, — а можно остаться с вами хотя бы еще на часик?

Молодежь начала играть на музыкальных инструментах. Ирина покачала головой:

— Алешка, тебе уже шестнадцать. Ты понимаешь, в какой трудной ситуации мы сейчас находимся. Если бы милиция сюда нагрянула и нашла вас здесь, моих друзей и меня отправили бы в тюрьму только потому, что здесь были дети. И кроме того, ваша мама ждет вас.

Алеша понял ее и встал:

— Пойдем! — скомандовал он брату и сестрам.

Саша и Ирина провели их к реке, наполнили бак бензином и приготовили лодку к отправке. Потом они попрощались с детьми и долго махали им, пока лодка не скрылась вдалеке.

Дети уехали, а Ирина все не могла прийти в себя. Она очень ясно могла представить себе последствия обращения детей Серова к Иисусу Христу на молодежном собрании! Когда проповедник спросил ее об удивительных детях, которых она только что провела к реке, она сказала: "Они мои родственники. Но поверь мне, чем меньше ты знаешь о них, тем лучше для тебя. Нам нужно о них усиленно молиться". Последние слова она сказала как-то беспомощно.

Ее мысли были в беспорядке. Что же теперь будет? Расскажут ли дети все, придя домой? Что же ей делать?

Все присутствующие были обескуражены поведением Ирины. Она стала рассеянной, погруженной в свои мысли. Только Саша и Василий, который присоединился к ним в тот вечер, могли понять, что происходило с Ириной.

Жена Серова уже с тревогой ожидала детей. Опять и опять она выглядывала их у реки. Где же лодка, почему они до сих пор не вернулись? Она надеялась, что ничего не случилось и с ее престарелой матерью. Наконец они прибыли и с шумом ворвались в дом, уставшие, голодные, но восторженные. Они наперебой объясняли матери причину опоздания. Но в этот раз они ни словом не упомянули о молодежном собрании.

За столом мать сказала им:

— Знаете что? Звонил папа и сказал, что через несколько дней он вернется домой.

Алеша задумался:

— Мама, мы не все тебе сказали.

Остальные дети вдруг замолчали. Мать вопросительно посмотрела в лицо своему старшему сыну. Ее сердце подсказывало, что будет какое-то несчастье. Алеша помолчал и начал свою историю:

— Когда у нас кончился бензин, мы погребли к берегу и остановились там. Вдруг услышали пение. Нам стало любопытно, кто же это поет в лесу и мы пошли на звук. Там мы наткнулись на большую группу молодежи. Оказалось, что все они верующие. Там один проповедник говорил так хорошо, что мы, когда его слышали, все четверо решили стать христианами.

Алеша замолчал, посмотрел на мать:

— Пожалуйста, мама, постарайся понять. Ты должна нам помочь объяснить все это папе.

Мама сидела бледная и молчаливая. Чудовищность всего услышанного лишила ее дара речи. Наконец, после долгой паузы она спросила:

— Ирина тоже там была?

— Мы не встречали ее до самого конца, — быстро сказала Нина. — Она появилась за несколько минут до того, как мы отправлялись домой. Она не имеет к этому никакого отношения!

Из-за того, что в прошлом были разговоры о дурном влиянии Ирины на детей, все четверо очень старались, чтобы уберечь свою дорогую Ирину от возможных осложнений.

— Хорошо. Ладно, дети, — наконец сказала мать. — Заканчивайте обед. А я пойду в свою комнату и обдумаю все это. Сейчас я не могу думать ясно.

Дети хорошо знали маму и понимали, что она не будет устраивать им сцен или отговаривать их от уже совершенного поступка.

Жена Серова думала, что дети поступили так в порыве чувств и вскоре все вернется к нормальному течению жизни. Но как все это объяснить мужу, который не замедлит разразиться потоком брани? Возможна ли иная его реакция на создавшуюся ситуацию? Кроме этого, если муж все узнает, это повредит Ирине.

Жена Серова закрылась в кабинете мужа на долгое время и обдумывала случившееся. Потом она взяла телефон и набрала номер отдела КГБ, где работал ее муж. На другом конце провода был дежурный офицер.

— Я хочу поговорить с Семеновым, — сказала она. Дежурный офицер посоветовал попытаться найти Семенова дома.

Когда она позвонила ему, он был дома, и, выслушав внимательно все, что она ему рассказала, сказал:

— Премного благодарен. Пожалуйста, не беспокойтесь ни о чем. Я обо всем поговорю с вашим мужем. И мы выкурим этих баптистов из леса!

Это была большая удача КГБ. Наконец удалось узнать, где молодые люди проводили собрание. Семенов поднял по тревоге милицию, приказал поставить в строй резервный отряд. Опять все приготoвились к действию.

Ирина предвидела, что может произойти. После уезда детей, она помчалась к отцу, предварительно высказав Саше свои наихудшие опасения. Юрий Соколов был на рыбалке в нескольких километрах от места собрания. Он уже надергал из реки немало

рыбы и как раз варил уху, когда появилась запыхавшаяся Ирина. Она была такой бледной и пораженной, что он сразу почувствовал: случилось что-то серьезное.

— В чём дело? — озабоченно спросил он. Дочь все ему рассказала. Он сидел безмолвно и только покачивал головой.

— Милиция сегодня уже не появится, — наконец заявил он. — Темнеет. Они не придут за вами ночью.

Он улыбнулся печальной улыбкой:

— Ужасно! Сначала она, потом ты, а теперь даже дети моей кузины! Серов не сможет это принять, как и я не смог в те дни. Он будет мстить вам. И мне, естественно.

— Папа, — сказала нетерпеливо Ирина, — время терять. Что делать?

Отец вытер лоб, как бы желая избавиться от мрачных предчувствий, и сказал:

— Библия говорит, что ангелы на небесах радуются о кающемся грешнике? Это происходит и сейчас, да? Ну, возможно ангелы и радуются, но мы в затруднительном положении и не очень-то счастливы.

— Я не так себя чувствую, — перебила его Ирина. — Я очень счастлива. Но мне нужно найти выход из этого положения. Жаль, если молодежи придется досрочно закончить свое собрание. Пропадут многодневные усилия собрать их вместе. Пока мы здесь с тобой сидим, мои друзья в лесу разбились на группы и молятся о положительном результате нашего разговора.

— Ты же не сказала им, что собираешься увидеться со мной? — встревоженно спросил Соколов.

— Конечно, нет! Я просто сказала им, что надо кое с кем повидаться, посоветоваться, что нам делать. Мои друзья никогда не задают мне лишних вопросов.

Отец опять успокоился и сказал:

— А теперь поешь-ка ухи, а я пока посмотрю на карту местности.

Ирина и впрямь была голодна, поэтому набросилась на суп. Тем временем ее отец исчез в шалаше, который он построил из сосновых лап.

Немного позже, улыбаясь до ушей, он выбрался из шалаша и предложил:

— А что если я предложу твоим друзьям сменить место сегодня же?

— Как же мы это сделаем?

— Это вполне возможно, — объяснил Соколов. — Как только стемнеет, твои друзья должны разбиться на маленькие группы по два-три человека и, сохраняя дистанцию между группами, перейти в другой лес. В тот, где милиция уже вас искала. Ты понимаешь? Вам нужно переместиться на то самое место, куда информатор уже послал милицию. Никто не обратит внимания на молодых людей, если они будут идти парами или небольшими группами. Сейчас выходные дни и кто знает, сколько людей направляется в лес? Партизаны могли прятаться в этом лесу во время войны, сможете и вы.

— Но между лесами расстояние — добрых 35 километров! — воскликнула Ирина.

— Верно, — согласился Соколов. — Но ведь ночь длинная и вы сможете пройти этот путь. Там можно немножко и автобусом подъехать. Конечно, как бы там ни было, но каждому придется около двадцати километров пройти пешком. Но это необходимо, потому что завтра утром, я гарантирую, милиция будет здесь!

Отец Ирины замолчал, давая понять, что ему нечего больше сказать.

Ирина поцеловала отца и побежала.

— Я здесь останусь до утра и увижу, что будет, — крикнул отец ей вслед.

Ирина примчалась к месту собрания и сразу же начала обсуждать предложение с проповедниками и близкими друзьями. Все согласились с идеей перемены места сбора. Остальной молодежи рассказали о плане. Они еще раз склонили головы в молитве и потом начали отбывать малыми группами. Многие привезли свои велосипеды и теперь забрали с собой сколько смогли молодежи, приехавшей на поезде. Вскоре все были на пути к новому месту.

На следующее утро милиция прочесала весь лес, но опять безуспешно. Майор Лупа иронично спросил своего начальника: “А теперь кого мы будем наказывать за ложный вызов?” Тот ничего не ответил. Конечно, мятая трава не оставляла никакого сомнения, что молодежь действительно была здесь. Попытались установить, разошлись ли верующие по домам или только изменили место собрания. Полковник отдал по радио приказ всем возвращаться в город, а сам

послал вертолет ГАИ обследовать окрестности. Через несколько часов новое место собрания молодежи было обнаружено.

Еще раз подняли на ноги взбешенных милиционеров. Когда они достигли указанного района, молодежь уже отправлялась домой. Милиция в слепой ярости набросилась на молодых людей, заламывая им руки за спины и бросая в "воронки", ожидающие у леса. Двум молодым ребятам поломали руки. Пришлось увезти их в больницу. Многих жестоко избили прямо там, где их обнаружили или по пути домой.

Молодые люди отсидели по пятнадцать суток заключения и возвратились домой счастливые и благословенные. Милиции не удалось задержать священнослужителя, который проводил это собрание.

14. ПОКУШЕНИЕ

Небо было затянуто тучами целый день и дождь лил не переставая. Солнце в конце дня выглянуло только для того, чтобы опять исчезнуть за тучами. Уже стемнело. Прохожие поднимали воротники и сильнее натягивали пиджаки и кофты на плечи из-за пронизывающего холода и сырого ветра, подувшего с севера.

Молодая женщина, глубоко задумавшись, брела по городскому парку. Казалось, ее не тревожили холод и наступающая темнота. Ветер рвал ее летнее платье, открывая колени так, что ей постоянно приходилось одергивать и поправлять подол.

Наталкиваясь на случайных, немногочисленных прохожих, она быстро извинялась и опять погружалась в глубокое раздумье. Вероятно, она была озабочена чем-то очень важным и тревожным. Вскоре ее точеное лицо приобрело почти меланхолическое выражение.

В конце концов женщина поняла, что люди с любопытством смотрят на нее и решила сесть на скамейку, посмотрела на часы и к своему ужасу обнаружила, что уже шесть часов. Она ходила здесь уже четыре часа. Она огляделась и увидела небольшое кафе на улице напротив парка. Над входом светилась надпись "Сирень".

Молодая женщина вошла, заняла место за столиком у окна и заказала обед. Официантка осмотрела ее с ног до головы:

— Вы не замерзли в таком легком платьице?

Молодая женщина посмотрела на нее рассеянно и пожала плечами. Она пообедала, положила деньги у тарелки и направилась к выходу.

— Подождите! Гражданка! — закричала официантка. — Вы же не заплатили!

Молодая женщина молча кивнула на деньги и вышла.

Она прошла уже несколько кварталов, как вдруг чувство нависшей опасности охватило ее. Она побежала к входной двери большого здания. Сзади она услышала визг тормозов, звук бьющегося стекла и страшный крик пострадавшего человека. Она обернулась и посмотрела на улицу. Водитель висел на двери машины, весь в крови. Казалось, его что-то удерживало в разбитом автомобиле. Мужчина на заднем сидении, очевидно, тоже пострадал и кричал изо всех сил.

Молодая женщина поспешила к водителю и попыталась вытащить его из расплюсченной машины. Он истекал кровью. Правая рука была оторвана и лежала в стороне на тротуаре. Молодая женщина потянула его на себя изо всех сил, но он так сильно застрял внутри, что она не могла сдвинуть его с места.

— Почему вы ничего не делаете?

Любопытная толпа начала собираться вокруг ужасного зрелища, но казалось, никто не мог ничего предпринять. Женщина в отчаянии закричала:

— Да не стойте же! Помогите мне!

Двое мужчин и женщина вышли из толпы. Женщина была медсестрой. Мужчины пытались открыть заднюю дверь. С помощью камней, которые они нашли на обочине, они разбили окна машины и старались вытянуть второго пострадавшего через окно, но напрасно. Он тоже застрял в автомобиле.

— Где же милиция и “Скорая помощь”? — спросила молодая женщина. Она отошла в сторону и еще раз осмотрела место трагедии. Машина врезалась в столб, сбила его и потом ударилась о здание, в которое она вбежала, чтобы найти убежище. Она вздрогнула при мысли о том, что была на краю гибели.

— Может вы зайдете в здание и помоесть? — по-дружески предложил женский голос. Это была одна из уборщиц, мывших пол в этом учреждении. Только теперь молодая женщина заметила надпись на входной двери: Министерство строительства. Она пошла за пожилой женщиной в здание, пока люди пытались вынуть пострадавших мужчин из обломков.

Уборщица, явно дружески расположенная, принесла полотенце.

— Я как раз посмотрела в окно и увидела, как ты бежишь, — сказала женщина. — С этого расстояния мне показалось, что это моя внучка Сима. Я ее ожидала с минуты на минуту. Поэтому я открыла для нее входную дверь, потом вернулась к уборке. Вдруг появилась эта машина, несущаяся по улице. Мужчина, который сидел в машине, пальцем через окно указал на тебя. Ты уже была очень близко от входной двери и я уже узнала, что ты не моя внучка. Все так странно. Думай, что хочешь, но мне показалось, что мужчина хотел сбить тебя машиной!

Молодая женщина слабо улыбнулась:

— О нет, зачем кому-то убивать меня?

— Ирина Соколова! — выкрикивал кто-то на улице.

— Ирина Соколова! Немедленно пройдите сюда!

Молодая женщина встrepенулась.

— Среди вас должна быть гражданка Соколова, — сказал милиционер в толпу. — Ирина Соколова, я настаиваю, чтобы вы немедленно вышли ко мне.

В толпе все вопросительно смотрели друг на друга. Никто не выходил. С невыразимым страданием молодая женщина схватила за руки уборщицу.

— Бабушка! — прошептала она умоляюще. — Я верю в Бога и буду молиться о вас до конца своих дней, но, пожалуйста, спасите меня сейчас! Пожалуйста, откройте для меня запасной ход, чтобы я могла выйти отсюда незамеченной.

Без слов пожилая женщина взяла ее за руку и повела через неосвященный коридор к запасному выходу. Перед расставанием уборщица поцеловала в щеку молодую женщину и прошептала:

— Поспеши, дитя, но будь осторожна! Бульвар Гоголя начинается сразу за зданием, ты быстро пройди его и сверни в узкую улочку Свердлова. Там темно и никто не обратит внимания на твое запачканное платье. Вот тебе ключ от садовых ворот. После того, как пройдешь, перебрось ключ через ворота на траву. Моя внучка завтра поищет его там.

Она еще раз посмотрела на женщину и задумчиво добавила:

— Мой муж был священником. Он умер в тюрьме.

Молодая женщина быстро обняла ее и исчезла в ночи.

Тем временем кто-то из толпы сказал милиционеру, что женщина, которую они ищут, возможно, вошла в здание вместе с уборщицей. Два милиционера зашагали к входным дверям. В этот

момент уборщица разговаривала со своей внучкой, которая уже пришла к ней.

— Люди видели, как молодая женщина зашла с вами в здание, — заорал один из милиционеров. — Где она?

Уборщица удивленно взглянула на парня и ответила:

— Где она? Да вот же она стоит перед вами! Это моя внучка, мое золотое сокровище! Она учится в медучилище, — добавила она с гордостью.

— А что ты здесь делаешь? — выпалил второй милиционер, обратившись к девушке.

— Помогаю бабушке, — быстро ответила внучка, — я пришла сегодня немного позже, чем обычно, из-за комсомольского собрания. Пришла сразу же после этой ужасной аварии. Даже хотела помочь, — сказала она, объясняя пятна крови на своем платье.

Милиционер вынул фотографию из нагрудного кармана и сверил ее с девушкой. Потом оба милиционера ушли.

Вскоре зеваки ушли с места трагедии. Пострадавшие без сознания были доставлены в больницу. Приехала машина автоинспекции и погрузила остатки автомобиля на грузовик. Все вернулось к своей нормальной жизни. И только большая дыра на фасаде здания, которую очень долго не ремонтировали, свидетельствовала об аварии, случившейся здесь. Каждый раз, проходя мимо, уборщица быстро осеняла себя крестным знаменем и шептала:

— Слава Богу, она жива!

Молодая женщина больше никогда не видела уборщицы. Вскоре после этого в местной газете на самой последней странице появилась короткая заметка о том, что на улице Ломоносова произошла авария, в результате которой водитель и его пассажир погибли.

Ирина же благополучно добралась домой, несмотря на то, что вся городская милиция искала ее. Она не могла понять, почему именно этот день они выбрали для ее поисков. Через два дня ей нужно было быть в Москве, так как она с друзьями получила разрешение на встречу по делам церкви с представителями Центрального Комитета партии.

Несколько недель тому назад Ирине удалось уговорить старого проповедника из Сибири участвовать в этом диалоге. И сегодня она ждала его приезда. Но он не приехал. Она с отцом жила за городом и до их квартиры было нелегко добраться общественным транспортом.

Только утром и вечером автобус делал свой рейс. Поэтому Ирине приходилось оставаться в городе.

Ирина была обеспокоена. Рябушину было уже под восемьдесят и он часто жаловался на сердечную боль. Сможет ли он вообще пережить эту длительную поездку? Она упрекала себя за то, что втянула старого человека в такое дело.

Когда она, наконец, добралась домой, то постаралась не поднимать шума, чтобы отец не заметил ее появления и странного состояния. Заглянув в дом, она увидела, что отец сидел в своем кабинете за столом. Ей удалось проникнуть в дом незамеченной. Она сняла туфли, достала некоторые вещи у себя в комнате и прошмыгнула в ванную комнату.

Когда отец услышал шум текущей воды в ванне, он позвал ее из кабинета:

— Ирина! Я получил телеграмму для тебя.

Ирина отвернулась от струи:

— От кого? — спросила она.

— От Рябушина. Он сообщает, что сделал неожиданную остановку и завтра прилетит самолетом.

— Спасибо, папа! — сказала Ирина, вдруг залившись слезами. Отец услышал ее рыдания и в волнении подошел к двери ванной комнаты.

— Что с тобой, доченька?

Она долго не могла ответить.

— Позже, папа! — наконец с трудом выдавила она из себя. — Я все расскажу позже!

Ирина еще посидела в ванной, тихо плача. Слишком большим было напряжение и теперь, когда девушка узнала, что напрасно беспокоилась, то внутренне ослабела. Она несколько успокоилась, после чего начала тихо молиться. Она поблагодарила Бога за Рябушину и за то, что с ним все в порядке. Потом она вспомнила всех людей, с которыми столкнулась за сегодняшний день. У Ирины уже стало привычкой думать о каждом человеке, которого она встречала в течение дня, и молиться о них. Теперь она молилась о двух мужчинах, попавших в аварию и о доброй уборщице, ее внучке, о милиционерах.

Потом Ирина попыталась вспомнить, как добралась домой. Она выбежала на аллею Гоголя, оглянулась по сторонам и потом перешла на улицу Свердлова, которая оказалась очень узкой, неосвещенной

улочкой. Но в каком же направлении ей идти и как выбраться из города незамеченной? Было ясно, что ей обязательно кто-нибудь встретится, увидит окровавленное платье и сообщит о ней в милицию.

Вначале она спряталась за овощным ларьком. После того, как ее глаза привыкли к темноте, она увидела телефон на стене овощного ларька, дрожащей рукой сняла трубку и набрала номер. Ее коллега, инженер Бойко, многие годы был членом комитета “За права человека”. Ирина знала, что он недавно унаследовал автомобиль своего отца.

— Миша, — взволнованно сказала она в трубку. — Это Ирина. Я сейчас на улице Свердлова и очень нуждаюсь в твоей помощи!

— Да ты что! — Бойко почти кричал на другом конце провода. — Я целый день ищу тебя! Я подъеду к овощному ларьку. Там после десяти появится ночной сторож, но ты не беспокойся. Это мой дедушка. Я все объясню позже! Держись!

Бойко положил трубку. Вскоре Ирина услышала шаги. Она проскользнула в сторонку и простерлась на полу возле стула. Двое мужчин медленно прошли мимо ее укрытия.

— Не могу понять, — сказал один из них. — Почему мы должны ловить ее на улице! Полнейшая чепуха! Если она совершила преступление, то ее можно арестовать и дома. Ты что-нибудь понимаешь?

— Нет, — ответил второй, — но что же нам делать? Так приказал полковник.

Голоса стали затихать и наконец совсем стихли.

Немного позже Ирина услышала шум работающего мотора. Это была машина Миши. Он подошел к сторожке и открыл дверь. Ирина поспешила к нему из своего укрытия и прыгнула на заднее сидение.

Управляя машиной, Миша рассказывал:

— Из надежного источника я получил информацию (это мой друг, имя которого я бы не хотел называть), что есть указание сорвать встречу верующих в Москве. Они испугались, что незаконные методы преследования христиан будут разоблачены во время этой встречи, а это повлечет за собой неприятности для местного руководства.

Друг Миши работал в идеологическом отделе райкома партии и сказал, что если им не удалось убить Ирину незаметно, то ее арес-

туют где-нибудь на улице. Целый день Миша искал Ирину, чтобы предупредить ее об этом.

Ирина не могла осознать услышанное. Должно быть городские власти коллективно сошли с ума. Даже в самых потаенных мыслях она не собиралась жаловаться на городское начальство! Каждый ребенок знает, что в 1929 году был издан закон, который легализовал преследование христиан. Верующие сами знали, что все нарушения законов, совершенные против них, были одобрены правительством. По этой причине Совет Церквей неоднократно просил правительство заменить этот бесчеловечный закон более демократичным, который давал бы верующим такие же права, как и воинствующим атеистам.

И теперь, сидя в ванной и вспоминая все события минувшего дня, Ирина почувствовала такую успокаивающую теплоту, а ее внутреннее напряжение было так велико, что она, сама того не ожидая, задремала. Отец ожидал ее в кресле, полный мрачных предчувствий.

15. РЯБУШИН

Тем временем Рябушин прервал свою поездку в Перьми. Там жила его сестра с детьми и он хотел их проведать. Потом он попросил своего племянника, водителя такси, отвезти его в Симянский район.

По дороге Рябушин предался воспоминаниям о прошедших днях. Все чаще и чаще в последнее время он думал вслух, что могло быть для него очень опасно. В молодости он полностью и безоговорочно бросился в революцию. Царский суд отправил его в ссылку и так получилось, что он встретил октябрьскую революцию 1917 года в Сибири. После триумфального возвращения в Петроград ему дали задание по уничтожению “религиозных отбросов” общества. В гражданскую войну он партизанил в Сибири.

Рябушину всегда везло. Будучи социал-демократом, а впоследствии коммунистом, он был так фанатично предан своей партии, что его пощадили даже в самые худшие дни, в 1937 и 1939 годах, когда все виды репрессий и массовые уничтожения правых и невиновных коммунистов и беспартийных были в порядке вещей.

Казалось, несчастье всегда обходило Рябушина стороной. В 1941 году он писал жене, что его “деятельность” приносила ему необыкновенный трепет наслаждения. Естественно, он никому не рассказывал о том, что ему выпало участвовать в расстреле пленных офицеров.

Эта тайная операция могла быть доверена только самым надежным людям. Рябушин выполнил свои обязанности очень добросовестно. Пленные поляки, думал он, были врагами социализма, а поэтому и его личными врагами. Один из офицеров умолял пощадить его, но был застрелен.

Рябушин не знал, что такое черная совесть. “Нужно ли стыдиться сапожнику, если все удовлетворены работой, которую он делает?” — часто говорил он дома. — Работа есть работа.

С Рябушиным было приятно работать. Он не просил ни о каких льготах для своей семьи. Даже дом он построил своими руками. Всю мебель он, прекрасный столяр-краснодеревщик, сделал сам.

Рябушин никогда не жаловался на здоровье. Он пережил Ежова, Сталина и Хрущева и любил говорить: “Я еще и Брежнева переживу”. Но если устраняли из правящей команды кого-либо из руководителей или кто-то умирал, Рябушин искренне его оплакивал.

Жена его огорчалась и часто ругала мужа:

— Опять ты рыдаешь, старик? Неужели Берия не заслужил расстрела?

— Возможно и заслужил, — отвечал Рябушин, — но он ведь старался для нашего народа. Хорош он или плох, но боролся за общее дело!

Такая жизненная позиция многих раздражала и люди были злы на него. Но в районном комитете партии довольно улыбались. Этот человек был просто незаменим! Кто-то “наверху” держал над ним охраняющую руку, заботился, чтобы с ним ничего не случилось. Социализм был его манией, навязчивой идеей. Когда разразилась вторая мировая война, удивлению Рябушина не было предела.

— Эти немцы что, ненормальные? Напасть на первое в мире государство рабочих и крестьян, на страну всенародного счастья!

Рябушин сразу же изъявил желание добровольцем идти на фронт. И как он воевал! Когда их пехотная рота была окружена и разбита, он не сдался, он исчез в брянских лесах и стал партизаном. Он был девять раз ранен, но утверждал, что это только царапины.

Его девятая рана, и впрямь пустяковая, стала в его жизни переломным пунктом. Она была нанесена ему ребенком карманным ножиком прямо в ягодицу. Это случилось в Гомеле. Там жил учитель-инвалид Макаров. По состоянию здоровья он не был призван на войну. Когда немцы оккупировали Гомель, Макаров остался в школе и по-прежнему учил ребятшек.

Рябушин узнал об этом и с двумя партизанами нагрянул домой к Макарову. Именем народа, как сказал Рябушин, они приговорили учителя к смерти и застрелили его в присутствии его жены и сына. Именно в этот момент маленький сын Макарова Миша и бросился с ножиком на Рябушина, крича: “Папа! Папочка, пожалуйста, не умирай!”

Рябушин был изумлен поступком ребенка, ударил его, но остался в живых.

Вскоре он попал в плен и побывал в немецком лагере. Раздумывая над своей горькой судьбой, он присматривался к немецкому порядку и в глубине души считал, что неплохо бы и в нашей стране посадить за проволоку всех врагов социализма. После освобождения Рябушин прошел проверку в специальном лагере НКВД и за проволокой не оотался, был не только оправдан, но и оставлен в этой системе. Вначале он работал в Перми. В то время лагерь был заполнен политическими заключенными, которым была запрещена переписка с внешним миром.

В Тайшете он был уже начальником лагеря, там и познакомился с заключенными из верующих. Он болтал с ними как с равными. Никто не подозревал, что он был убийцей. Заключенные не боялись его и называли “добрым хозяином”. Заключенный Сергей Грачев однажды предсказал, что Рябушин встретит другого “Доброго хозяина” и станет Его последователем. Рябушин только улыбнулся этому предсказанию. Но, вернувшись в свой кабинет, он вызвал офицера оперативного отдела и устроил ему сильнейший разнос за плохое состояние лагеря и неспособность предотвратить “собрания врагов народа”. Тех заключенных, которых Рябушин не любил или считал опасными, он устранял своими собственными методами.

Теперь Рябушин сидел в машине своего племянника и вспоминал — о, эти воспоминания! — все, что он сделал во имя социализма. Он глубоко вздохнул, осознав, что стоит на пороге иного мира, на пороге вечности. Он вновь приехал в лагерь, который когда-то был раздавлен танками.

Заключенные начали бунт. Рябушин к тому времени уже вел дневник, в котором записал: “Это самый счастливый день в моей жизни! Мне только что сказали, что у моего сына родилась тройня. Сегодня заключенные подняли бунт!”

Уже не было Сталина. Предвестие свободы реяло над Сибирью. Но еще был Берия. Именно он приказал вывести танки.

И танки пошли. Вообще-то в расположении лагеря не было танков, они должны были прибыть из Уральска. Танкисты из Перьми отказались стрелять в своих соотечественников, поэтому пришлось сначала избавиться от нескольких танкистов. Уральские же танкисты были готовы к работе. Заключение поднимали руки в знак того, что они сдаются, но бронированные машины не понимали их и просто сметали человеческую толпу с лица земли. Верующие становились на колени для молитвы. Танки просто раздавили их и только группе мусульман повезло. В составе экипажей были парни из Средней Азии и когда они увидели молящихся, то повыскакивали из своих танков и стали рядом со своими единоверцами. Они не могли стрелять в своих. Когда все закончилось, мусульмане были живы. Их распределили по разным лагерям с указанием избавиться от свидетелей в ближайшее время.

Когда Рябушин писал об этом, он плакал. На месте бывшего лагеря теперь было поле. Он прошелся по пшеничному полю, угнетенный воспоминаниями о своем ужасном прошлом. Племянник не мог понять странного поведения своего дяди, но все же терпеливо ожидал его в машине.

Наконец Рябушин устал, сел на опушке леса, вынул из портфеля записную книжку и начал писать: "Последний раз я сижу на том месте, где когда-то был лагерь. Мои дни сочтены, и я больше не могу опять вернуться сюда. Я виноват в убийстве невинных людей, я даже не мог найти имена родственником этих людей, чтобы рассказать о том страшном дне. Мы были в поисках утопии, и в процессе поисков мы уничтожали множество невинных людей. Кто почтит их память в будущем?"

Рябушин вдруг вздрогнул. Молоденький зайчик сидел вблизи, рассматривая его испуганными глазами. Сначала старик был рад увидеть это милое животное. Но перепуганный, печальный взгляд зверька смутил его. Как похож он был на те глаза, что и в те дни, когда сотни, тысячи глаз смотрели на него с таким же испугом. Рябушин вздохнул и закрыл глаза. Волна внутренней тревоги всколыхнула его. О, эти безжалостные воспоминания! Потом острая боль в груди как лезвие ранила его и он громко вздохнул. Зайчик вскочил, испуганный, быстро умчался к пшеничному полю и исчез там.

Рябушин медленно собрался и пошел мелкими шагами к автомобилю племянника. Никто и не подозревал, что здесь когда-то

был лагерь, здесь страдали и умирали люди. Как хотелось, чтобы все происшедшее здесь в те дни, было не больше, чем кошмарным сном!

“Что нужно сделать нам, верующим, чтобы никогда больше не допустить этого в будущем?” — думал Рябушин. — “Действительно ли мы молимся о спокойных, тихих временах? Нет! Вместо этого мы помогаем другим убивать людей, поддерживаем так называемые освободительные движения и, таким образом, убийц миллионов людей по всему миру. Палачи коммунистической диктатуры умерщвляют тысячи невинных христиан разных национальностей, а мы оказываем моральную и материальную поддержку этим преступникам.

О, церковь! Я стыжусь тебя, равно как и своего прошлого. Я боюсь твоего будущего, так же как своего прошлого! Ты жалкая марионетка в руках марксистов, и ты позволяешь им эксплуатировать себя в нашей стране и в других странах. И ты оправдываешь это убийство и пролитие крови, аргументируя тем, что церковь обязана никогда никого не ставить в худшее положение.

Последнему аргументу я также говорю “да”. Наша обязанность осуждать несправедливость точно так как это делал Иисус Христос. Но где была ты, церковь, когда я убивал невинных? Почему ты хранила молчание тогда и почему ты молчишь теперь? Почему ты признаешь виновными тех советских людей, которые требуют свободы своим мыслям и борются за право исповедовать Бога свободно, клеймишь их на международных конгрессах в зарубежных странах?

Ты стала рабыней, моя церковь! Рабой сильных мира этого. О, как я стыжусь тебя! Ты стала бесстыдной лгуньей, подстрекательницей убийц. Нет оправдания твоим поступкам, точно так же как нет оправдания убийствам, совершенным мною. Грядущие поколения запишут наши имена как пример бесчестия! Да, и тебя тоже! Ты забрызгана кровью и не примешь очищения от нее! В нашей стране ты так глубоко погрязла в рабстве, что тебе не выбраться оттуда самой. Если бы я не был уверен в существовании Бога, я бы сжег тебя у столба”.

Рябушин встал. Уже начинало смеркаться. Вдруг он испугался всего того, о чем думал. Как ребенок, обезумевший от страха за свои поступки, он начал неудержимо рыдать. Если бы он был хоть немного моложе! Хотя бы сорока лет! Он бы совсем по-другому

устроил свою жизнь. “О, Господи, сжался над нами, грешными!” — шептал он.

Племянник вышел из машины и направился к Рябушину. Тот рукавом вытер глаза. Потом повернулся к молодому человеку и сказал: “Послушай. Я хочу тебе что-то рассказать. Попробуй, если сможешь, все внимательно выслушать и запомнить. Пойдем в машину. Мне холодно”.

Они вернулись домой уже за полночь. Через два дня племянник принес заявление об выходе из партии.

* * *

Ирина писала из Москвы:

“Папочка, я побыстрее хочу написать тебе, чтобы ты не беспокоился. Я уже три дня с друзьями в Москве. После обеда нас приняли в Центральном Комитете и наша встреча длилась три часа. Я хочу, чтобы ты знал об основных вопросах, которые мы поставили. Первый: почему верующим разрешено только отправление культовых обрядов и их голос не слышен вне здания церкви и молитвенного дома? Нам объяснили, что вторжение церкви в духовную жизнь граждан нашей страны недопустимо. Деятельность церкви ограничена зданием, чтобы защитить советских людей от ”опиума религии”.

На это Рябушин возразил:

— В прошлом я боролся за социализм рука об руку с верующими. Тогда они серьезно считали, что революция была волей Божьей. Без религиозно настроенного простонародья революция потерпела бы поражение. Верующие боролись за всеобщее счастье, но они, несомненно, и не думали, что у них отнимут право исповедовать заветы Бога вне церковных строений. Христиане мечтали об обществе, свободном от эксплуатации, об обществе, где можно было бы исповедовать свою веру в Бога. Поверьте мне, старому бойцу за революцию, ни один из этих верующих не остался бы на стороне революции, если бы подозревал, что все так обернется. Мы полностью обманули народ, не так ли?

Рябушин пользовался словом “мы”, потому что считал себя одним из тех, кто убеждал верующих воевать на стороне революции. Он сам, конечно, давно знал, что все это обман. Его вклад в полемику был превосходным.

Симин затронул второй вопрос:

— Наша конституция разрешает антирелигиозную пропаганду. Но христианам разрешается, как было уже сказано, только отправление культовых обрядов. Антирелигиозная пропаганда осуществляется государством. Программы обучения средних и высших учебных заведений усеяны антирелигиозной пропагандой. Каждый верующий студент вынужден действовать против своей совести и отвергать существование Бога, если он хочет получить диплом. Можно ли назвать это свободой совести? Приносим ли мы, верующие, какой-нибудь вред развитому социализму, если открыто говорим о наших убеждениях? Я лично был исключен из университета за мою веру.

Наш собеседник сказал:

— Мы вновь возвращаемся к этому вопросу. Не могу понять, почему вы так зациклены на религии. Вы живете сейчас и здесь, а не на небе.

— Товарищ, — вставила я, — дело в том, что мы христиане. И мы в самом деле хотим мирно сосуществовать с государством. Вы прекрасно знаете, что церковь не приносит обществу никакого вреда. Учение Христа включает в себя возвышенные правила морального поведения в семье и в обществе. Новый Завет призывает каждого человека стать на сторону справедливости и добра для всех людей. Вы, коммунисты, также боретесь против алкоголизма, наркомании, грабительства, убийств и других преступлений и это точно согласовывается с требованиями Нового Завета. На каком же основании вы запрещаете нам существовать? Вы часто приводите в пример сомнительные поступки служителей церкви, которые в прошлом поддерживали всякую несправедливость. Но это были именно те люди, которые нарушали заповеди Христа.

— Все идет гладко у руководителей культов, которых мы официально признали, — сказал Андропов. — Их деятельность санкционирована законом. Они даже работают в разных международных организациях.

На это Рябушин заявил со слабой улыбкой на лице:

— Дорогой мой человек, вы конечно же можете вспомнить ваши слова, сказанные, когда вы работали в Центральном Комитете, а не в КГБ: “Нам нужно извлечь пользу из людей, активных в религиозной работе, чтобы улучшить наши взаимоотношения с западным обществом. Мы убедили православную церковь и баптистов вступить во Всемирный Союз церквей, чтобы они могли действовать

от имени нашей политической системы". И теперь, став во главе КГБ, вы несомненно осознаете ту выдающуюся услугу, которую оказывает вам наши представители во Всемирном Совете. Если вы собираетесь использовать церковь в своих политических целях, то вы, конечно же, смогли бы обеспечить ее соответственными свободами, как, например, положение внутри страны, которую она представляет. Почему нам не разрешают печатать Библию и другие книги, если мы считаем это необходимым? Почему тем студентам, которые верят в Христа, не позволено отказаться от экзамена по научному атеизму? Почему нам запрещены опровержения, когда нас ложно обвиняют в газетах? И что же получается из всего этого? Вы не слепы, и вы прекрасно знаете, что такие жесткие меры заставили верующих освоить самиздат, тайно ввозить Библию из зарубежных стран. Но это только капля в море! Есть миллионы христиан в России, у которых нет своей Библии. В то же время они завалены атеистической макулатурой! И это называется справедливостью? И это свобода совести?

Рябушин остановился. Мы не намеревались заходить так далеко в этой дискуссии. Нам уже стало ясно, что наши собеседники готовы изменить свою точку зрения на религию, как на форму наркомании. Но никто не мог привести нам пример, как учение Христа может повредить советскому обществу. В конце нашего разговора Андропов спросил, как бы невзначай:

— А председатель Всесоюзного совета знает об этой встрече?

— Нет, — ответила я. — Мы не хотели делиться нашими планами, чтобы у людей не возникли трудности. Вы превратили этих несчастных людей в таких послушных рабов, что если бы еще сверх всего их обвинили бы и в этой встрече, то они были бы в полнейшем замешательстве.

Андропов поморщился:

— Мы никого не превращали в зависимых. Люди, о которых вы говорите, уважаемые граждане нашей страны и они тянут в ту же сторону, что и мы. Они не такие раскольники, как эти ваши из Совета церквей. А Совет церквей знает о нашем разговоре? — он посмотрел на меня с нескрываемым любопытством.

— Нет, и Совет не знает, — ответила я. С этим мы расстались до следующего дня. Что ждет нас завтра, не знаю. Как жаль, папочка, что ты не смог поехать с нами! А теперь до свидания. Я побыстрее хочу бросить это письмо в почтовый ящик. Твоя Ирина".

Рябушин сидел за столом в номере гостиницы и писал. Василий, живший с ним в одной комнате, читал в газете интервью зарубежного корреспондента с архиепископом Никодимом. Вновь и вновь Василий раздражался яростным смехом.

— О Боже! Как можно так явно врать? — сказал он.

— Ты мешаешь мне писать, — заметил Рябушин.

— Прочтите сами, как врет этот человек о свободе совести в СССР! — Василий передал газету Рябушину. Но Рябушин ее не принял.

— Я бы на его месте тоже врал, — спокойно объяснил Рябушин.

— Ты представляешь, что бы произошло, если бы он рассказал всю правду о нашей церкви в другой стране? Ему устроили бы автомобильную катастрофу, как Ирине. Человек врет от безысходности, он ничего другого не может сделать.

— Но это грех! — гневно сказал Василий.

— Ах, оставь меня, — сказал старик. — Все мы большие герои, пока никто нас не трогает. “Вынь прежде бревно из твоего глаза”... Вместо осуждения предлагаю тебе найти путь, как помочь архиепископу постоять за Храм Господний. Напиши ему так, чтобы КГБ не смог использовать это письмо против него, так как все письма к Никодиму сначала читают люди Андропова.

Василий не стал откладывать дело в долгий ящик и тут же начал писать письмо Никодиму. Пока он занимался этим, Рябушин записывал события дня и мысли в свой дневник.

“Для меня с самого начала было совершенно ясно, что идея сосуществования церкви и советского государства просто нереальна. Но тяжело убедить в этом молодежь. Сегодня в беседах работники Центрального комитета четко дали нам понять, что мы никогда не достигнем того, чего хотели. Опять и опять они возвращались к примерам церковной иерархии, поддерживающей притеснения и вмешательство государства в дела церкви.

Мы пытались доказать им, что такие случаи противоречат учению Иисуса о взаимоотношениях между церковью и государством. “Мы здесь не собираемся доказывать, что в СССР нарушаются права человека. Вы хорошо знаете, что в истории нашей страны есть немало черных пятен. Возможно, их даже больше чем положительных, приятных воспоминаний каждого из нас. Не менее миллиона верую-

сих отправили в тюрьмы и концлагеря с начала советской власти. Для вас это не новость, многие ваши сотрудники вместе со Сталиным и Хрущевым проводили эти чистки. Мы здесь не для того, чтобы увидеть, что наконец подведена черта под этим темным прошлым, что это уже позади. Мы хотим достичь положения, при котором русские люди получили бы право говорить о богословии, печатать столько Библий, сколько они хотят, иметь возможность распространять Евангелие без страха быть отправленным в тюрьму за это. Мы хотим, чтобы нашим священникам и проповедникам больше не нужно было стыдиться своих церквей, когда они посещают зарубежные страны и чтобы КГБ не заставлял их врать о себе. Мы просим вас использовать только слово в борьбе против нас и дать нам возможность защищаться, если не в официальной прессе, то хотя бы в нашей. Легализуйте издательство Совета церквей. Дайте возможность Совету церквей и Всесоюзному совету примириться друг с другом, чтобы они могли совместно трудиться во имя Господа. Вы умышленно препятствуете такому примирению, настраивая их друг против друга! Вы используете любые средства, чтобы положить конец нелегальной церкви, захватить полную власть над официально признанной православной и протестантской церквами”.

Естественно, только Ирина Соколова могла произнести такую пламенную речь. Мне жаль ее. Я боюсь за нее. Ничего не получится из ее запросов. Но я здесь для того, чтобы защитить ее любым путем”.

Вдруг Рябушину стало плохо. Он положил ручку и отодвинул записную книжку, с трудом встал и нетвердой походкой пошел к кровати. Дыхание стало перерывистым, он держался за сердце.

Василий вскочил, испугавшись:

— Что случилось? Вам плохо?

Рябушин побледнел и был не в состоянии говорить. Он кивком головы показал на тумбочку, где стояла маленькая бутылочка с сердечными каплями. Василий поспешно накапал несколько капель лекарства в ложку и дал больному вместе со стаканом воды. Рябушин выпил лекарство и осторожно выпрямился на кровати.

Через несколько минут он прошептал:

— Пожалуйста, возьми мою записную книжку и пиши. Я буду тебе диктовать. Похоже, мой конец близок... Почему ты не пишешь? — удивленно спросил он, увидев, что Василий уставился на него с открытым ртом.

— Зачем так говорите? Вы не скоро умрете, — Василий едва сдерживал слезы. Рябушин решительно посмотрел на него.

— Пиши, — приказал он. — У нас мало времени. Я продолжаю: “Руководство нашей церкви находится в серьезном кризисе. Карев очень правильно сказал однажды: “Мы скованы по рукам и ногам коммунистическими нержавеющими цепями”. Мы не избавимся от этих оков с помощью встреч и бесед. Наше правительство хорошо осознает, что, наделив нас правом проповедовать учение Христа без ограничений, они потеряют около шестидесяти процентов населения, которое примет Бога. Никто из нас не хочет капитализма, но коммунисты все равно видят в нас мощного противника. Они и не думают обсуждать возможность мирного сосуществования с нами. Они использовали любые средства, которые были в их распоряжении для борьбы с церковью, манипулируя нами для достижения своей цели. Я боюсь за тебя, моя дорогая церковь. Прощай, до встречи перед лицом Господа”.

Голос Рябушина стал едва слышен. Сказав последние слова, он впал в глубокое забытие и больше не проснулся, тихо отошел в вечность..

Василий позвонил Ирине и другим, сказал им о внезапной смерти Рябушина. Очень быстро все собрались в гостиннице. Ирина села у постели умершего, с тихим плачем поглаживая уже холодную руку покойного. Клим и Полевой украдкой вытирали слезы и смотрели на человека, который был для них больше, чем просто учителем.

Приехали также Валентин Велин, Кребс и Судакович. Они хмуро сидели на кровати Василия и тихо обсуждали дальнейшие действия.

Василий положил записную книжку покойного в ящик тумбочки и обнаружил там сложенный лист бумаги. Он развернул его и прочитал: “В случае моей смерти, пожалуйста, сообщите моему сыну телеграммой и позвоните по телефону следующим людям...” В списке телефонов был номер полковника ВВС Рябушина.

Василий тихо вышел из комнаты к телефону на столе дежурной. Он набрал номер.

— Нина Рябушина, — четко, по-военному ответил женский голос. Василий представился и сообщил о случившемся.

— Дедушка умер, — повторила Нина Рябушина уныло. — Мы сейчас же приедем.

Вскоре приехавший полковник довольно резко спросил у служащей гостиницы:

— В какой комнате он находится?

Две женщины, старшая, очевидно, жена полковника и вторая помоложе, точная копия старшей, шли за полковником. Войдя в комнату, полковник подошел к кровати умершего и стал возле нее на колени. Он взял руку покойного и поцеловал ее.

— Прости меня, папа, — тихо сказал он, — за то, что я считал твое христианское увлечение лишь очередной сумасбродной идеей во имя социализма. Я ошибался.

Василий и Ирина, стоявшие невдалеке от только что прибывшей группы, переглянулись. Василий достал записную книжку и отдал полковнику. Тот положил их в портфель и передал его офицеру, поспешно вошедшему в комнату. Он был тем похож на полковника, что никто не сомневался — это его сын. Полковник сказал:

— Иди.

Молодой человек кивнул и вышел:

— Почему же до сих пор нет врача? — спросил полковник у дежурной гостиницы.

— Мы вызвали “скорую помощь” час назад. Но пока она не приехала. Я тоже не знаю, в чем дело.

Всем было ясно, что врач Рябушину уже не нужен, но таков был обычай. Ждали...

Наконец приехал доктор. Полковник сердито посмотрел на него, явно упрекая за задержку. Но тут в комнату буквально ворвалось двое парней в штатском и начали быстро ее осматривать. После молниеносного обыска один из агентов показал полковнику свое удостоверение:

— Могу ли я попросить вас встретиться со мной завтра в десять часов?

Полковник холодно кивнул в знак согласия.

— Я приду, — сказал он. Люди из КГБ исчезли так же быстро, как и прибыли.

Когда за ними закрылась дверь, полковник посмотрел на Ирину, на всех остальных:

— Вы ничего не видели и не знаете, да? Такова ситуация, я прав?

Все закивали. Горничная, присутствовавшая при этом, не поняв ничего, посмотрела на полковника и быстро вышла.

Выполняя последнюю волю Рябушина, его похоронили в Сибири. Он написал об этом сыну еще до поездки в Москву. Ирина и ее друзья не могли присутствовать на похоронах. На следующий день после смерти Рябушина их арестовали и отвезли в Лефортово, в следственную тюрьму КГБ.

* * *

Примечание автора: мы должны попросить прощения у читателей за подробное изложение всех разговоров главных героев, а также за цитирование дневника Рябушина. Мы получили такую возможность, потому что Василий внимательно прочел все записи и воссоздал их потом по памяти.

Все, участвовавшие в так называемом диалоге с ответственными работниками ЦК КПСС, вели записи и опубликуют их, как только минует опасность для жизни. Наша задача — рассказать западному читателю, а также читателю в бывшем Советском Союзе об опыте и надеждах тех тысяч христиан в России, которые борются за свободу провозглашения Евангелия. Они служат делу свободы в тишине, но с большой верностью Богу, постоянно рискуя своей жизнью. Эта борьба продолжается до сих пор, ибо власть в большинстве областей и краев бывшего СССР все еще принадлежит так называемым “партократам”, чиновникам номенклатуры КПСС, формально вышедшим из этой партии, но не отрехшимся от ее догм и методов борьбы за власть. Из-за большой опасности стужители Иисуса Христа и сегодня должны нести свое служение с сохранением определенной осторожности, опасаясь КГБ, междуцерковных раздоров, коммунистических фанатиков. Эти строки были написаны, когда “империя зла” была в полном могуществе и мы очень заботились о том, чтобы не подвергнуть опасности своих верующих друзей.

Записи, сделанные основными персонажами этой книги, хорошо спрятаны у надежных друзей. Бесплезно искать их в домах людей, делавших эти записи и даже в доме автора этой книги.

16. ОТКРОВЕНИЕ КОПТСКОГО СВЯЩЕННИКА

Не раз Ирина спрашивала себя, чем же в действительности занимался Серов. Но непроницаемая завеса секретности покрывала его жизнь. Даже самые близкие родственники не знали об этом ничего неопределенного. Он постоянно был в служебных командировках, по делам службы часто посещал другие страны. У людей сложилось

смутное впечатление, что от имени КГБ он каким-то образом был связан с религией.

Серов любил свою работу и выполнял все задания с мастерством и настоящей ловкостью. Работа значила для него очень много, если не все. Но из-за полной секретности он был полностью изолирован от друзей, ровесников. Это тяготило. В сущности, он был очень одинок.

Случай помог Серову заключить небесполезное для него знакомство.

Молодой протестантский проповедник Петр по семейным обстоятельствам получил разрешение оставить Россию и уехать на Запад, где поступил в Библейскую школу. Жил он в австрийском городе Граце.

Однажды Петр отправился к газетному киоску, чтобы купить свежий номер советской газеты "Известия", в котором было опубликовано интервью с руководителем официально признанного Все-союзного совета баптистов в СССР Жидковым. Жидков громко трубил о религиозных свободах в Советском Союзе, и Петр очень хотел прочитать, что же именно было сказано в этот раз.

К большому разочарованию Петра номер газеты был уже продан. Возвращаясь к трамвайной остановке, он проходил мимо кафе, где продавали мороженое, и заметил мужчину в рясе, читающего именно этот, нужный ему номер "Известий".

Петр смотрел на священника со смешанным чувством. С одной стороны, не хотелось встречаться с православным священником из СССР. Он знал, что служители легальной церкви были обязаны отдавать КГБ полнейший отчет обо всем, что видели во время своих зарубежных поездок. Разговор с Петром, конечно же, вызвал бы интерес чекистов. Однако, он не видел другого пути получить желанную газету. У священника было лицо человека с Востока. Он мог быть грузином или армянином. Жители этих советских республик внешне были похожи.

Вдруг священник повернулся к Петру и спросил по-русски:

— Простите, где можно недорого пообедать? — он бегло говорил по-русски, но с иностранным акцентом.

Петр сдержал улыбку:

— Почему вы заговорили со мной по-русски?

— Я не из России, — ответил, улыбаясь, священник, — я из Египта. У нас есть дорогие рестораны, но можно пообедать и пошевеле. Я слышал, как вы спрашивали газету “Известия”.

Когда он увидел, что молодой человек с вождением смотрел на газету, он засмеялся и сказал:

— Я действительно не из СССР. Но я знаю русский язык и читаю русские газеты, чтобы не забыть язык.

Это убедило Петра и он пригласил мужчину пообедать с ним в “Лобстерс Бейсмент”. Новый знакомый сразу же принял его предложение и через десять минут они уже удобно устроились за столом.

Петр полез в портфель и вынул книгу, только что изданную на Западе. Он дал ее священнику, который сразу же открыл книгу и начал читать с большим интересом, пока Петр с таким же энтузиазмом занялся чтением “Известий”. Наконец, священник отложил свое чтение и сказал:

— Я посещал духовную академию в Ленинграде.

Интерес Петра к новому знакомому увеличился. Тарелки с супом стыли перед ними. Официант с подносом появился у стола, готовый подавать второе блюдо.

— Любопытно, что богословы из западных стран, которые учат в духовных академиях России, почти всегда — мишень для КГБ.

— И вас обрабатывали? — спросил Петр.

— Еще как! — ответил, смеясь священник. — Особенно, когда узнали, что я имел связи с монастырем Святой Екатерины. Они не давали мне покоя из-за ценных рукописей, которые там хранятся.

“Интересно”, — подумал Петр.

— А архиепископ Никодим не имел на вас влияния? — спросил он вслух.

Священник вновь весело заулыбался и сказал:

— Ох, этот несчастный человек Никодим! Все официально признанные русские священники находятся под башмаком у КГБ! Иначе им не удалось бы удержаться на своем посту.

Петр печально посмотрел на него.

— В те ленинградские дни я подружился с профессором Серовым, — весело продолжал священник. — Он очень интересовался древними рукописями. Но я не мог ему помочь. Мой брат, монах в монастыре Святой Екатерины на Синае, мог бы больше для него сделать.

Трудно объяснить, почему египетский гость сделал это, но он охотно рассказал о своих встречах с Серовым и последствиях этих встреч.

Абдулла, так звали египтянина, родился в нехристианской семье. В молодые годы со своим братом он случайно попал на коптское богослужение. На этой встрече молодой священник объяснял родословную Иисуса, ссылаясь на исторические источники. Интересный рассказ так пленил молодых людей, что они начали посещать встречи по изучению Библии регулярно. Наконец, они решили принять крещение. Брат Абдуллы, по образованию инженер, стал монахом, Абдулла решил изучать историю древних цивилизаций. Вначале он хотел учиться в Москве, но его пригласили в Ленинградскую академию.

Юноша из Египта быстро привлек внимание, потому что не был высокомерен, не увлекался девушками, не участвовал в студенческих ужинах, где бывало спиртное, не курил. Все свое свободное время он проводил за чтением Библии, духовных книг, в молитве. Однажды Абдуллу попросили зайти в кабинет к директору. Директор представил его важному на вид мужчине и оставил их наедине. Новый знакомый был чрезвычайно вежлив и любезен. Он задал Абдулле несколько вопросов о его семье и упомянул, что тоже интересуется древней историей. Абдулла был польщен этим. Он нашел этого человека отличным собеседником, исключительно осведомленным в древней истории, он начал встречаться с ним регулярно. Серов — была фамилия этого человека.

Серов не был ни напористым, ни чрезмерно любопытным, и вскоре они с Абдуллой стали друзьями. Серов часто брал юношу с собой в Крым или Украину, другие места. Он занял заметное место в жизни Абдуллы. Абдулла доверял ему и всегда обращался к нему в случае необходимости.

Через несколько лет Абдулла вернулся в Египет. В то время он работал над диссертацией и должен был поехать в Рим, чтобы найти необходимую информацию в библиотеке Ватикана.

Однажды жарким летним днем Абдулла услышал, как кто-то зовет его по имени. Он осмотрелся вокруг и с удивлением увидел Серова, который направлялся к нему с распростертыми объятиями. Они обнялись и договорились вечером встретиться в ресторане, чтобы вместе поужинать.

Как раз в это время Абдулла сильно нуждался в деньгах. Одна из его сестер болела лейкемией и ее лечение уже “съело” все сбережения отца. В ресторане молодой священнослужитель рассказал своему другу о своих финансовых проблемах. Его семья задолжала уже десять тысяч долларов и Абдулла собирался прервать работу над диссертацией, чтобы заработать денег.

— Послушай, Абдулла! — воскликнул Серов. — Ты не должен так говорить! Ты ученый. Богословие — цель твоей жизни.

Серов охватил голову руками, как бы глубоко задумавшись. Наконец, он улыбнулся. Было понятно, что он принял нелегкое, но правильное решение. Он извинился перед Абдуллой и на несколько минут исчез. Вскоре он вернулся неся с собой портфель.

— Недавно я был в Африке, — начал он, как бы говоря сам с собой, — и видел, какую замечательную работу проводят там миссионеры. Они несут цивилизацию африканскому народу. Они дают им образование, повышают их культурный уровень, изучают и овладевают языком народов, которые они посещают, переводят свои религиозные книги на их языки. Но очень часто у них нет денег для такой работы! Я поговорил с архиепископом Никодимом о помощи этим миссионерам через Всемирный совет церквей. Наша страна заинтересована в их деятельности. Сможем ли мы рассказать африканцам о коммунистической идее, если миссионеры не научат черных читать и писать?

Абдулла не видел никакого противоречия в том, чтобы сначала обратить африканцев в христианство, а потом рассказать им о коммунистической идее. Он разделял уверенность архиепископа Никодима в том, что христианская вера и коммунизм имеют много общего.

Серов говорил Абдулле:

— Чтобы иметь успех, нужно трансформировать коммунизм в форму религии. Таким путем коммунизм смог бы удовлетворить духовные нужды народа.

Абдулла и сам имел подобные мысли. Когда он думал о своей любимой сестре, о финансовой нужде семьи, то поневоле вспоминал о бесплатном медицинском лечении в Ленинграде, где у его сестры все же была надежда на исцеление. Хотя, честно говоря, в России не было средств эффективного лечения ее болезни. На Западе, считал Абдулла, состоятельные люди наживаются и на больницах.

Серов предложил Абдулле десять тысяч долларов. Абдулла с радостью принял эти деньги. Это была вполне естественная помощь настоящего друга, представлявшего могущественную страну. Абдулла написал расписку в получении денег, предназначенных для африканских миссионеров.

Но с деньгами Абдулла получил и кое-какие задания. Серов сказал, что его страна за такую помощь может назначить очень хорошую плату. Он должен был развивать личные контакты с лидерами освободительного движения в южной Африке, поинтересовался католиками-богословами, которые проповедовали революционное богословие, регулярно их посещать и о намерениях этих людей рассказывать Серову. Конечно, личные встречи с Серовым могут быть затруднительны, но это не беда — обо всем можно рассказывать епископу в Александрии. С тех пор Абдулла представлял свои отчеты новому посреднику и получал от него плату.

Петр вспомнил, что раньше уже слышал об Абдулле. Василий Кузнецов учился некоторое время с этим человеком. Именно Абдулла однажды убедил Василия в том, что так называемый диалог с партией может послужить пользе дела. Но Василий вспоминал знакомство с коптским священником болезненно. Ведь именно Абдулла вызвался провожать молодую жену Василия к ее родственникам. И именно тогда случилась авария. Женщина умерла от ран, Абдулла вышел из беды без единой царапины. Конечно, это могло быть его личным везением и все же...

... Абдулла продолжал рассказывать о том, как он старался втянуть брата в свою деятельность. Но брат отверг эту идею и всей семье рассказал, чем занимается Абдулла, откуда появляются деньги для лечения сестры. Но Абдулла был священником, богословом и ученым, специализирующимся на глубокой древности, живущим примерной жизнью, хранящим собственные убеждения. Связи с русскими?.. В этом было что-то нехорошее и его брат, сестра, другие родственники охладели к священнику после того, как узнали о его связях с коммунистической Москвой. Сестра умирала и, слабая, захотела увидеть Абдуллу еще раз. Смущенный богослов, запутавшийся в своих знакомствах, стоял и плакал у смертного ложа сестры.

— Она лежала бледная и слабая, — рассказывал он теперь Петру. — Смотрела на меня с глубокой грустью. Когда она лечилась в Америке, епископ Рамади посетил ее и высказал свое мнение о моей деятельности. “Его поймали в ужасную сеть греха, — сказал он

сестре. — На земле нет такого пути, даже самого идеального, который смог бы раз и навсегда освободить человечество от ненависти, зависти, зла. Поэтому люди продолжают уничтожать друг друга. Фактически те же самые коммунисты, которые говорят о своей высокой морали, продолжают убивать друг друга. Они ненавидят, завидуют и преследуют своих собственных товарищей, которые хоть на минуту отступили от их доктрины. И ты это отлично знаешь. И когда коммунизм достиг власти, зло не было уничтожено, а произошло обратное. В материальном смысле, люди, живущие в бедных странах при коммунистическом способе производства, могут иметь ежедневный паек. Но взамен этого они будут духовно ожесточены, впадут в хаос. О все из-за того, что они разорвали свою связь с Богом". О, Абдулла, брат мой, сказала сестра, ты идешь опасным путем. Пусть Господь простит тебя. Вскоре она умерла.

— А теперь вы не встречаетесь с Серовым? — спросил Петр.

— Нет, — ответил Абдулла. Сразу же после похорон сестры он поехал повидаться с епископом Рамади, который говорил о нем. Абдулла обнаружил, что иерархи уже давно с большой озабоченностью наблюдали за его подозрительным знакомством. Священнослужитель хотел помочь ему и показать, как противоречива была его деятельность. В это же время он узнал, что Серов, вернувшись в Москву, был очень удивлен новостью об обращении своих четверых детей в христианство. Серов посчитал это ужасным ударом. Сама судьба посмеялась над ним. Такого он не мог вынести и после довольно неллицеприятного разговора со своим начальником умер от инфаркта в его кабинете.

— Я слышал, что он сам покончил с жизнью, — сказал Петр.

Абдулла утверждал, что это не более, чем слухи. Но смерть Серова ускорила арест Ирины Соколовой, Василия Кузнецова и других участников диалога в Центральном Комитете Коммунистической партии в Москве.

— Что же вы делаете сейчас в Граце? — спросил Петр после некоторого молчания.

Оказалось, что Абдулла полностью изменил свою жизнь после разговора с епископом Рамади. Он раскаялся и записал на бумаге свой горький опыт как предостережение для других. В тот вечер у него была назначена встреча с братом. Они собирались посетить старый монастырь. У него как раз было около двух часов до поезда, который отправлялся в Вену, когда он встретился с Петром.

— Я очень хотел бы услышать, что стало с детьми Серова, — сказал он задумчиво. Оказалось, что Петр мог помочь ему в этом.

— Их определили в специальный интернат для детей высокопоставленных коммунистических работников, — сообщил он.

Абдулла выслушал это с открытым ртом:

— А откуда вы знаете, что случилось с этой семьей?

Но тут появился официант и у Петра уже не было времени отвечать на вопрос Абдуллы. А священник более не настаивал. Они обменялись адресами и разошлись.

Петр больше никогда не видел Абдуллу. Абдулла написал Петру, сообщив, что он провел несколько приятных дней со своим братом и благополучно вернулся в Египет. Абдулла не знал, что он носил в себе такую же болезнь, от которой умерла его сестра. Он умер в Каире. Его рукописи таинственно исчезли.

17. В ЛЕФОРТОВО

Ежедневная рутина в тюрьме Лефортово, атмосфера тюрьмы, так же как и ее неписанные законы были полнейшей противоположностью жизни, к которой привыкла Ирина. До какой-то степени она находила интересным пребывание в тюрьме.

Василий Кузнецов, полностью обманутый высшим должностным лицом в правительстве, с которым он имел беседу в то время, как все были арестованы, сказал Ирине перед тем, как их всех расселили по отдельным камерам: “Он необычный человек. Интересно знать, как ему удалось продержаться в правительстве в эти ужасные годы”.

Тюремный надзиратель прервал их:

— Не разговаривайте!

Он не орал на них, говорил по-дружески, как бы по-отцовски советуя.

Этот пожилой человек с белыми, как снег, волосами, всю свою жизнь провел, работая в разных тюрьмах, и чувствовал себя здесь как дома. Он работал тюремным надзирателем вот уже пятьдесят лет и все никак не хотел идти на пенсию. Клим, старший проповедник из Сибири, называл его “дедушка Белый лебедь”, так как фамилия его была Лебедев.

У Лебедева не было семьи. Его жена и двое детей исчезли в начале второй мировой войны. Они поехали проведать брата Лебедева, когда началась война. Одна из первых бомб, упавших на село, где

жил брат Лебедева, разрушила его дом. Это последнее, что слышал Лебедев о своей семье. Страшная потеря полностью изменила его личность. Он стал тихим, замкнутым, и с того времени полностью посвятил себя “заботе” об обитателях тюрьмы. Когда он еще имел семью, то считал свои обязанности не более, чем “работой”, которой он мог зарабатывать себе на жизнь, как и многие другие. Но после трагедии ему показалось, что это, может быть, его призвание и он начал считать эту работу делом своей жизни, судьбой и призванием.

Он ненавидел всех, кто имел немецкое происхождение. К заключенным немцам относился с подчеркнутым презрением и, возможно, небезосновательными были подозрения, что кое-кому из них он подсыпал отравы в тюремный суп.

Немецкоязычные русские, попавшие в тюрьму Лефортово, не имели представления о злейшем и опасном враге, которого они имели в лице Лебедева.

Когда привели Ирину с ее друзьями, Лебедев как раз читал постановление прокурора об их аресте. Дежурный офицер вошел в комнату и коротко спросил:

— Опять богословы?

— Да, — ответил Лебедев, отдавая бумаги офицеру. Вошли еще два офицера, не без любопытства осмотрели задержанных и сели за свои столы. Дежурный офицер распорядился увести задержанных.

— А женщина красива! Как картинка! — сказал один из вошедших.

— Она — руководитель, — парировал дежурный офицер. — С Лубянки велели поместить ее в изолятор под строгое наблюдение.

Ирина услышала эти слова уже за дверью.

У верующих не было страха. Скорее, они были удивлены. Почему их арестовали? Они же так мирно беседовали в ЦК! Единственным их желанием было гарантировать равные права верующим со всеми людьми в коммунистическом обществе. Они просто не могли предположить, что их посадят в тюрьму за такие мирные намерения!

Они не знали, что в ту же ночь, когда умер Рябушин, закончилась жизнь Серова. Письмо Серова к сестре открыло его личное горе.

“Я еще не видел своей семьи”, — писал он, — “и надеюсь завтра вылететь домой. Однако я так угнетен тем, что услышал! Друзья рассказали мне, что мои дети приняли крещение. Я хорошо осознаю, что взгляды моих детей были бы другими, если бы я больше посвящал себя семье. Но до сих пор это было невозможно. Ты пред-

ставляешь! Я всю свою жизнь боролся с религией, я был так увлечен! Я надеялся обрести влияние на Ирину, которая была в моей семье любимицей. И теперь, в мое отсутствие, случилось такое несчастье! Нелегко будет вытравить в сознании детей всю ту блажь, которой они набрались. Обычно нам не так уж трудно делать христиан послушными. Мы это делаем, пользуясь все той же Библией, которую они не очень хорошо знают из-за недостатка книг. Но невозможно переучить этих людей и превратить их в настоящих атеистов. Ты права, утверждая, что необычайно тяжело для человека осознать, что время его жизни ограничено пребыванием на земле. Он ищет трансцендентальной жизни и живет в ожидании, что его жизнь, однажды закончившись на земле, продолжится в вечности. Очевидно, что такое представление успокаивает душу человека. Если человек несет эту идею в себе, то он обладает конечной целью своего существования. Ты права и в том, что нашей коммунистической идеологии нужно взять на вооружение характерные черты религии. Мы должны брать у религии все, что поглощает внимание и полезно для нашего дела. Мы должны внушить человеку, что это его священная обязанность жить для блага будущих поколений и трудиться до конца, чтобы будущие поколения всегда чтили память отцов в результатах их самоотверженного труда. Новая форма религии труда должна занять место старой. Я считаю, что происшедшее с моими детьми, это реакция судьбы на работу, которую я делаю”.

Было много слухов и предположений о смерти Серова. Ирина не узнала об этом, пока не вышла из тюрьмы. Следствие против них не велось.

Каждый был посажен в одиночную камеру под строгое наблюдение и они друг о друге ничего не знали. Но после недельного заключения проповедники баптистских общин были привезены на Казанский железнодорожный вокзал и отосланы домой без единого слова объяснения.

Однажды ночью Лебедев открыл тяжелую стальную дверь в камере Ирины и приказал: “Одевайся, тебя переводят”.

Она и так не могла спать, думала о своем отце. Выйдя на улицу, она жадно вдохнула вечерний воздух. После двух недель в отвратительной духоте камеры свежий воздух показался ей целебным бальзамом.

Без единого слова объяснения ее втолкнули в автомобиль “Волга” и повезли по Москве. Она не имела представления о време-

ни. Окна автомобиля были завешены тяжелыми занавесками. Казалось, они ехали целую вечность. Наконец машина затормозила у здания, имеющего форму подковы. Мужчина в штатском, сопровождавший ее, открыл дверь машины и попросил следовать за ним. Водитель остался в машине.

Они поднялись на четвертый этаж. Жуткая тишина наполняла здание. Ирина проходя по зданию, отмечала все детали. Ее сопровождавший вел ее по длинному коридору, по обе стороны которого были двери. В конце коридора он указал ей на стул и мягко сказал: "Пожалуйста, подождите здесь".

Ирина нигде не видела охраны. Однако у нее было впечатление, что невидимые глаза следили за каждым ее движением. У нее не было чувства страха, только любопытство. Ожидая неизвестно чего, она поставила локти на колени, закрыла лицо руками и начала молиться.

Дверь напротив нее открылась. Ирина подняла голову. Тот же мужчина махнул ей рукой, приглашая войти. Она встала и вошла в большую, ярко освещенную комнату. В углу напротив двери стоял небольшой стол с круглым самоваром. Слева стояла тахта и стол. Вдоль стены несколько стульев.

В комнату вошла молодая женщина и в дружеском приветствии протянула руку Ирине.

— Добрый вечер, Ирина. Меня зовут Вера. Я много слышала о вас и теперь рада возможности познакомиться, — с обезоруживающей улыбкой она усадила Ирину рядом с собой на тахту. Ирина пожалела, что ее захватили врасплох, но все же села на тахту без сопротивления.

— А ты действительно красивая девушка! И такая красота должна томиться в Лефортово! Это никуда не годится! — сказала Вера, готовя чай у самовара.

Ирина удивилась легкому акценту Веры. Она проворно справлялась с самоваром. Закончив, она как по волшебству вынула несколько пирожных и шоколад, положила их на маленький стол перед тахтой. Потом налила Ирине чай и пододвинула тарелку с пирожными.

— Угощайся, дорогая. Но сначала давай возблагодарим Господа. — Она начала молиться. Ирина не знала, как это расценить. После молитвы Вера вновь протянула Ирине тарелку с пирожными.

— Не удивляйся моей молитве. Я приехала из восточной Германии и здесь получила образование по богословию. Но, возможно, Козлов уже рассказывал тебе обо мне? Я провела как-то каникулы вместе с ним. Он замечательный человек и интересный мужчина.

Ирина чуть не упустила стакан с чаем.

— Да знаете ли вы, что он женат? — спросила она.

Вера звонко рассмеялась, явно довольная возгласом Ирины.

— Ты просто очень наивна, моя дорогая! Это ничего не значит. Любовь не знает границ! — добавила она, как бы наставляя ребенка. Но так же быстро изменила тему разговора. — Ты ведь всерьез не думаешь, что Коммунистическая партия прекратит борьбу против религии?

Ирина пожала плечами:

— Это не дело личного мнения, — ответила она. — Мы руководствуемся логикой. Партия могла бы прекратить борьбу с религией и таким путем освободить много энергии, каковую можно было бы использовать более продуктивно. Но это возможно лишь при условии, что коммунистическая идеология не будет настаивать на монопольном месте в сознании людей. Если же это ее цель, то тогда отказ от борьбы против религии, конечно, невозможен.

Вера сидела, глубоко задумавшись и изучая ногти на пальцах. Она была очаровательна в своем модном платье и с красиво уложенными волосами. Ирина не без восхищения смотрела на нее со стороны.

— Почему меня вызвали в такой поздний час? — спросила она Веру.

Вера опять встала и пошла к самовару.

— Мой профиль — взаимоотношения марксизма и религии, — ответила она, наливая себе еще чая. Потом села напротив Ирины, скрестив ноги. — Я также интересуюсь вашим, прости мне, утопическим поступком. Мы на Западе прилагаем усилия, чтобы привести к общему знаменателю христианство и марксизм, и поэтому у нас много контактов с марксистскими движениями. Ты должна понять, что Библия не дает политической программы для строительства справедливого общества на земле. Библия, если хочешь, это план или программа достижения человеком морального совершенства, а марксизм указывает путь к социализму. Нет сомнения, что религия может сосуществовать с марксистским учением. Или, если быть еще

более точным, религия и марксизм дополняют друг друга. Одна доктрина без другой...

— Извини, — перебила Ирина. — Христос указал нам очень ясно, как вести себя в семьях, в обществе и вообще в жизни. Его притча о добром самарянине, Его беседы о любви к своему ближнему, о браке, и о других личных взаимоотношениях предельно ясны. Если мы будем жить согласно его учению, мы будем иметь справедливое общество. И тот факт, что представители церкви часто действовали путями, не соответствующими этим принципам, еще не значит, что Христово учение несовершенно и его нужно дополнять марксизмом. Мы просим лишь одного: если марксизм не может полностью прекратить свое наступление на религию, то ведите эту борьбу лишь с помощью идеологического оружия, без постоянного физического давления. В этом столетии руками коммунистов или во имя коммунизма уничтожено больше верующих, чем за все предшествующие этому века всеми врагами, известными христианству, включая гонения в Римской империи.

— Но, моя дорогая Ирина, — прервала Вера, — мы, христиане, призваны прощать своих врагов!

Ирина улыбнулась.

— Что же мы делаем постоянно? Если бы мы не прощали вас каждый раз, то не смогли бы сидеть вместе с вами за одним столом и мирно беседовать! Действительно, любовь все прощает, но я не могу быть безразличной, когда проповедников одного за другим бросают в тюрьму. И еще одно, Вера. Если мы прощаем убийц, не настаивая на их покаянии, то мы теряем доверие. Мы становимся соучастниками их вины и больше не можем проповедовать покаяние.

Вера еще раз сменила тему разговора и сделала вид, что очень озабочена будущим Ирины:

— Так чего же ты суешь нос в чужие дела?

Ее тон утратил всяческую любезность, а в голосе зазвенела сталь. Ирина с удивлением отметила, что даже внешность Веры странно изменилась. Она как-то вся огрубела. Напротив Ирины сидела ледяная женщина с холодными глазами. Ирина была так поражена этой переменой, что уставилась на Веру широко открытыми глазами. Но этот открытый бесхитростный взгляд, оказалось, действовал Вере на нервы. Она порылась в своей сумочке, вытащила оттуда фотографию и бросила ее Ирине. Ирина взяла снимок и, посмотрев на него, покраснела. Фотография была сделана во время

ее стычки с Козловым и сделана мастерски. На фотографии почти нагая Ирина лежала рядом с Козловым, который страстно ее обнимал.

Воспоминание об этом омерзительном случае так потрясло Ирину, что она чуть не расплакалась. Опять она почувствовала себя той маленькой девочкой, которая обычно бежала к своему папе, когда с ней несправедливо обращались. Сейчас отца не было рядом с ней и она больше не была маленькой девочкой. Она глубоко вздохнула и возвратила Вере фотографию.

— Что ты от меня хочешь?

— Чтобы ты прекратила идиотские выдумки раз и навсегда! Это о встречах в ЦК! Второе, чтобы ты поехала со мной в Восточную Германию! — Вера почти кричала. Потом она немного справилась с собой и добавила. — Ты бы сослужила нам большую службу, если бы работала на нашей стороне.

— Кого ты имеешь ввиду, говоря “нам”? — спросила Ирина, — верующих, богословов или КГБ?

Вера вскочила и исчезла в соседней комнате. Оставшись одна, Ирина начала мягко молиться и вскоре вновь обрела покой. Вдруг прямо перед ней вырос Козлов. Широко улыбаясь, он протянул ей руку:

— Ты не ожидала меня видеть, не так ли?

— Я заключенная КГБ, — ответила, справившись с волнением Ирина, — и поэтому ко всему готова.

— А фотография получилась довольно таки хорошая, а? — сказал Козлов с нагловатой усмешкой.

Ирина не ответила.

— Мои друзья сделали эту фотографию из окна напротив, — похвастался он, вынимая целую пачку фотографий из нагрудного кармана. — Вот, посмотри!

Он бросил их на стол. Ирина сидит у него на коленях. Он покрывал ее поцелуями. Вот он бросил ее на пол. Срывает одежду. Однако в пачке не было ни одной фотографии о том, как она вышвырнула его из квартиры.

Ирина отбросила фотографии:

— Возьмите эту макулатуру и делайте с ней, что хотите. И распорядитесь отправить меня обратно в тюрьму. Между прочим, немецких богословов вы вербовали таким же образом?

Козлов зло посмотрел на нее, но не ответил. Немного позже он спросил ледяным голосом:

— Я все еще ищущу свои пистолеты и магнитофон. Где они?

Ирина знала, где магнитофон, но не имела ни малейшего представления о пистолете. Она не знала, что отец обнаружил оружие под диваном и тщательно спрятал его. Поэтому вопрос смутил ее.

— Я знаю, где магнитофон, и вы получите его обратно, — пообещала Ирина, — но я ничего не знаю о пистолете.

Она сказала это так искренне и честно, что Козлов, имеющий богатый опыт допросов, поверил ей.

В этот момент раздался телефонный звонок. Козлов поднял трубку. После разговора он сказал Ирине:

— Мне нужно идти, но мы еще встретимся. Хорошенько подумай о том, что сказала тебе Вера. И запомни мои слова. Если хоть одно слово из нашей беседы станет известно на Западе, эти фотографии попадут в западную прессу. Они любят сенсации.

Он исчез так же мгновенно как и появился. Человек в штатском, который привел Ирину, вошел и знаком велел Ирине следовать за ним. Водитель “Волги” любезно открыл для нее дверь. Как только они вошли, дверь снаружи закрыли на ключ. “Тюрьма на колесах”, — подумала Ирина.

В тюрьме Лебедев приветствовал ее дружеской улыбкой и провел в камеру. Ирина очень устала и когда дверь за ней закрылась, упала на койку и залилась слезами. Потом она вспомнила, что за ней могут наблюдать в глазок, собралась, вытерла слезы, разделась и легла.

В каждой камере была электрическая лампочка, которая горела днем и ночью. Ирина натянула на голову одеяло, засунула, по привычке, руки под подушку и зарылась в нее лицом. И вдруг почувствовала что-то жесткое. Пораженная, она села на койке. Лист бумаги лежал между наволочкой и подушкой. Дрожащими руками она взяла его. “Моя милая доченька”, — прочитала она и сердце ее часто забило, — “ободришь и не сдавайся! Я делаю все, что в моих силах, чтобы освободить тебя. Сашу Никитина тоже арестовали. Не вешай голову! Целую, папа”.

Ирина прижала лист бумаги к груди и прошептала: “Папочка, только не делай глупостей”.

Ее сердце было наполнено глубокой благодарностью за эту весточку и мысли отвлеклись от тюремных событий. Она начала ду-

мать о своих друзьях, о Саше Никитине, молиться о них. За этим занятием уснула и беззвучно проспала до утра.

18. РАЗОБЛАЧЕНИЕ

Жена Неверова как раз убирала в квартире, когда услышала сильный стук в дверь. Ее посетитель представился следователем прокуратуры. Валентина привыкла к таким посетителям, потому что они обычно приходили к ней, когда муж был на работе, а дети в садике.

Этот посетитель, не дожидаясь приглашения, сел на диване. Неверовы недавно переехали в новую квартиру с удобной планировкой. Это также было результатом деятельности Валентины, хотя муж об этом не догадывался. Он так безоговорочно ей доверял, что не допускал малейшего подозрения во всем, что она делала. Недавно он позволил ей присутствовать на собраниях старших братьев, ответственных за церковь. Собрания обычно длились по несколько часов и Валентина готовила чай, а бывало и более основательную еду. Братья с благодарностью принимали ее услуги.

Валентина вообще-то считалась надежным человеком среди верующих. В какой-то мере она такой и была. Необходимой в трудах ее мужа для церкви. Но люди из КГБ нащупали ее слабую сторону и теперь щедро вознаграждали ее за информацию. Практичная женщина теперь имела солидные сбережения, которые регулярно пополнялись.

Следователь пришел в квартиру Неверовых впервые, поэтому представился:

— Моя фамилия Мирошниченко. Я должен поговорить с вами об Ирине Соколовой. Вы с ней встречались?

Валентина села на стул и ответила:

— Да, мы встречались. В Крыму.

— Соколова, должно быть, имела там какие-то разговоры с Никитиным. Говорила ли она, к примеру, о попытках ее изнасиловать, упоминала ли она о пистолете?

Валентина с удивлением посмотрела на гостя:

— О пистолете, говорите? Нет, я ничего такого не помню. Но, знаете ли, я обо всем доложила письменно. Обо всем, что было во время встречи с Соколовой. Эти записи я отдала Синицыну из КГБ.

— Да, конечно. — Мирошниченко поморщился из-за ее неосторожной откровенности, постучал пальцем по спинке дивана и сказал. — Я знаю это, но может быть, вы что-то не договорили?

— Это невозможно, — решительно ответила Валентина. — У меня отличная память и вы можете на нее положиться. Конечно, я не знаю содержания тех разговоров, которые происходили в мое отсутствие.

Мирошниченко встал. Он был относительно молод, делал первые шаги в своей должности. На привлекательную молодую женщину, стоящую перед ним, он смотрел с определенным интересом. Дерзкая мысль, казалось, промелькнула в его голове, но он сразу же встряхнулся, как бы освобождаясь от этой мысли, попрощался и вышел.

Естественно, Валентина не могла знать, что ее гость был тайным почитателем Солженицына и что он, прячась от сослуживцев и родственников, читал книги опального писателя, которые можно было купить на черном рынке за большие деньги, но были они и на специальном хранении в органах. Сейчас тучи сгушались над головой Неверова, его собирались упрятать за решетку и Мирошниченко хотел открыть глаза Неверову на характер тайной деятельности его жены. Но ему пришлось отказаться от этой затеи, когда он понял, что Неверов идеализировал свою жену и вряд ли поверил бы ему на слово.

После ухода следователя прокуратуры Валентина продолжила уборку дома. Не успела она опять взяться за щетку, как в дверь постучали. Она открыла. За дверью стоял крепко сложенный мужчина с седеющими волосами. Он попросил позволения войти, чтобы обсудить с ней несколько вопросов. Валентина подумала, что он тоже из КГБ и быстро уступила дорогу, чтобы соседи не заметили его.

Мужчина вел себя странно. Он не поздоровался, но сразу же начал рассматривать стены дома. Валентина хотела что-то сказать, но гость закрыл ей рот рукой. Потом потянулся рукой к картине, которая висела в гостиной, снял ее со стены и поставил на полу. Через мгновение, задрав угол обоев, он уже держал в руке подслушивающее устройство.

Валентина наблюдала за всем этим безмолвно. Она знала о “жучке”, но об этом ничего не знал муж. Гость вытер испарину со лба и спросил:

— Вы знали об этом?

Валентина, все еще думая, что перед ней стоит сотрудник КГБ, призналась, что знала об этом.

— Конечно, ведь руководители общины обычно в этой комнате проводили свои совещания, — заключил гость.

Он сел и кивнул Валентине, чтобы она села на диване. Повертев подслушивающее устройство в руках, он раздраженно сказал:

— Какой хлам! Ничего не могут делать порядочно! Не могли поставить американский. Но нет, пользуются своими опять и опять. А ваш муж знает об этом?

— Нет, — ответила Валентина. Вообще-то все происходящее стало казаться ей странным.

Мужчина посмотрел прямо в глаза и сказал:

— Валентина, я хочу помочь вам. Я здесь по поручению КГБ.

Встревоженная, Валентина вскочила:

— Простите, что вы сказали?

— Садитесь. И, пожалуйста, без истерик. Не только я хочу помочь вам, но и еще кто-то очень мне близкий.

— Но кто вы?

Он долго смотрел на нее печальными глазами.

— Послушайте, Валентина, — наконец сказал он, — когда-то я работал в Куйбышеве. Это были ужасные годы для всей нашей страны. Не только много верующих было брошено в тюрьмы, но также и коммунистов, ученых, других людей. Однажды мне вместе с другими поручили арестовать евангелиста Сергея Грачева. Его “злодеяние” заключалось в том; что он проповедовал Евангелие, хотя это было запрещено законом. Один из его “духовных братьев” “настучал” на него. Мы прибыли к дому рано утром. Возможно, это все еще была ночь. Мы постучали в дверь, жена Грачева открыла. Когда мы спросили, дома ли ее муж, она только покачала головой. Мы уже готовы были уйти, когда вмешался “брат”: “Она врет! Я уверен, что он дома”. Тут же он с упреком сказал жене Грачева: “Как вы можете лгать, сестра? Вы же христианка!” Мы вошли в квартиру. Но Грачева нигде не было. Я уже отдал приказ уходить, когда “брат” заглянул под кровать, а потом в шкаф. “Ага!” — закричал он, — “вот он! Как можно христианину быть таким бесстыдным и прятаться, когда его привлекают к ответу за проступки?” С этими словами он вытащил Грачева из одежного шкафа. Грачев извинился и подошел, чтобы обнять свою плачущую жену. Оба опу-

тились на колени. Они вместе помолились и попросились. Это было последнее прощание, потому что Грачев умер в тюрьме. Но тогда мы не знали будущего. “Брат”, о котором я только что рассказал, продолжал делать карьеру в деле христиан. Он не только имел репутацию искреннего проповедника и мудрого руководителя, но приобрел доверие и влияние в западных странах. Знаете, Валентина, я не хочу обвинять кого-либо, когда он предает своих друзей, чтобы сохранить свою шкуру. Я могу понять, что человек был в опасности, испугался и потому рассказал не только доверенную ему тайну, но и решился клеветать на своих близких. Но скажите мне, дорогая Валентина, что заставляет вас быть информатором? Что привело вас к этому?

Все время Валентина чувствовала себя неуютно, как будто сидела на горячих углях.

— Да какое вам дело? — закричала она с негодованием. — Я служу Советскому Союзу! Я служу своему отечеству!

Гость спокойно смотрел на ее пылающее лицо. Вдруг спросил:

— Вы любите своего мужа?

Валентина испуганно посмотрела на него и тихо сказала:

— Естественно.

— И верите в Бога?

— Естественно...

— И как вам удастся согласовать доносы на своего мужа с вдохновенным словом Нового Завета?

— Ну, прежде всего, я не информатор, как вы меня назвали. Я служу советским людям, потому что советское правительство поставлено Богом, и Новый Завет требует от всех верующих повиновения властям. Поэтому, если государство усматривает, что ему нужно знать все о верующих, чтобы уберечь их от беды, то мы должны помогать в этой борьбе. Наши общины могут попасть под влияние Запада и тогда братьям и сестрам не сдобровать. И вообще, апостол Павел писал, что начальник есть слуга Божий и мы должны оказывать ему полное послушание.

— А если правительство убивает целый народ, как Гитлер поступил с евреями, а Сталин с миллионами людей? Не должна ли церковь сказать, что это неправильно, негуманно?

— Нет, ни при каких обстоятельствах нельзя делать этого! Это не церковные дела. Если правительство делает так, значит Бог повелел, чтобы это было именно так.

Валентина не соглашалась со своим поражением.

— Хорошо, — устало сказал гость, — тогда скажите мне, почему западные церкви каются в том, что были на стороне фашизма?

— А, это! — улыбнулась Валентина. — Это потому, что тогдашнее правительство требовало от них этого. В этих странах теперь больше коммунистов, чем у нас сейчас.

Гость болезненно поморщился:

— Валентина, я не об этом... Я скажу вам, что такие “верующие” как вы сделали невозможным для меня участие в церкви. Ничего более я не презираю, чем лицемерие и ханжество. А если это относится к христианам, то вызывает у меня отвращение. К сожалению, из-за такого поведения людей я потерял все, что придавало смысл моей жизни.

Последние слова он сказал тихо, с горечью. Потом встал в полный рост, посмотрел внимательно на Валентину и сказал:

— Сегодня утром вашего мужа арестовали. Его обвинили в деятельности против общества.

Он опять помолчал, потом добавил:

— Это значит, что в отличие от вас, Валентина, он не служил обществу и Советскому Союзу. Он был врагом...

Валентина побледнела. Она уставилась на мужчину, не в состоянии выдать из себя ни единого звука.

— Неправда! — наконец удалось ей воскликнуть. — Они обещали мне не трогать его! Он не враг!

И она залилась слезами.

Гость смотрел на женщину, бившуюся в отчаянных рыданиях.

— Как вы глупы! — проворчал он. Он оставил ее и вышел из квартиры.

За углом в машине его ожидал Мирошниченко.

— Ну как? — спросил он.

— Ну не дура ли! — сказал Соколов, все еще качая головой. — Трудно поверить! Знаешь, Гриша, мне дочь когда-то читала одно место из Библии, где говорится примерно так: “Сыны тьмы благоразумнее сынов света”. Но жена Неверова не училась этому.

Он вручил Мирошниченко снятый в квартире микрофон. Тот внимательно осмотрел устройство и пробормотал:

— Что за хлам! В доме Хрущева, они, говорят, ставили американский. А это просто старье...

Соколов молчал. До самого Минска он не произнес ни слова.

19. ПИСЬМО ИЗ ПАРИЖА

После похорон Серова Соколов подошел к вдове:

— Что теперь будешь делать, Люба? Я знаю, деньги у тебя будут. Но ты же не сможешь сидеть без дела, я тебя знаю. Особенно теперь, когда твои дети в интернате.

Люба беспомощно махнула рукой и ответила:

— Я действительно не знаю, что делать. Уже много лет я была домохозяйкой — женой и матерью. Возможно, вернусь к учительству. Как я буду жить без детей — не представляю. Но одно я знаю, что одна никогда не смогу выбить из их головы эту христианскую мать.

Она вздохнула.

— Где они сейчас? — спросил Соколов.

Люба пожала плечами:

— Я не знаю. Возможно где-то у реки, молятся. Не могу постичь, откуда это пришло к ним.

Она еще раз вздохнула и добавила с легким упреком в голосе:

— Это влияние твоей дочери, Юрий. Теперь у них нет никакого будущего. Никакой карьеры, ничего приятного, ничего, кроме проблем.

Соколов посмотрел в сторону реки и тихо сказал:

— У нас одинаковые беды. Моя дочь стала христианкой против моей воли, также как и твои дети. Мы ничего не добьемся, упрекая друг друга. Нам нужно сосредоточиться на том, как помочь нашим детям.

Дверь открылась и дети ворвались в дом. Они окружили свою мать. Нина нежно погладила мамину руку и прошептала:

— Мама, они могут приехать за нами в любую минуту. Прости, что мы принесли тебе так много печали.

Слезы потекли по ее личику и она спрятала его на коленях у матери.

— Мама, мы всегда будем о тебе молиться, — сказал Алеша.

Светлана положила руку на плечо маме:

— Мы будем молиться, чтобы с тобой всегда все было в порядке.

Соколов встал и пошел к окну. Он просто не мог вынести сцену прощания. Он знал, что Люба сдерживала слезы только большим усилием воли, и обещания детей молиться о ней только глубже и сильнее врезались в сердце, но не успокаивали ее.

Две “Волги” въехали во двор. Одна остановилась у двери, вторая — под окном.

— Приехали, — сказал Соколов.

Без слов дети обняли мать. Не было громкого плача, дети не оказывали сопротивления. Прибывшие уложили сумки детей в машины и усадили их. Моторы заработали:

Нина выглянула в окно и крикнула:

— Дядя Юра, передайте Ирине привет и скажите ей...

Соколов больше ничего не понял. Он обнял Любу и тихо повел ее назад в дом.

— В кабинете все вверх дном, — пожаловалась Люба. — В КГБ забрали документы, письма, все, что принадлежало моему мужу. И у меня просто нет сил навести порядок.

— Можно, я все сделаю? — предложил Соколов.

— Спасибо, Юрий. А я пойду прилягу немного, — она ушла в спальню.

Юрий Соколов подождал пока дверь за Любой закроется, потом вернулся к разбросанным бумагам, кое как сложил их и сунул в стол. По книжным полкам было видно, что их обыскивали поспешно. Соколов нашел тряпку и приступил к работе. Перетирая полки, он брал каждую книгу, вытирал ее от пыли и ставил в нужном порядке. Соколов так был поглощен своим занятием, что не заметил, как наступил вечер. Он почувствовал это, когда лист бумаги выпал из томика сочинений Ленина, а прочесть его без света было уже невозможно.

Это было письмо. Соколов не мог преодолеть свое любопытство. Он сел на стул и начал читать. Письмо было адресовано Николаю Петровичу Лебедеву.

“Дорогой Николай! Я уже написали тебе пятьсот писем, но до сего дня не получила ответа. Сегодня я пойду в российское посольство, как посоветовали мне друзья и вручу им это письмо для тебя. Я твоя жена Варя. И твои сыновья Иван и Алексей. Мы крепкие и бодрые, живем в Париже с 1945 года. Когда началась война, первая же бомба, упавшая на село, попала в дом твоего брата. Нас в это время не было в доме, мы собирали ягоды в лесу. После этого мы хотели пробраться в Москву, но это нам не удалось. По дороге мы все были оглушены взорвавшейся бомбой, очнулись в госпитале. К нашему ужасу, это был немецкий госпиталь. Главный хирург госпиталя, доктор Шефер, верующий, как мы позже обнаружили, принадлежал к общине баптистов. Он сжалился над нами и готов был

разрешить возвращение в Москву, но ведь была война. У Ивана была серьезная контузия и доктор сказал, что ему необходим отдых. Мы оказались в Варшаве. Когда фронт приблизился, уехали дальше на запад и так оказались в Париже, где нас приютили добрые люди. Сам доктор был казнен своими соотечественниками в конце войны по приказанию Гитлера, потому что отказался работать в концлагере, где содержались, в основном, евреи. Наше чудесное спасение вызвало необходимость благодарности и мы пришли к Богу, сыновья закончили университет. Иван работает в ядерной промышленности, Алексей продолжал учебу в библейском колледже. Это в Бельгии. Недавно он закончил его и сейчас работает миссионером в Эфиопии. Они женаты. У Ивана три сына, у Алексея три дочери. Если ты получил это письмо, пожалуйста, сразу же ответь нам, потому что мы очень за тобой скучаем. Мы с тобой уже довольно пожилые люди, все таки по семьдесят. Мы так хотим еще встретиться с тобой. Ты все еще работаешь охранником в тюрьме, несмотря на возраст? Целую, Варя”.

Соколов повертел письмо в руках и начал лихорадочно вспоминать. Лебедев... Лебедев... Кто же это может быть? А не старый ли это Лебедев из Лефортово? Мирошниченко недавно рассказал Соколову о человеке по фамилии Лебедев, которому удается выглядеть на пятнадцать лет моложе, хотя уже стар, и работает в тюрьме с восемнадцатилетнего возраста. Он не хочет идти на пенсию из-за личной трагедии. Но никто не знал, что у него случилось.

Соколов спрятал письмо в карман пиджака и пошел к телефону. Он позвонил сестре Любы.

— Я прошу вас взять Любу в свой дом хотя бы ненадолго, — сказал он. — Она будет тосковать — сегодня у нее забрали детей. Ей нужно быть с людьми. Завтра в десять я улетаю в Москву и боюсь оставлять ее одну.

Сестра Любы быстро посоветовалась с мужем и ответила:

— Договорились. Завтра утром в семь мы приедем за ней. Попросите ее собраться к этому времени.

Соколов поблагодарил и положил трубку. Потом он пошел к Любе. Она уже не спала и обрадовалась, что завтра приедут ее родственники. Она сразу же стала собирать вещи.

Соколов сидел напротив Лебедева и ждал, пока он дочитает письмо от жены. Пальцы “Белого лебедя” дрожали. Слезы текли по морщинистому лицу. И он вытирал их.

— Вы знаете, что ваш сын был дважды в нашей стране по делам своей фирмы? — спросил Соколов, когда старик закончил чтение письма. — Он везде делал запросы о вас, но никто не захотел ему помочь.

Они опять замолчали. Наконец, Лебедев спросил:

— Кто был здесь? Иван?

Соколов кивнул. Они опять сидели, не говоря ни слова.

— Это значит, что письмо пролежало в книге Серова более года?

— Да, — подтвердил Соколов, потом добавил. — То, что я скажу вам сейчас, держите в строжайшем секрете. Ваш сын опять будет в Москве через год. Но ни при каких обстоятельствах об этом не должны узнать от вас, по пьянке или как-то по-другому.

— Я не пью, — сказал старик глухим голосом.

— Все к лучшему! — улыбнулся Соколов впервые за их встречу.

— Завтра вашу дочь повезут в институт Сербского на медицинскую экспертизу к Кошкину, — сказал “Дедушка Белый Лебедь”.

— Что? К этому идиоту? — Соколов был вне себя.

Лебедев посмотрел искоса на Соколова.

— Все, кто был в ее группе, включая православного, католика и пятидесятника уже прошли через психиатрическую клинику. Теперь ее очередь. Где находятся ее друзья, мне не сказали.

Юрий Соколов внутренне пал духом и долго сидел молча. Он очень хорошо знал, что случилось с тем, кто терял расположение партии и их посылали в психиатрическую клинику. Он подумал о судьбе генерала Григоренко и взорвался:

— Вы проклянете этот день! Запихивать мою дочь в психушку!

— Ее еще туда не запихнули, — спокойно сказал Лебедев, — и вы, как психиатр, должны лучше знать, чем обернется такой публичный выпад для вас! Да тебя самого упекут в “психушку”. Поищи другой путь!

Эти слова привели Юрия Соколова в чувство. Именно таким путем Ирина получила свою первую нелегальную весточку от отца.

20. НОВИЧОК В КАМЕРЕ

“Первые лагеря смерти были основаны не немцами, а Советами”.

Михайло Михайлов “Московское лето”.

Опять тюрьма трещала по швам. Никто из заключенных не знал, чем был вызван такой прилив человеческой массы, но началось такое наводнение обитателей, что в камеру, рассчитанную на четверых, запихнули двадцать человек. Там они ожидали дня суда, отправки в исправительную колонию или на так называемое свободное поселение.

Последний вид заключения был установлен правительством по двум причинам. Во-первых, “всезнающая” западная пресса время от времени сообщала, что в Советском Союзе миллионы заперты под замком. Точная цифра, конечно, никому не была известна, поэтому иногда ссылались “только” на полтора миллиона человек. Однако, не была ли и эта цифра потрясающей? В любом случае, Министерство внутренних дел нашло выход из щекотливой проблемы, изобретя “свободные поселения”. Через каждые два года прокуратура Совесткого Союза давала освобождение тем обитателям тюрьмы, которые показали себя с хорошей стороны и переводились на “свободные поселения”. Это значит, что они направлялись на работы по развитию советской экономики, преимущественно на стройки народного хозяйства.

Таким образом убивали два зайца. Тюрьмы, переполненные людьми, немного разгружались, а этого тоже не могла не заметить западная пресса. Во-вторых, достигалась и более важная цель. Большинство советской молодежи отказывалась ехать в негостеприимные районы Севера или Сибири строить новые города, новые заводы, шахты, прокладывать рельсы новых железных дорог. Поэтому Министерство внутренних дел просто пересылало некоторых заключенных в эти места. Туда посылались преимущественно мужчины, чье поведение в тюрьме доказывало их надежность и работоспособность. До окончания своего срока эти “поселенцы” впрягались в работу на стройке, которая казалась государству особенно важной. За соблюдением режима следила спецкомендатура. Если кто-то нарушал порядок, его отправляли назад в тюрьму отбывать назначенный ему срок. Любопытно, что многие стройки такого типа носили название Всесоюзных ударных комсомольских...

Этот механизм сохранил миллиарды рублей государству. Не нужно было строить новые тюрьмы, а непопулярные регионы были открыты и освоены.

В тюрьме было 1.725 камер. В основном, эти камеры проектировались для политических заключенных или для приговоренных к расстрелу. Было также несколько так называемых карцеров для заключенных, которые каким-то образом нарушили правила тюрьмы, а также камеры типа “восемь”, размером восемьдесят на восемьдесят сантиметров, в которых не было ни окон, ни вентиляции. Обычно тюремщик собирал провинившихся заключенных (чаще всего их поймали на том, что они спали днем) и на час или два восьмерых помещали в одну из таких камер. Продолжительность наказания обычно зависела от мягкосердечия тюремщика или от того, как скоро один из заключенных терял сознание из-за недостатка кислорода.

* * *

Охранник толкнул Сашу в камеру номер 511. Ему пришлось подтолкнуть его, потому что невыносимое зловоние ударило Саше в нос и он невольно сделал шаг назад.

— Чего пятишься, дурья башка? — заорал охранник и швырнул огромную связку Саше между лопаток. Саша споткнулся и влетел в камеру прямо в объятия здорового мужика. Тот в свою очередь толкнул его к другой группе заключенных, играющих в домино. Те вскочили, схватили Сашу за руки и бросили его назад к двери. Он сильно ударился о дверь, потерял равновесие и упал.

Гигантского роста парень раскатисто рассмеялся и протянул Саше руку:

— Я Гнилой, а тебя как зовут?

Саша пробормотал извинения. Мол, помешал игре в домино своим падением, и представился.

Гнилой залился смехом.

— Ну, как вам это нравится? Ваше имперское высочество Саша Ни-китин! У тебя что, нет клички?

Саша мягко сказал:

— Вообще-то есть. Меня здесь называют христианином.

— Что? Христианин? — Гнилой опять начал безудержно смеяться, пока слезы не покатались из глаз. Потом он успокоился, подошел к Саше и своей огромной лапой схватил его за подбородок:

— Если ты христианин, значит определенно не “гомо”. Братья, мы примем его в свою компанию? — спросил он, обернувшись к остальным заключенным.

— Конечно, — проворчали без энтузиазма обитатели камеры. Привлекательность новичка уже исчезла и они больше им не интересовались. Некоторые из них продолжили игру в домино, другие просто лениво растянулись на нарах, на полу или на лавочке, которая была единственным местом для сидения в камере.

Только один, молодой парень, медленно встал и пошел к Саше. Он долго смотрел на Сашу холодными глазами, потом прорычал сквозь зубы:

— Проповедник, а? Или на какую роль был посвящен?

Саша посмотрел на него удивленно и ответил:

— Я был посвящен на служение проповедника.

Молодой человек бросил на Сашу взгляд полный ненависти:

— Ваши люди не более, чем омерзительные церковные крысы, — он сплюнул. Без всякого предупреждения он ударил Сашу прямо в нос и сразу же вернулся на свое место. От удара Саша ударился о парашу и упал плашмя. Кровь текла из носа, заливая рубашку и костюм.

Гнилой наклонился к нему и помог встать. Потом он повел его к нарам, предварительно согнав одного из заключенных. Он усадил Сашу, принес полотенце, а потом начал колотить в железную дверь обоими кулаками, чтобы вызвать охранника.

Вскоре послышались зловещие шаги. Охранник открыл смотровое окошко и закричал:

— Ну, что еще, скоты?

— Мы только что “крестили” новенького, — спокойно объяснил Гнилой. — И он с ног до головы в крови. Ему нужно в туалет пойти обмыться.

— Слушай! — завопил обладатель нар Саше, — ты вымазал в кровь всю мою постель, подонок!

Глаза Гнилого угрожающе сузились:

— Поспишь на полу, Мокрый. Понятно? Свою постель отдашь Саше.

Мокрый неистово протестовал, пока охранник открывал дверь и его ключи громко скрежетали: “Еще чего! Я не собираюсь отдавать постель новенькому!”

Гнилой сжал гигантские кулаки и медленно направился к Мокрому. Мокрый быстро забормотал: “Ладно, ладно”, — и отступил на несколько шагов:

— Я сделаю все, что ты скажешь, Гнилой!

— То-то же, Мокрый, — прошептал Гнилой. — И запомни, еще одно слово и я сделаю из тебя крошку.

— Эй, послушай! — закричал охранник. — Будешь давать волю рукам, угодишь в карцер!

Саша вышел в коридор. Он приложил полотенце к носу, но кровь не останавливалась. Охранник опять закрыл дверь камеры и приказал:

— Прямо и направо по коридору!

— Мне нужно к доктору, — тихо сказал Саша.

— Этого только и не хватало, водить каждого к доктору после “крещения”! Зачем Бог дал тебе кулаки? Ты же духовное лицо, давай, иди. Шире шаг, дурень!

Охранник подталкивал Сашу в спину, пока он шел к туалету. Саша умылся и начал прикладывать холодное полотенце к шее. Охранник его не торопил, лениво прохаживаясь по коридору и заглядывая в глазки. Через некоторое время Саша справился с кровотечением. Но все лицо было опухшим, нос распух и стал похож на картофелину. Увидев это, Гнилой повернулся к молодому парню, ударившему Сашу:

— Ты чего на него напал, Гусак?

Гусак сердито посмотрел на Гнилого.

— А твое какое дело? Если получил, значит заработал, будь уверен.

Гнилой взбесился:

— Кто в камере старший, ты или я? — заорал он.

— Да пошел ты..! — ответил Гусак и пошел продолжать игру.

Гнилой подскочил к нему, схватил за ворот рубашки и поднял над полом. Пуговицы от рубашки Гусака посыпались и упали на пол. Он начал брыкаться и кричать:

— Отпусти!

Гнилой медленно опустил его на пол, говоря:

— Ну, а теперь ты объяснишь мне, в чем дело?

Все еще задыхаясь, Гусак процедил:

— Я этого не забуду! Никогда! Если тебе так хочется знать, я дал этому святоше в зубы, потому что мой старик такой же святоша-баптист. И у меня есть причина ненавидеть их всех!

— Ты мог сказать мне это с самого начала, — сказал Гнилой. Его любопытство было удовлетворено. — Но не делай больше ничего подобного. Я был в лагерях с такими баптистами, как Винц, Храпов, Козорезов. Я видел точно: они мужи божии. Больше не трогай Никитина!

— Что ты мне указываешь? Сам знаю, что мне делать и что нет! — прошипел Гусак. — Я в тюрьме в четвертый раз и знаю, что делаю.

Гнилой улыбнулся:

— А я восьмой, сопляк!

В этот момент подняли люк в окошке.

— Обед! — закричал дежурный. Один за другим заключенные подходили к двери и каждый получал свою миску рассольника. Это было кислое блюдо, состоящее из ячменя, зеленых подгнивших помидор. Заключенные попробовали суп, скривились и выбросили несъедобные помидоры в туалетное ведро. Все сидели в ожидании каши. Сегодня должен быть “лошадиный рис”, как называли овсяную крупу заключенные. Но каши не принесли до тех пор, пока суп не разнесли по всем камерам.

Саша не мог есть, так как губы у него распухли и все еще кровоточили. Когда охранник в первый раз толкнул Сашу в камеру, никто, кроме Гнилого, не заметил как Саша сунул мешок под нары возле игроков в домино.

Случилось так, что его маме в последний момент удалось уговорить конвоира дать сыну передачу. В этой передаче были сухари и сухая колбаса. Милиционер разрешил им обменяться несколькими словами.

— Я не знаю, мой мальчик, — сказала мама, — изменились ли обычаи в тюрьме с того времени, как я там была, но хочу все равно дать тебе несколько советов. Как только войдешь в камеру, сунь этот мешок под нары, чтобы никто не видел. После “крещения” сможешь играть роль щедрого хозяина и поделиться тем, что найдешь в этом мешке, с другими заключенными. Если они обнаружат мешок до твоего “крещения”, они скорее всего заберут его у тебя и не оставят тебе ни крошки! Конечно, каждая тюрьма имеет свои неписанные законы. Ты сам узнаешь.

Она держала себя в руках и не плакала. Теперь Саша был счастлив последовать совету матери. Он достал мешок и развязал его. Все глаза ожидающе устремились на него:

— Ребята, угощайтесь, — тихо сказал Саша.

Мгновенно вся толпа бросилась на драгоценные запасы. Через несколько секунд для него ничего бы не осталось. Но Гнилой как молния прыгнул к Саше и загородил собой продукты.

— Подождите, подождите! — закричал он, заталкивая мешок за пределы досягаемости. — Очень трогательно с твоей стороны, добрая душа, но нет смысла отдавать все этим дьяволам за один раз.

Он бросил мешок на свои нары и приказал:

— Сначала съеште кашу.

Они и не заметили, что охранник уже подавал кашу в окно-амбразуру. Поэтому, недовольно ворча, каждый пошел за своей порцией каши. Потом Гнилой бросил в каждую миску по несколько кружочков колбасы.

— Это для вкуса, братья, — сказал он нежно.

Только Гусак отказался от колбасы. Он сидел со своей миской в углу и непрерывно смотрел на Сашу.

Камера была ужасно перенаселена. В ней было четыре койки и на полу лежало несколько матрацев, которые скатывались днем, чтобы двенадцати заключенным было где сидеть. Саша еще раз пересчитал количество заключенных и подумал, что люди из комиссии по правам человека говорили правду. Потом он уснул. Никто не заметил, как появился охранник.

— Эй, там! Выходи! — закричал он Саше. Саша встал, покачиваясь, слишком сонный, чтобы понять, что происходит.

— Что случилось, начальник? — спросил Гнилой. — Что это вы не оставите парня в покое?

— Заткнись! — огрызнулся охранник. Он схватил Сашу за руку и вытянул из камеры. Стальная дверь захлопнулась. Саша едва ли понимал, что происходит. Он был ко всему безразличен. В голове у него как будто кипел котелок.

Охранник потянул его вниз по ступенькам. В камере, куда его привели, уже было пять заключенных. Охранник привел Сашу и велел ждать. Саша уже более или менее проснулся и начал вблизи рассматривать своих друзей по несчастью. Его внимание привлек мужчина с неестественно разбухшим телом.

— Ну, браток, за что же тебя так избили? — спросил его один из заключенных.

Саша представлял собой действительно жалкую картину. Его лицо распухло до неузнаваемости, и под глазом у него был огромный кровоподтек.

— “Крещение”, — пробормотал Саша.

— Понятно, — сказал второй, — но такое не в каждой камере. Это зависит от “контингента”.

— Что это значит?

— Ну, во-первых, статья по которой посадили, а во-вторых, возрастная категория. — Но Сашин уставший мозг был не в состоянии постичь все это. Он отчаянно пытался вспомнить, где видел этого обрюзгшего человека, но вспомнить не мог.

— Почему нас здесь держат? — спросил он.

— Охранник всех нас застал спящими. А теперь собираются посадить в “восьмерку”.

— А это что значит?

Кто-то ехидно засмеялся:

— Подожди, сам увидишь. Мы ждем еще двух неудачников.

Вдруг он вспомнил! Абсолютно отчетливо! Саша радостно наклонился к невероятно распухшему человеку, который смотрел на него, ничего не понимая.

— Силич! — зашептал Саша, сердце его учащенно билось. — Силич, как вы сюда попали? Вы же работали с профессором Кузнецовым, ведь так?

Мужчина смотрел на Сашу, потеряв дар речи.

— Да, — наконец вымолвил он. — Я работал с ним. Еще шесть месяцев тому назад работал с ним. Но сейчас я в тюрьме.

— Я очень хорошо вас помню, Силич, — продолжал Саша нетерпеливо, — и вы наверняка должны помнить меня. Я был проповедником в общине баптистов. Ваша сестра Антонина была с нами.

— Ты Никитин? — воскликнул Силич в изумлении. — Боже мой, но тебя не узнать!

— А что с вами, Силич? Вы больны? Вам нужно показаться доктору!

— Я уже был у него, — ответил Силич, — но врач этой тюрьмы — ассистент ветеринара. И это не самое худшее. Этот парень работает рука об руку с КГБ! Пару дней назад он прошипел мне: “Ну что, Силич, ты все еще хочешь попасть в землю своих предков? Ты

уже вполне готов для небесного Иерусалима! Пошел вон, жидовская морда!” И он просто вышвырнул меня из кабинета. Не имеет смысла идти к нему во второй раз.

Саша молча покачал головой. Еще одного заключенного привели в камеру.

— Все в порядке, — объявил охранник, — все вы нарушили правила поведения в тюрьме. Если вас просят днем бодрствовать, а ночью спать, то это ваш долг, которому вы должны повиноваться! И в наказание за ваше непослушание, мы вас поместим в учебную камеру. Ага! А вот и еще один! Итак, мы наконец достигли кворума! Если бы нам не удалось собрать восьмерых, то пришлось бы отменять свидания с вашими родными и любимыми, — он зло ухмыльнулся, — к несчастью, у меня нет сейчас доктора, поэтому я вынужден лично проверить состояние вашего здоровья.

Он нараспашку открыл тяжелую стальную дверь и приказал:

— Силич, шагом марш! Идешь первым.

Силич переступил порог камеры и отшатнулся:

— Здесь так мокро и холодно! — захныкал он как ребенок. Охранник бесцеремонно втолкнул его в камеру. Потом он и его помощник начали вталкивать остальных заключенных в камеру. Сашу впихнули последним. Крошечная камера была так переполнена людьми, что было почти невозможно захлопнуть ее. Наконец, замок шелкнул. Теперь за дверью не было слышно ни крика, ни стона, даже если ходить рядом с камерой.

Уже через несколько минут почувствовался недостаток кислорода. Силич первым потерял сознание. Остальные стонали и проклинали тюремщиков. Саша пытался молиться, но очень быстро он тоже потерял сознание.

Когда дверь вновь открыли, мужчин, как мокрые мешки, вытаскивали из камеры. Лежа друг на друге, они действительно были похожи на мешки. Тело Силича лежало наполовину в камере. Его не могли вытащить. Охранники принесли ведро с водой и вылили ее на головы заключенных, лежащих без сознания. После этой “терапии” шесть человек пришли в себя и их увели в камеры. Все они были новичками в тюрьме и не знали, что есть способ спать днем и не быть пойманым.

Силич и Саша чувствовали себя после испытания очень плохо. Охранники поволокли их вверх по ступенькам. Саша, приходя в себя, услышал, как кто-то говорил:

— Этот выживет, а второй не похож на жильца.

Сначала Саша сам поднялся. Вокруг себя он видел только чужие лица. Он был в другой камере. Восемь пар любопытных глаз следили за каждым его движением.

— Ну что, земляк, кажется, тебе не понравилась “восьмерка”? — поинтересовался пожилой человек, представившись Перепелкой.

“Какие то у них забавные клички здесь”, — подумал Саша. Однако, позже он узнал, что это была настоящая фамилия этого человека.

Силич лежал рядом с Сашей, пытаясь открыть глаза, но безуспешно. Все его тело промокло насквозь.

Саша заставил себя встать и принялся за работу. Сначала он снял с Силича мокрую одежду. Перепелка дал Саше вещевой мешок, который только что принес охранник. Саша благодарно улыбнулся. Другие обитатели камеры подключились к работе. Они растерли опухшее тело Силича ледяной водой и одели на него свежее белье. Силич улыбнулся и прошептал Саше: “В вещмешке есть семейная фотография. Будь добр, дай мне ее”. Саша перерыв весь мешок вверх дном, нашел фотографию и дал ее Силичу.

— Послушай, — прошептал Силич, — фотография сделана из двух отдельных слоев. Попытайся осторожно разъединить их.

Перепелка взял из его рук фотографию и начал вертеть в руках, чтобы исследовать со всех концов. Наконец он обнаружил крошечный кончик нитки, потянул за нее и второй слой начал отделяться от фотографии.

— Какой умный еврей! — сказал Перепелка с восхищением. Все с удивлением смотрели на изумительный вид города Иерусалима. С обратной стороны фотографии, где была изображена семья Силича, они увидели еврейский текст.

Обе фотографии Силич держал в дрожащих руках. Долго он смотрел на семейную фотографию, на которой счастливо улыбались жена и дети. Силич нежно поцеловал фотографию семьи, потом долго смотрел на фотографию с видом Иерусалима. Затем он громко прочитал стихи. Саша, который три года изучал иврит вместе с сестрой Силича, перевел его слова.

— При реках Вавилона, там сидели мы и плакали, когда вспоминали о Сионе. На вербах посреди его повесили мы наши арфы. Там пленившие нас требовали от нас песен, и притесняли наши — веселья: “Пропойте нам из песен Сионских. Как нам петь песнь

Господню на земле чужой? Если я забуду тебя, Иерусалим, забудь меня, десница моя...” Слезы текли по лицу Силича. “Прилипни язык к гортани моей”, — продолжал он, — “если не буду помнить тебя...”

Его голова упала на подбитый войлоком пиджак, который подложили ему под голову вместо подушки. Он повторил на русском языке: “Прилипни язык к гортани моей, если не буду помнить тебя, Иерусалим!” Он испытующе посмотрел в лица своих товарищей по несчастью, которые кружком собрались вокруг него, пожал руку Саше и почти беззвучно попросил:

— Человек Божий, молись со мной.

Восемь заключенных смотрели, не мигая, на Сашу и Силича с затаенным дыханием, когда Саша тихо молился:

— Господи, прими душу раба твоего в Царство Твое!

— Аллилуйя! — выдохнул Силич. Он еще раз сделал глубокий вдох и умер.

Никто не заметил, что охранник уже давно открыл камеру и наблюдал за происходящим.

21. РЕЗИДЕНТ В ЭРИТРЕЕ

Сыновья старого охранника Лебедева, женившись, взяли фамилии своих жен. Их мать все же сохранила фамилию своего мужа.

Петр узнал у судьбе Лебедева по одному из многих тайных каналов связи между Россией и внешним миром. Он связался с сыновьями и теперь ожидал встречи с Алексеем Лебедевым в Базеле.

У Алексея после случайных бесед с партизанами-коммунистами из Эритреи зародилось глубокое беспокойство — от них он узнал немало такого, о чем хотелось поговорить с Петром. Лебедева-младшего встревожило положение христиан в обществе прокоммунистической ориентации, а Петр имел более полное представление об этом, он ведь так долго жил в Советском Союзе.

Загоревший под солнцем Африки, кипя радостью жизни, Алексей уселся напротив Петра за столиком одного из лучших ресторанов Базеля. Сначала он хотел побольше узнать о своем отце. Выслушав Петра и убедившись, что они могут быть откровенны друг с другом, Алексей начал рассказывать о себе.

В Эритрее он прожил десять лет. Трудился миссионером и основал там много новых христианских общин. Все эти годы он делал запросы в министерство иностранных дел Советского Союза,

спрашивая о судьбе своего отца. Обычно никакого ответа не было. Но однажды он получил ответ, в котором говорилось, что о судьбе его отца ничего не известно. А его матери сотрудник советского посольства в Париже сказал, что Лебедев пропал во время войны. Но пожилая женщина слишком хорошо знала советских аппаратчиков, чтобы поверить их сообщению. Она продолжала посылать письмо за письмом на их домашний адрес. К сожалению, все ее письма “терялись при пересылке”.

— Не было оснований сомневаться в достоверности этих фактов, — говорил Алексей. — Но мы интуитивно предполагали, что за этой завесой секретности что-то кроется. Мы думали, что отец, возможно, пал жертвой репрессий Сталина и Бериин. Но власти должны были бы знать это. Мы с женой закончили учебу в Библейской школе Сент Кришон, где и поженились. Оттуда нас послала в Эритрею миссионерская организация. Каждые четыре года мы приезжали домой в отпуск. Мы всегда были в финансовом затруднении, так как группа, которая поддерживала нашу миссию, была очень мала. Мы часто оказывались в большой нужде. Когда мы возвратились на свою миссионерскую станцию из последнего отпуска, я приготовился к посещению всех общин, которые там основал. Я был уже на приличном расстоянии от нашей станции, когда, остановившись у бензоколонки, услышал, что кто-то сзади зовет меня по старому имени, — Алексей Лебедев. Так как я был абсолютно один, то испугался. Вокруг меня на многие мили раскинулась степь и, кроме служащего бензоколонки, никого не было. Больше всего меня озаботило то, что мое имя было произнесено на чистом русском языке, без акцента. Я резко повернулся. Навстречу мне спешил европеец с тросточкой. Когда он наконец поравнялся со мной, то мило улыбнулся и протянул руку для приветствия: “О, как приятно встретить вас здесь! Какое удивительное стечение обстоятельств!” Я пожал его руку и спросил: “Кто вы?” Мое сердце колотилось, у меня было какое-то особое предчувствие, даже колени задрожали. Незнакомец не ответил на мой вопрос, но сказал: “У меня есть новости о вашем отце. Мы можем присесть? Я ужасно устал”. Вопрос за вопросом возникали у меня. Все это было очень любопытно. Незнакомец бегло говорил по-русски, а я в свою очередь, мучился со своим русским языком, так как дома мы говорили по-французски. Все таки я сел рядом с незнакомцем. “Ну не удивительно ли это? — сказал я, — получить известие о своем отце в центре далекой Эритреи!”

— Я был несколько наивен, — продолжал Алексей, — что ждал письма от моего отца или хотя бы клочка бумаги с его приветствием. Но незнакомец сказал: “Ваш отец передает вам устный привет. Он очень тоскует по вас. Я здесь с группой ученых, которые проводят антропологические исследования. Мы будем здесь еще несколько недель. Я должен сообщить, что ваш отец жив-здоров, но огорчен тем, что вы сменили фамилию”. У незнакомца была обезоруживающая улыбка, он был исключительно учтив и дружелюбен, поэтому я отказался от каких-либо подозрений. Поверив в то, что он был никем иным, как ученым, я пригласил его к себе домой. Оказалось, что поблизости у незнакомца стоит его служебный автомобиль. Мы поехали и через час сидели за нашим столом и пили чай с моей женой и маленькими дочерьми. Наши девочки были очарованы незнакомцем. Вскоре они уже взбирались к нему на колени, прыгали на пол, а он мягко поглаживал их по волосам.

— Наш гость говорил с моей женой по-французки. Они быстро стали друзьями. Ничего не подозревая, моя жена рассказала ему, что у нас было много трудностей с партизанами-коммунистами, которые терроризировали соотечественников. Незнакомец, который предложил называть его Евгением, ответил: “О, мои дорогие, местные партизаны превратно понимают марксизм. Наше правительство с большой озабоченностью наблюдает за действиями этих убийц”. Уже тогда эфиопские коммунисты создавали множество проблем. У Маркса они прочли, что “религия — опиум для народа” и искренне поверили, что делают доброе дело, убивая лучших эфиопских проповедников.

После чая мы перешли на крытую веранду и продолжили разговор. Моя жена, извинившись, занялась детьми, поэтому мы говорили наедине. Гость много рассказывал о России, расписывая все в ярчайших красках. В результате я так затосковал, что слезы появились у меня на глазах.

— Послушайте, Лебедев, — вдруг сказал он, — я вижу, что в этой стране у нас с вами общий враг, с которым мы обязаны бороться. Я думаю, нам нужно работать вместе.

— О каком враге вы говорите? — спросил я удивленно. Но он мне не ответил и начал прощаться.

— Вы не покинете нас так быстро? — разочарованно спросила моя жена.

Он успокоил ее, сказав:

— Если вы не против, я бы хотел к вам еще придти.

— Конечно же, пожалуйста, приходите, сколько хотите. Это принесет нам радость!

Незнакомец очаровательно улыбнулся, поспешил к машине и вернулся с пакетом.

— Это, — сказал он — лично для вас!

Моя жена покраснела и пробормотала:

— Спасибо, это совсем не обязательно.

Незнакомец еще раз поднял в приветствии руку, сел в машину и уехал.

Мы долго смотрели ему вслед. Потом развернули его подарок. Там было три тысячи долларов. Я был сбит с толку. Моя жена начала плакать и смеяться одновременно, восклицая опять и опять:

— Слава Богу!

Я должен сказать вам, что мы хотели послать нашу старшую дочь учиться во Францию, но пансионат стоил очень дорого. И вдруг такой щедрый подарок — три тысячи долларов.

— Почему же вы не послали своих детей в школу для детей миссионеров? — спросил Петр.

— Это требует некоторых объяснений. Я расскажу позже, — ответил Лебедев. — В любом случае мы опять и опять просили Бога послать нам помощь, в которой нуждались. Но эти три тысячи долларов ставили меня в затруднительное положение.

— Мари, — сказал я жене, — мы вернем эти деньги.

Но моя жена не хотела слышать об этом.

— Сегодня утром я просила у Господа доброго знамения! — кричала она со слезами на глазах. — Я знала: если сегодня мы не получим никакого известия, то это будет знамением, что мы не должны посылать Мишель в пансионат. Но, видишь, почта еще не пришла, а Господь уже послал нам деньги!

Я пошел в свой кабинет абсолютно разбитый. Я готов был плакать.

— Партизаны-коммунисты действовали, в основном, в горах. Мы так часто слышали выстрелы, что уже привыкли к ним. Их тайники были в селах. И мы их знали. Они не обращали на нас особого внимания, зная, что наша единственная забота — проповедь Евангелия, но убивали проповедников, принадлежащих к их народу. Через несколько дней незнакомец опять появился в нашем доме. К сожалению, я был в отъезде. Когда я вернулся, то увидел его машину,

стоящую перед нашим домом. Заметив меня, он вдруг заторопился, попросился и уехал. Мари просто цвела. “Евгений очень привлекателен, — сказала она, — и кроме того, очень знаящий”. Слово за слово стало понятно, что он спрашивает ее о партизанах и она уже рассказала ему все, что знала. Он объявился еще раз и сказал, что собирается в Париж, а оттуда домой. Опять меня не было. Моя жена дала адрес своих родителей и попросила нанести им визит, передать привет и маленькие подарки от нас.

Лебедев замолчал. Официант безмолвно убрал тарелки с бифштексом. Петр удивленно посмотрел вслед и подмигнул Алексею, который рассмеялся. Пока бифштекс подогревался, Алексей продолжал свою историю.

— Я долго не мог успокоиться после посещений “Евгения”. Особенно, когда узнал от дочери, что он оставил моей жене еще пять тысяч долларов, их дочь должна была взять в Париж на расходы в пансионате. Как и раньше, Мари считала этого человека посланником неба и живым доказательством тому, что христиане в России имеют полную свободу. Но я начал замечать, что мой труд больше не был так благословен, как раньше. Что-то стояло между мной и Богом. Я начал поститься и просить Бога открыть мне, что же стояло за этими странными событиями.

— Мне не пришлось долго ждать ответа. Однажды священник коптской церкви по имени Абдулла побывал на нашей миссионерской станции. Он привез самые сердечные приветы от “Евгения” и попросил нас впредь передавать ему наши сообщения о партизанах-коммунистах. Я был поражен этим и спросил гостя:

— Зачем вам нужна эта информация?

— Мы, христиане, должны бороться за марксизм, — ответил Абдулла, — так как Бог завещал нам жить в братстве, равенстве и любви. Но эти партизаны толкуют марксизм неправильно и приносят этим много вреда. Поэтому мы должны бороться против них.

— Я миссионер, а не шпион! — был мой ответ. — Труд всей моей жизни — проповедь Евангелия марксистам и не марксистам, всем людям, которых я призван вести к вере в Иисуса Христа.

Абдулла снисходительно улыбнулся и ответил:

— Я тоже христианин, дорогой мой, и верю в Христа так же твердо, как и вы. Но практическая свобода человека приходит через марксизм.

— По вашему наш Спаситель не Христос, а Маркс? — огрызнулся я.

Тогда Абдулла показал мне фотографии моего отца, стоящего у своего дома. Конечно, я уже не помнил своего отца. И Абдулла сказал мне:

— Это ваш отец. Если вы откажетесь помогать русским, ему будет плохо.

Потом он вынул другую фотографию. На ней была моя жена, принимающая деньги от “Евгения”.

— Поверишь ли, Петр, что я только что получил деньги? Семья моей жены узнала, что мы переживаем финансовые трудности и переслала нам двадцать тысяч долларов на учебу нашей дочери. Не ирония ли это? У нас были гости из села, которые тоже оставили девять тысяч долларов, чтобы мы могли заплатить за пансионат дочери.

— Я посмотрел на обе фотографии, встал и ушел в свой кабинет. Случилось так, что там сидел мой коллега, читал и ждал возможности поговорить со мной. Я попросил его взять фотоаппарат и сделать несколько снимков. После этого я достал из стола восемь тысяч долларов и пошел назад к Абдулле.

— Вот деньги, которые “Евгений” или как его там по-настоящему зовут, дал моей жене, — сказал я священнику. — Пересчитайте! — Он стоял в нерешительности, держа деньги, пока мой черный друг был занят фотографированием, снимая кадр за кадром. Абдулла спрятал деньги и быстро ретировался.

Моя жена испуганно наблюдала за всем происходящим. Но когда ей стало ясно, что мы были на волосок от опасности, она плакала и умоляла меня простить ее.

* * *

Официант вернулся с подогретым бифштексом:

— Хотите есть?

Петр и Лебедев сказали хором:

— Да, конечно! Спасибо!

Они еще немного посидели в приятной атмосфере ресторана. Петр рассказал Лебедеву об Ирине и ее друзьях, которые все еще пребывали в психиатрической лечебнице, сообщил, что через них была установлена связь с Алексеем.

— Итак, это правда? — сказал Лебедев. — А я не мог поверить этому. Местные партизаны не раз повторяли мне: “Когда мы придем к власти, вы окажетесь в сумасшедшем доме. Только дураки могут поверить в библейские бредни”. Оказывается в России они уже добились своего и признали верующих душевнобольными. О, как это жестоко!

Взволнованный услышанным, Лебедев решил добиваться встречи в советском посольстве, чтобы заявить протест против содержания верующих в психиатрических лечебницах. Его голос не был услышан.

22. СУРОВОЕ ИСПЫТАНИЕ

“В обществе будущего, которое будет обществом гармонии и свободы, не будет ни судов, ни тюрем. Вместо этого, пораженные дурными страстями будут отправлены в больницы, а в случаях неизличимости, будут изолированы в специальные колонии на островах”.

Один из учителей Карла Маркса

В Черняховске было холодно, когда Василий Кузнецов, Семен Анакин и Валентин Релин вышли из “черного ворона”. Не было ни следствия, ни суда. Вместо этого их “осмотрел” психиатр. Был поставлен диагноз — шизофрения.

В институте Сербского доктор Кошкин осмотрел Кузнецова с ног до головы и спросил небрежно, как будто за вопросом стояло что-то незначительное:

— Вы действительно верите в существование Бога?

Василий ответил с достоинством:

— Да, я верю этому.

Кошкин пожал плечами и вышел из комнаты. Василий вернулся в свою камеру.

Женщина-врач говорила с Семеном Анакиным и Валентином Релиным.

— Что вы думаете о религии? — спросила она так осторожно, как обычно спрашивают о чем-то глубоко интимном, внимательно наблюдая за реакцией Анакина. Он посмотрел на нее и ответил:

— Я верю в Бога. Убежден, что жизнь человека продолжается после его земного существования. Ведь его душа бессмертна.

— И вы хотели убедить правительство, что ваши идеи должны свободно распространяться по всей России?

— Не мои идеи, но Евангелие Иисуса Христа, как оно дано нам в Библии.

Больше вопросов не было. Анакина отвели в камеру.

Эта же женщина говорила с Релиным.

— Библия не более, чем сборник сказок, которые были придуманы угнетенными народами, чтобы облегчить свою участь, вселить надежду. Вы верите в пророчества этой Книги?

— Да, — лаконично ответил Релин.

Врачиха внезапно начала расспрашивать его о детстве, образовании, работе по профессии. Когда Релин сказал ей, что изучал медицину, она перебила:

— Как вы можете совмещать медицину с религией?

Релин попытался объяснить ей:

— Иисус Христос учит нас в Своем Евангелии служить Богу и человеку. По этой причине я считаю, что профессия врача представляет идеальный путь служения человечеству. Однако я не мог найти для себя места в больнице из-за моих религиозных убеждений. В советских больницах возможны верующие санитарки, отчасти медсестры, но не врачи.

Психиатр продолжала задавать ему вопросы, записывая ответы в тетради:

— Не чувствуете ли вы определенного разделения личности, когда пытаетесь совместить ваше научное мышление со своими религиозными убеждениями? — спросила она.

— Ничуть, — спокойно ответил Релин, — если бы дело было в этом, то даже обладатель Нобелевской премии Павлов был бы признан больным шизофренией. Он ведь был истинным и верным христианином.

— Возможно, — улыбнулась врачиха, — возможно.

Релина увели в камеру.

Дежурный врач специальной психиатрической больницы Черняховска принял их, не сказав ни единого слова, просмотрел их личные дела и на время вышел из комнаты. Потом вернулся и приказал следовать в свои камеры.

Василий вошел в полутемную камеру и увидел на кровати здоровенного парня. Он лежал на боку и разглядывал Василия с поднятыми бровями.

— Добрый день, — сказал Василий.

Ответа не было.

Он прошел к своей кровати и сел. Итак, я теперь умственно больной человек, сказал он себе. И содрогнулся, поняв, что может пройти много лет, прежде, чем его выпустят. Он начал тихо молиться. Вдруг его сокамерник заговорил:

— Неужели кто-то вроде Бога действительно существует? — спросил он, все еще лежа на кровати.

Василий поднял голову и ответил:

— Без сомнения!

— Если есть Бог, то почему мы здесь, ты и я? — мужчина сел и посмотрел в лицо Василию.

— Бог еще не открыл мне этого, — ответил Василий, — но я уверен, что причина позже станет мне понятна.

От сильного, резкого удара Василий упал с кровати. Его сокамерник кричал и злословил. Это произошло так быстро, что Василий подумал, не поместили ли его в камеру с действительно больным человеком. “Нужно его успокоить!” — подумал он.

Василий схватил парня за ногу и со всех сил дернул. Человек упал навзничь и начал кричать:

— Помогите! Убивают!

Дверь камеры сразу же открылась, несколько больничных санитаров вбежали в камеру и набросились на Василия. Они закрутили ему руки за спину и начали выталкивать из камеры. Дежурный “врач” поспешил к ним.

— Что здесь происходит? — спросил он у санитаров.

— Припадок! Новичок начал избивать своего соседа по комнате.

Доктор ухмыльнулся и прокомментировал:

— Один духовник избивает другого! Это действительно что-то! Отведите его в успокоительную камеру!

Василия повели по коридору. Теперь ему было ясно, что любое сопротивление здесь бессмысленно. Санитары начали бить его. Он принял это покорно. Когда на него одевали смирительную рубашку, один из санитаров съязвил:

— Ну, в этом месте он быстро забудет своего Бога!

Смирительная рубашка была сделана из ткани, которая садилась, когда на нее лили воду. И эта усадка так сдавливала тело жертвы, что она теряла на некоторое время сознание. Использование такой рубашки позволялось только в присутствии врача или дежурного офицера.

Одев на Василия смирительную рубашку, санитары приподняли его и повесили на крючок, вбитый в потолок. Потом начали поливать водой из шланга. Рубашка сжалась вокруг груди и Василий начал задыхаться. “Врач” подошел к нему и сказал:

— Посмотрим, Кузнецов, поможет ли тебе твой Бог теперь!

Санитары перестали поливать. Василий задыхался:

— Пусть Господь простит вам ваши злодеяния!

“Врач” усмехнулся:

— Полушкин тоже сначала так говорил!

Василия отвели назад в камеру и бросили на кровать. Много времени прошло, прежде чем он пришел в себя.

“У меня было такое чувство, будто в голове стоял густой туман”, — объяснял он позже, — “я ни на чем не мог сосредоточиться. Потом вдруг слова Иисуса пришли мне на память: “...но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую”. После этого я решил не оказывать никакого сопротивления. Все, что они не делали бы со мной, будет безразлично для меня. И если мне было суждено умереть, то и к этому я был готов”.

Ему сделали укол и тело полностью расслабилось. Мозг больше был не в состоянии что-то понимать. Василий стал безразличен ко всему происходящему.

Пришла ночь. Его сокамерник Полушкин не мог спать. Василий тоже не мог уснуть. Он встал и пошел к туалетному ведру. Когда он вернулся к кровати, Полушкин спросил у него:

— Ты знаешь Кошкина?

— Да, — ответил Василий. Он мог двигаться только медленно. Каждая косточка, каждая мышца его тела болели. Он лег, закрыл глаза и пробормотал:

— Как странно. Как необычно!

— Что странно? — заинтересовался Полушкин.

Василий говорил как бы сам с собой: “Мы, пастыри церкви Иисуса Христа, ответственны за сохранения мира и должны показывать свою любовь всему человечеству, несмотря на то, что они делают нам зло. А вместо этого мы пбили друг друга”.

Полушкин понял, что это относится именно к нему:

— А знаешь ли ты, сколько я уже нахожусь в этом забытом Богом месте? — спросил он, оправдываясь. — Ты можешь себе представить мое положение? Моя собственная жена напечатала клевет-

ническую статью против меня в газете и потом вышла замуж за другого. И мои дети, мои близнецы, помещены в интернат!

Василий не ответил ему. Он продолжал думать вслух: “Несколько лет назад я знал человека по имени Полушкин. Некоторое время он работал со священником Абдуллой. Абдулла был членом коптской церкви в Египте. Нам сказали, что этот человек был фанатичным марксистом. Тогда я этому не поверил. Абдулла был таким честным и добрым. Он всем желал только добра. Полушкин много времени проводил в компании с Абдуллой. Несколько раз он ездил с ним за рубеж. Потом вдруг Полушкин исчез. Ходили слухи, что КГБ упрятал его в сумасшедший дом”.

Громкие крики и стоны прервали Василия. Он поднял голову с подушки и прислушался. В коридоре слышались быстрые шаги, сердитые окрики санитаров и крики “больного” пациента. Василий ужаснулся. Полушкин, который уже привык к этим звукам, казалось, ничего не заметил. Он сидел на своей кровати, уставившись на Василия.

— Скажи-ка, а ты тот самый Кузнецов? — спросил он голосом, в котором слышалось изумление.

— Что ты имеешь ввиду, говоря “тот самый”? — поинтересовался Василий, ковыляя через комнату.

— Когда я был связным между КГБ и международным отделом патриархата, мой начальник, майор Лефтов часто упоминал твое имя. Его очень раздражала твоя религиозная деятельность.

— Да? — улыбнулся Василий. — Он был зол, да? Это хорошо. Пусть злится. Но ты за что угодил сюда?

— Ты знаешь, что новости о преследовании церкви в СССР циркулируют в западных странах. Мне дали задание избавить мир от этих слухом. Я пригласил нескольких церковных деятелей в нашу страну. Это было сделано для того, чтобы позволить им самим убедиться, что все слухи сфабрикованы. Вначале нам во всем везло. Но когда мы перешли к вербовке американского епископа, то потерпели неудачу. Нужно было нейтрализовать его. Чтобы достичь этого, договорились подложить ему в постель молодую красивую женщину.

Василий удивленно поднял брови:

— Это же глупо! И что же дальше?

Он сел на кровати и стал внимательно слушать рассказ Полушкина.

— Епископ отказался сотрудничать с КГБ. Это поставило нас в сложную ситуацию. Он ведь мог все рассказать. Ты можешь себе представить, что бы случилось? Все, что мы могли сделать — подсыпать снотворного ему в пищу. Потом наняли милую девушку и сфотографировали их в постели в тесных объятиях. Затем показали епископу фотографии и потребовали, чтобы он держал рот на замке, иначе мы опубликуем эти доказательства его аморального поведения. Он уехал на родину, и вскоре, как я узнал, умер. Тем временем моя жена узнала о моей деятельности от брата, работающего в патриархате. Она очень негодовала и потребовала от меня объяснений. Я побил ее. В отчаянии она пошла к баптистскому проповеднику и все ему рассказала. Он утешил ее и пригласил стать членом их общины. И там она выразила желание посвятить всю свою жизнь служению Господу. Она была матерью наших бизнесменов. Поэтому, я пошел к своему начальнику майору Лефтову и сказал, что больше не могу жить ложью и вести “двойную жизнь”. Он спросил меня, что это значит — “двойная жизнь”. Я ответил, что служение церкви несовместимо с работой КГБ. Лефтов нагло улыбнулся и заявил:

— Ты прав, когда говоришь о двойной жизни. Это — раздвоение личности, ты шизофреник.

И с того времени я здесь. И больше не видел своей семьи. Полушкин умолк и страдание исказило его лицо.

— Твоя жена долго тебя искала, — мягко сказал Василий. — Газетная статья появилась вопреки ее желанию, она ее не писала. Когда ей сказали, что муж умственно больной, с ней случился инфаркт и она умерла.

Полушкин вскочил со своей постели:

— Но мне же сказали, что она вторично вышла замуж!

— Это ложь и не более. Но если ты позволишь мне дать тебе совет, пожалуйста, молчи об этом. Никаких больше приступов бешенства, никаких больше жалоб твоему патриарху. Твои письма дальше КГБ не идут, ты знаешь это. Держи свои чувства под контролем. Твои дела ждут тебя. И вообще, они не в интернате, а у своей бабушки.

— Откуда ты все это знаешь? — возбужденно спросил Полушкин.

Ключ начал вращаться в двери. Полушкин и Василий быстро спрятались под одеялами. Василий притворился крепко спящим. Офицер и санитар вошли в камеру.

— Этот не скоро проснется после галоперидола, который мы ему ввели, — сказал санитар, указывая на Василия.

Офицер вблизи посмотрел в лицо Василию и спросил:

— Кто поселил его в эту камеру?

— Дежурный врач, — ответил санитар.

— Болваны! — вспыхнул офицер. Сделайте еще один укол, чтобы он проспал до завтрашнего утра и не смог узнать своего соседа. И другому тоже такой же укол, — он выпалил последние указания, выходя из камеры.

Когда дверь закрылась на ключ, Василий прошептал:

— Полушкин, оставайся твердым! Не оказывай никакого сопротивления. Я знаю, сколько вреда могут принести эти таблетки и уколы, но оставайся твердым. Оставайся твердым для Бога и своих детей. Завтра обязательно разделят нас.

Дверь опять с легким скрипом открылась и вошло четыре медика. Они поспешно сделали уколы, удивляясь, почему Полушкин так спокоен — обычно он оказывал яростное сопротивление и ругался, как извозчик. Полушкин и Василий уснули, скорее это было похоже на транс. До утра они уже не обменялись ни словом.

На следующий день Василия перевели в камеру, занятую человеком, который убил районного комиссара.

* * *

Старый Лебедев подал заявление об уходе на пенсию. Никто не удивился этому, он и впрямь был стар. Начальство знало, что ему можно доверять, он многое видел, но будет хранить молчание.

Лебедев вошел в камеру Ирины и сказал:

— Твой отец передает тебе привет. Будь спокойна и не вешай голову. Я уйду отсюда, — с этими словами он ушел.

Вскоре после этого Ирину забрали к Кошкину. Тот сидел за столом, перелистывая дело Ирины.

— У тебя повышенная сексуальная возбудимость, Соколова, — небрежно объявил Кошкин, указывая на стул напротив себя.

Ирина уже была знакома с методами допроса. КГБ заранее готовил и медицинские диагнозы. В ее деле были подшиты поддельные фотографии Козлова. Но она была шокирована, увидев фотографии, которые, должно быть, были сделаны в Крыму. Она и Саша Никитин вместе шли к морю купаться. Была также фотография, на которой она уплывала от Саши, он пытался догнать

ее. Она вдруг вспомнила совет руководителя общины, покаяться в том, что она купалась в обществе молодого мужчины. Ирине совет показался неприемлемо странным. Удивленная, она спросила, почему ей не верят. Пресвитер пробормотал:

— Ладно, посмотрим.

Ирина в то время была так занята другими делами, что не обратила внимания на слова проповедника. Теперь ей вдруг все стало ясно. Они уже давно вооружились этим “делом”, решила она. Но почему же пресвитер ничего не сказал ей?

Пока эти мысли носились в голове Ирины, Кошкин изучал другие фотографии, неодобрительно покачивая головой.

— Ну что же это? — сказал он, показывая ее фотографию в компании с Василием Кузнецовым. Василий шутливо дергал ее за ухо “в наказание” за что-то. На следующей фотографии она была с Виктором, сыном первого секретаря районного комитета партии. В то время она была еще студенткой. Виктор подстерег ее в коридоре института и на глазах у всех расцеловал. Кто-то уже тогда их сфотографировал. Вообще-то она сразу же ответила Виктору “любовной пощечиной”, но этого уже никто не фотографировал.

Кошкин пропустил фотографии между пальцами, как игральные карты:

— Судя по всему вы уже не девушка.

— Это неправда, — возразила Ирина.

— Но почему же? — спросил Кошкин, недоуменно глядя на нее.

— Медицинское освидетельствование легко опровергнет эту клевету, — сказала Ирина, кивнув на фотографии.

— Ну, не скажите! — Кошкин все еще разыгрывал удивление.

“Почему я должна ему что-то объяснять?” — подумала Ирина. Как доверенный врач КГБ он прекрасно знает, что все это сфабриковано. Кошкин отложил фотографии и остановил свой взгляд на Ирине.

— Я разговаривал с твоим отцом. Я не знал, что он известный психиатр. Как могло такое раздвоение развиться под крылышком такого образованного человека? С одной стороны — ученый, с другой — христианка! Какой парадокс! — говорил Кошкин, как бы обращаясь к самому себе.

Отец Ирины предупреждал ее, что такие ситуации могут быть особенно опасны и нужно быть особенно осторожной, чтобы не дать психиатру из КГБ повода объявить “пациента” шизофреником.

Внезапно Кошкин встал и пошел к телефону. Он набрал номер и сказал в трубку:

— У меня сейчас Соколова. Вы не хотели бы поговорить с ней?

Он повернулся к Ирине:

— С вами хотят поговорить!

Девушка подошла к телефону и взяла трубку в тайной надежде, что на другом конце провода может оказаться отец. Ее голос немного вздрогнул, когда она назвала свое имя.

— Великолепно, Ирина, — сказал мужской голос в трубке. Это был Козлов!

Глаза Ирины наполнились слезами и она отвернулась к окну. Трубка все еще была в ее руке.

— Ирина, образумьтесь! Оставьте эту глупую затею, откажитесь от идеалистического увлечения! Они упрячут тебя в сумасшедший дом до конца твоих дней! Ирина, я все еще люблю тебя, я хочу тебя спасти!

Ирина с отвращением бросила трубку, не проронив ни слова.

— Понимаю, — саркастично заметил Кошкин, — ко всему прочему вы страдаете еще и отсутствием самообладания.

“Это он хочет, чтобы я потеряла самообладание”, — раздраженно подумала Ирина. Она села на один из стульев и начала тихо молиться.

Кошкин еще куда-то звонил. После этого велел увести ее. В тот же день Ирина была определена в психиатрическую лечебницу.

23. КАРТЫ

После трех недель, проведенных в карцере, Сашу Никитина перевели в другую камеру. Еще раз он оказался в компании Гусака, который избил его в камере номер 511. После столь тяжелого испытания Саша был похож на скелет.

— За что они запихнули тебя в карцер, братан? — дружелюбно поинтересовался старый вор Сокол, сидевший уже седьмой раз.

— Когда еврей Силич умирал, то попросил меня помолиться с ним, — объяснил Саша. — Это все, что я сделал.

Камера не была так переполнена, как остальные. Здесь было только двенадцать заключенных на восемь коек. Из сожаления к Саше Сокол предложил ему свои нары, чтобы он мог восстановить силы после оцепенения в карцере. У Саши было полное изнеможение, резкий упадок сил, поэтому он с благодарностью лег на нары, пока

другие прислушивались, чтобы охранники не застали Сашу спящим. Щетина Саши, которая начала уже сесть, была полным контрастом цвету его лица. Он уже считался “ветераном”. Заключенные доверяли ему. Только Гусак, один из всех, стремился быть подальше от него.

Вещевой мешок, который Саша оставил в камере номер 511, был возвращен ему без колбасы, которая к этому времени была уже съедена. Однако ему оставили запас сухарей! Истощенный, Саша лежал на нарах и с удовольствием грыз мамин сухарик, приглашая и других угощаться.

В течении дня дверь камеры открывалась великое множество раз. Обитатели камеры все время должны были быть на чеку. Опять и опять кого-то забирали на допрос. Иной раз тюремный начальник делал обход камер. Каждого два раза в день водили “на оправку”. Несколько раз приходили особые комиссии, чтобы выслушать жалобы или сообщить постановления суда обитателям камеры. Несмотря на эти посещения, заключенные ухитрялись играть в карты, а в углу камеры заваривался сильный чифир: крепкая дурманящая настойка чая. Заключенные проносили контрабандой даже деньги и гашиш.

— Вставай, вставай, Саша! — закричал Сокол. Саша вскочил с кровати. Начальник уже открывал дверь. В камеру толкнули Бублика. Мужчины не верили своим глазам — он сиял. Победная улыбка играла на его губах. Дверь резко захлопнулась. Обитатели камеры обступили Бублика и начали расспрашивать о результатах суда.

— Сколько дали, приятель? — поинтересовался Гусак.

Бублик почесал лоб, задумался на минуту и объявил:

— Они хотят дать мне десятку, а может и больше. Надо мной висело пять килограммов гашиша! — он искоса посмотрел на Сокола и заговорщицки подмигнул ему. — Ну, как? Идем на дело вдвоем?

— А у тебя есть хоть немного? — спросил Сокол дрожащим голосом.

— Естественно! Смотри за дверью. Наблюдайте кто-то за охранником! — Бублик открыл рот и начал прощупывать что-то внутри. Наконец нащупал конец нитки, привязанной к одному из зубов, и потянул за нее. После подергиваний и покашливаний он вырвал из собственной глотки полиэтиленовый пакетик с гашишем. Он проглотил его при свидании с матерью. Нитка во рту и пищевод должно быть очень беспокоили его.

Сокол взял пакет с гашишем и сразу же спрятал его.

— Попробовать можно только ночью, — ухмыльнулся Бублик.
— Но это еще не все, что у меня есть!

Он посмотрел на человека, стоящего на страже и начал снимать брюки. Соколу сказал:

— На заднице увидишь пластырь, под ним нитка. Дерни за нее сильно.

Вскоре Сокол уже полоскал маленькую капсулу. Бублик победно улыбался.

Сокол распаковал содержимое и пожаловался: “О, да здесь же религиозная книжка!”

— Что? — сердито закричал Бублик. — Там должна быть тысяча рублей!

— Деньги тоже здесь, — сказал Сокол, спеша успокоить Бублика. Несколько сотенных.

Бублик проигрался в карты. Ветераны тюрьмы играли в “двадцать одно” — строго запрещенную игру. Всех, пойманных за этой игрой, строго наказывали.

Саша не имел представления, как заключенные пронесли карты в тюрьму, но они все же это делали. Если в карты играло шесть человек, то оставшиеся стояли у двери на страже.

Сокол выиграл у Бублика тысячу рублей. Личные деньги тоже строго запрещались и если их находили, то отбирали. Но для ярых картежников все правила и ограничения режима существовали только на бумаге.

Действительно, было глупо играть, не имея чем заплатить. Ставки могли включать почти все, начиная от зубной щетки и до последних штанов. Солидная часть печально известных карточных игроков проигралась до последней нитки и не могла заплатить свои долги. Проигравшие становились предметом презрения для остальной группы, их использовали в гомосексуальных связях. А случалось, убивали. Можно было искупить долг, убив другого человека, например, информатора.

Бублик просмотрел маленькое Евангелие от Марка, напечатанное на очень тонкой, дорогой импортной бумаге. Саша был среди заключенных, заглядывающих через плечо Бублика, когда Гусак вырвал брошюру из его рук.

— Выбросишь этот мусор в парашу, идиот? — заорал он. И уже поднял крышку, когда Сокол сильным ударом отшвырнул его в угол.

— Если ты сделаешь это, разорву в клочья! — И Сокол вырвал брошюру из рук Гусака.

Дверь опять открылась.

— Никитин! Приготовься к допросу! — крикнул охранник.

Как мог Саша “приготовиться”? Отутюжить брюки и рубашку? Побриться? Как был, вышел он из камеры и вскоре оказался в комнате для допросов. Напротив Саши сидели мужчина и женщина.

Саша знал, что где-то у него были родственники с маминой стороны, но никогда их не видел. Поэтому он не мог знать, что мужчина, стоящий перед ним, был его дядей. Работал он в идеологическом отделе КГБ.

Дядя Саши изучающе посмотрел на него. Потом начал разговор:

— Ты похудел, Саша. Конечно, ты не можешь знать меня. Но я брат твоей матери, а это моя жена Нина.

Саша посмотрел на необычных посетителей, не зная, что сказать.

Нина поняла его затруднение и сказала, мило улыбаясь:

— Конечно, ты удивлен, увидев нас здесь. Твой отец ничего тебе не рассказывал о нас?

У нее был приятный мягкий голос.

И вдруг Саша почувствовал себя опять дома. Как будто домашний покой опять обнял его, и, казалось, у него осталось единственное желание положить голову на плечо своему дяде и выплакать все свои несчастья. Он был так истощен и слаб! Все его существо умоляло родственников: “Заберите меня отсюда! Заберите меня из этого дома ужасов!”

— Мне сказали, что они здесь не очень хорошо с тобой обращаются, — сказал дядя рокочущим басом. Синицын погладил Сашу по бритой голове и вздохнул.

Для Саши немного было нужно, чтобы заплакать. Но он взял себя в руки. “Не очень хорошо? Я, как слуга Божий, не в состоянии ходатайствовать за других! Они у меня даже воздух забрали, которым я дышу! Нехорошо! Да знаете ли вы, что здесь происходит!” Саша проглотил боль и ничего не сказал.

— Саша, ты только месяц пробыл в тюрьме, а они уже так избили тебя, — продолжал дядя. — Не пришло ли время взяться за ум и возвратиться к прежней деятельности в официально признанной церкви? Перестань делать глупости!

Воспоминания о группах по изучению Библии всплыли в памяти Саши. Эта группа называлась “Назад к источнику”. Как трудно было убедить христиан из разных конфессий сесть вместе вокруг Библии! Какие баталии закипали по поводу каждого толкования, показавшегося неправильным! И в обмен Господь излил благословения на эти маленькие молитвенные ячейки по изучению Библии. И теперь это называют “глупостью”? Кто же эти люди, называющие “глупостью” столь благородный поиск?

Саша устало поднял голову и посмотрел на Сеницына.

— Я, правда, очень рад встретить близких родственников моей мамы, — сказал он с некоторой заминкой. — Но я не делал никаких глупостей, как вы называете их, дядя Миша. У меня нет никаких противоречий с проповедниками официальной церкви. Наоборот, я всегда поддерживал с ними отличные отношения. И до этого дня я не знаю, почему арестован.

Сеницын, встав и похажив некоторое время по комнате, опять сел возле жены. Задумавшись, он сказал:

— Ты знаешь, когда-то я сам был проповедником, пытаюсь приобрести весь мир для Христа и Его вести. Когда люди из толпы приходили к Господу через мои проповеди, я говорил своей будущей жене: “Если бы все люди искренне служили Богу, тогда исчезли бы эксплуатация, обман, угнетения, расовые проблемы, воцарился бы мир и люди жили бы в любви друг с другом”. Словом, Саша, это было бы спасение, предсказанное в еврейском пророчестве. Я проповедывал учение Христа с таким убеждением и пылким рвением, что даже убежденные атеисты слушали меня. Я думал, что христиане, верные Слову Христа, готовы умереть друг за друга с песней на устах. Я надеялся, что через страдания верующих миллионы неверующих оценят красоту и истинность учения Христа. Мой духовный отец и наставник научил меня этому и я верил. Потом пришли ужасные 1937 и 1939 годы. Полмиллиона невинных были убиты. И как ты думаешь, кто предал меня? Мой учитель! Да, Саша, именно мой учитель, который так любил проповедовать о вере в Христа! Это так озлобило меня, что, будучи в карцере, я предал всех своих братьев-проповедников! Да, я пережил все это и выжил, а других уж нет. Не выжила и моя дорогая сестра Лена. Саша, поверь мне, все христианские лидеры — оппортунисты, предатели, авантюристы. Я знаю, что говорю. Ты слушаешь меня? Я каждый день

встречаюсь с ними в идеологическом отделе Центрального Комитета. То, что ты берешь на себя, не стоит такой боли, поверь мне!

Синицын действительно верил в то, что говорил. Его голос выражал столько силы, что тронул сердце Саши. Более того, он должен был признать, что во многом Синицын прав.

— Вы, должно быть, во многом правы, дядя Миша. Но, видите ли, тот факт, что вас предали, а потому вы предали, не вносит никаких изменений в учение Христа. Бог остается тот же, — спокойно заявил он.

Нина встала и пошла к окну:

— В былые дни я пела в хоре, — сказала она. — И на время была глубоко вовлечена в проблемы религии. Могу заверить тебя, что верующие — не более чем крошечные винтики в государственной машине. И так везде. Их используют как инструменты в политике и так всегда будет. Я имею связь со многими людьми за границей, которые тоже вовлечены в религиозную деятельность. Поверь мне, Саша, для них все это не личное призвание, а лишь средство добывания денег.

— Не стоит всех стричь под одну гребенку, — возразил Саша.

— Возможно, — сказала его собеседница. — Но те, для кого Христос Спаситель и путь в небеса, не имеют авторитета в своих общинах. Остальное собрание видит религию не более, чем инструмент для получения власти.

— Но у меня нет ничего общего с ними! — взорвался Саша.

— Это хорошо, Саша, что у тебя нет ничего общего с такими типами, — поддержал его Синицын. — Но, дорогой племянник, мы здесь для того, чтобы поговорить с тобой, потому что мы не хотим, чтобы ты оставался в тюрьме и умер здесь. Мы говорим тебе правду, которую ты и сам знаешь. Если бы ты не был единственным сыном моей любимой сестры, я бы и не мечтал выволить тебя отсюда. Кто вспомнит о тебе после твоей смерти?

— Не обязательно людям помнить меня, — тихо сказал Саша.

Синицын покачал головой и посмотрел из окна вниз, на тюремный двор.

— Там, внизу, любимые сыны России ходили кругами. Ни один из них, однако, не вышел отсюда живым. Мы имеем своих людей на главных постах в каждой религиозной группе по всему миру. И они работают на нас. Как ты не можешь этого понять? Они оказывают влияние на свои общины от нашего имени. Ты, и такие как ты, неиз-

бежно станут жертвами. Что это за Бог, Который стоит в сторонке, спокойно наблюдая за страданиями Своих детей? И где же церковь, настоящая церковь, направленная на помощь своим людям и служение ближнему? Нет такого, нет такой церкви! Ты слышишь, Саша! Отряхнись от своих религиозных убеждений! Освободись от этого мусора и стань гражданином, живущим в свободе! Девушка, которую ты любишь, Ирина Соколова, сейчас в психиатрической больнице в Днепропетровске. Или в Ленинграде? Я точно не знаю. Но одно я точно знаю, что твои друзья не должны прозябать среди умственно больных людей. А ты, мой единственный племянник, тоже хочешь исчезнуть навеки в этом аду?

Саша посмотрел в лицо своего дяди. Оно выражало такие страдания, что он вдруг испытал великое сострадание к нему. И взял его за руку.

— Дядя Миша, слуга Божий, который позволил себя скомпрометировать, предал вас. Из-за личного разочарования вы потеряли веру в Бога. И теперь ведете ожесточенную борьбу против религии в нашей стране и за рубежом. И если бы я тоже отказался от веры, то сколько еще людей пережили бы разочарование, отказались от веры в Христа и стали бы такими как вы? Сначала вы убеждали меня вернуться с раскаянием в лоно официальной церкви. А теперь вы заклинаете меня вообще отказаться от моей веры. Нет, дядя Миша, я верю в Иисуса, в Его учение и решил нести свидетельство не только словами, но и своими делами.

— Но ты погибнешь, мой дорогой племянник, — сокрушался дядя. — Ты будешь уничтожен и ни одна душа не сможет оплакать твою смерть. Духовные пастыри не знают, как жить для других, как в любви переносить человеческие слабости. Вместо того, чтобы помогать своим братьям в обретении духовной зрелости, учить, как стоять на обеих ногах, они поносят верующих, делают их глупцами в глазах других людей, распространяют о них ложные слухи.

Саша покачал головой, потрясенный услышанным:

— Бедный дядя Миша. Как вы, должно быть, страдали! Мне стыдно за своих братьев во Христе. Прощайте!

Он повернулся и быстро пошел к двери. В ответ на его стук охранник открыл дверь и вопросительно посмотрел на Сеницына, который стал совсем бледным.

— Отвести в камеру?

Сеницын кивнул.

Позже Саша узнал, что после этой беседы Синицын пережил тяжелый сердечный удар, его забрали в больницу и домой он уже не вернулся. Перед смертью он сказал жене, сидевшей у его постели: “Ниночка, сделай все, что в твоих силах, чтобы Сашу не убили в тюрьме. Я поклялся Лене, что буду заботиться о ее сыне до конца своей жизни. Пусть Бог простит нас”.

* * *

Когда Саша вернулся в камеру, Гусак и Бублик яростно ссорились. Из их крика он понял, что Гусак проиграл все до последней нитки и у него нечем заплатить свой долг. Тем временем “тройка”, состоящая из Сокола, Голова и еще одного заключенного по имени Вилен, придумывали наказание для Гусака.

Вскоре Сокол встал и объявил:

— Гусак мошенничал в игре. Ты знал, что нечем платить и все же играл. Ты проиграл себя. Вот приговор. Или ты смертельно ранишь “курицу”, если найдешь ее где-нибудь, или будешь нашей “невестой”. Отыгрываться ты не имеешь права, потому что слишком нахальный. Вот так. До завтра ты должен выбрать себе вид наказания. Кто-то может взять твою вину на себя и сыграть за тебя, чтобы отыграться, но ты сам потерял право играть.

Гусак растянулся на своей койке в глубокой депрессии. Его уже никто не замечал и жизнь в камере вернулась в нормальную колею.

В эту ночь Саша не мог спать. События дня легли на сердце непосильным грузом. Мирное посапывание слышалось со всех сторон. Только он и Гусак не спали...

Вдруг Саша услышал сдавленные рыдания. Он повернулся на бок и посмотрел на Гусака. Тот уткнулся головой в твердую подушку и, убитый горем, рыдал.

Саша протянул руку и осторожно постучал по бритой голове Гусака.

— Не плачь, дружище, — прошептал он. — Давай, расскажи мне о себе.

Гусак перестал плакать, но все же долго не поднимал головы от подушки.

Саша ждал. Потом сказал:

— Ты говорил, что твой отец тоже служитель церкви. Расскажи мне о нем.

Гусак резко сел и со злостью посмотрел на Сашу:

— Да, я бы задушил эту ядовитую змею, если бы мог! Своими собственными руками! — закричал он.

— За что? — спросил, сильно удивившись, Саша.

В эту ночь Саша узнал правду об отце Гусака. Он был проповедником. Гусак, старший его сын, посещал богослужения, которые проводил его отец. Он также играл на пианино, которое подарила общине еврейская семья. Потом пришли годы преследований верующей молодежи. Отец Гусака (его фамилия была Гусев, откуда и пошла кличка его сына) решил, что должен выполнять все постановления, направленные против церкви. Он запретил молодежи не только участвовать в жизни общины, но и встречаться вместе. Молодым людям запретили петь в хоре. Всем, кому не было восемнадцати лет, было запрещено посещать богослужения.

Николай Гусев, которому позже, уже в тюрьме, дали кличку Гусак, тоже не достиг восемнадцати. По этой причине ему было запрещено посещать богослужения. От так стыдился этого указания отца, что готов был возненавидеть его. И когда представители власти приходили к ним домой, Николай подслушивал их разговоры с отцом. Его отец действительно верил, что, повинувшись властям и следуя их инструкциям, он послушен заветам Библии.

Николаю было ясно, что это ужасное противоречие. С одной стороны его отец трогательно заботился о своей общине. А с другой он говорил лакеям коммунистического государства все, о чем они спрашивали, рассказывая о людях, которым был призван служить. Нарушалась тайна исповеди. Молодой человек пытался спорить со своим отцом, но тот говорил:

— Мой дорогой сынок, ты еще слишком молод. Поймешь своего отца, когда вырастешь.

Но семнадцатилетний парень совсем не хотел понимать своего отца. Он стыдился его и начал предостерегать членов общины, чтобы они больше не были откровенны с его отцом.

Когда отец узнал об этом, то потерял контроль над собой и ударил сына. Николай выбежал на улицу и в тот день так напился, что не мог стоять на ногах. Качаясь, он пошел к зданию райкома Компартии и перебил все окна. Милиция начала его искать, но не могла поймать, пока он не побил окна в доме собственного отца и не сдался.

В милиции ему устроили “пятый угол”. Его так побили, что на выздоровление ушло много времени.

С тех пор все у Николая пошло по наклонной. Первый раз ему дали пять лет тюрьмы. Теперь он сидел уже свой четвертый срок.

— Собственными руками задушил бы своего отца! — процедил сквозь зубы Николай.

— Я понимаю тебя, — задумчиво сказал Саша, — но тебе не следует так говорить. Этот человек все таки твой отец. Плохой ли, хороший ли — он твой отец. Мы живем в трудное время. Кто из нас не ошибается?

Гусак, не понимая, уставился на него. На его лице было такое презрение, что Саша даже перестал говорить. Остаток ночи он провел в молитве и размышлениях.

После подъема заключенных повели “на opravку”. Умывшись холодной водой, Саша пошел к Соколу.

— Я беру на себя игровой долг Гусака, — заявил он.

Глаза Сокола округлились, он даже стал заикаться:

— Т-т-ты, б-б-баптистский пастор, ты что, потерял свои шарики? Повтори еще раз! Ты хочешь сыграть откупную за этого осла? Ты же рискуешь своей головой, парень!

Их затолкали назад в камеру. Когда они вошли, Саша повторил:

— Я сказал, что беру на себя долг Гусака и буду играть вместо него.

Одиннадцать мужчин тупо уставились на Сашу, не говоря ни слова. Гусак стоял как статуя.

— А если ты проиграешь? — спросил Сокол. — Ты думаешь мы будем к тебе снисходительны только потому, что ты поп?

— В этом не будет необходимости, — ответил Саша тихо, но решительно, — Иисус Христос принял на себя долг всего мира и Бог не оставил Его в бесчестии. Он и меня не оставит. Я плачу за Гусака.

До самого звонка в камере не было произнесено ни слова. Тихо было до завтрака. После этого шесть мужчин перешли в угол, пока остальные ходили по камере и закрывали играющих. Они согласились играть в “двадцать одно”. Сокол сдавал. Саша потянулся за картой.

— “Если я сейчас проиграю, жизнь моя закончена”, — подумал он, но стряхнул эти мысли и посмотрел на карту, которую вытянул... Валет, два очка.

— Следующую карту, — тихо сказал он.

Сокол стиснул зубы. Никитин не мог рассчитывать на поблажку. В исправительных учреждениях Сокол был известен тем, что никогда не проигрывал. Даже знатоки побаивались его.

Казалось, время остановилось в камере. Напряжение нарастало и стало просто невыносимым.

— Еще карту, Сокол, — повторил Саша. Дама — три очка. У него было уже пять очков.

— Следующую, — велел Саша. Король. Четыре очка, всего девять.

— Еще!!

Следующая карта оказалась десяткой. У него в руках было девятнадцать очков. Саша взвешивал свой следующий шаг. Просить еще одну карту было бы пределом безумия. У него не было ни малейшего шанса вытянуть валет. Любая другая карта — неминуемое поражение.

Саша посмотрел вверх и тихо сказал:

— Сокол, я возьму еще одну карту! Я ставлю все, деньги, которые проиграл Гусак, все абсолютно.

— Дурак! — прошипел сквозь зубы Сокол. — Я же знаю: у тебя девятнадцать очков... С тебя достаточно. Теперь давай я потяну... Следующая карта смерть для тебя!

— Карту! — потребовал Саша. — Я ставлю все!

Вены вздулись на шее Сокола. Бублик облизал сухие губы. Никто не мог знать, сколько очков набрал Саша. Но у Сокола в картах было шестое чувство. Он точно знал, сколько очков имел в руках его противник.

— Согласен, идиот! — выругался Сокол. Он вытянул следующую карту и бросил ее Саше в лицо. Это был валет! Два очка! Всего двадцать одно!

Не веря своим глазам, Сокол перехватил карту:

— Что за черт! Я абсолютно уверен, что следующим шел король!

Саша встал, ошеломленный. Внезапно он расхохотался.

— Я знал, что Бог услышит мою молитву! Это было делом жизни или смерти! — добавил он низким голосом.

Гусак расплакался. Сокол сидел, как пригвожденный к своему стулу и в замешательстве изучал карты.

— Никогда в жизни не ошибался, — бормотал он. Он поднял следующую карту, это был король. Четыре очка. Но он правильно сдал следующую карту. Он честно сдал...

Жизнь Саши и Гусака была спасена.

Саша подошел к Гусаку и обнял его за плечи.

— Видишь, Николай, вот что Господь сделал для нас. Он взял наши грехи на себя и понес наше наказание. И тот, кто подчиняет свою жизнь Ему и служит ему, честно и бескомпромиссно, будет жить в новом мире — в мире Иисуса Христа. Ты должен понять, что не тот христианин, кто ежечасно произносит Имя Господне, а тот, кто подчиняется Ему без остатка. А все остальное — лицемерие.

Николай Гусев перестал плакать, вытер лицо и сказал мягко:

— Саша, с этого момента я вернулся к Господу на всю оставшуюся жизнь. Я буду молиться, чтобы Он простил меня.

Саша выслушал молитву Гусака. Потом положил на него руку и сказал:

— Отец, прости меня также за то, что я так рисковал. Но я полностью полагался на Тебя, прими эту душу в Свое общение.

Сокол до конца дня не произнес ни звука.

После обеда Бублик вручил Саше евангелие от Марка и попросил объяснять его содержание. Сердце Саши прыгало от радости. Утомление и уныние как водой смыло. К вечеру три заключенных выразили свое желание служить Господу.

После ужина, состоящего из водянистого супа, Сокол подошел к ведру и сжег карты.

— Твоя победа, — прошептал он. — Ты выиграл.

После этого он подошел к Саше и сказал:

— Наверное, ты прав. Бог тебе помог. Я не мог ошибиться.

Сокол рассказал Саше, что в одном из трудовых лагерей он встретил человека, который сказал ему: “Я буду молиться о тебе, пока ты не обратишься к Богу”. Много заключенных пострадали из-за искусной игры Сокола в карты.

Через неделю после случившегося Саша крестил мужчин в камере. Как он совершил это никто никому не рассказывал. Новые верующие утверждали, что они были крещены во имя Иисуса Христа и более — ни слова. И пусть никого не заботит, соответствовало ли крещение библейскому обычаю. Вода в камере была ...

Через пять дней Сашу перевели в другую тюрьму.

24. НЕОЖИДААННЫЕ ВСТРЕЧИ

Юрий Соколов удрученно смотрел на высокий забор вокруг Института Сербского. Он сам себе не мог объяснить, что привело его сюда. Он знал, что Ирины в институте не было. Ее друзья были в Черняховске, но где была его собственная дочь, КГБ держал в секрете.

Имела ли Ирина привелегию судебного следствия? Если да, то что же в действительности произошло? Мысли о том, что могло случиться во время суда, мучили его. Естественно, КГБ устроил суд за закрытой дверью. И если бы он даже и узнал, где и когда проходило такое судебное заседание, его все равно не впустили бы туда.

Вдруг возле Соколова визгливо затормозило такси. Кто-то назвал его имя. Он удивленно оглянулся. Кашляя, из такси вышел его отец и поздоровался:

— Здравствуй, сын! Рад опять видеть тебя!

— Но папа, что это вдруг привело тебя сюда? Как твоё здоровье? — целуя отца, Юрий шутливо побранил его.

Со своей пышной белой бородой и пронзительным взглядом Владимир Соколов выглядел довольно внушительно, несмотря на немного болезненный вид. Он обнял сына за плечи и повел его в такси.

— Садись, садись, — попросил он и усадил Юрия. Потом уселся возле него.

— Я всюду тебя искал. Когда узнал, что ты уже в пятый раз поехал в Москву, то решил найти тебя, чего бы мне это не стоило. В гостинице мне сказали, что сегодня вечером ты намеревался уехать из Москвы. Поэтому я решил, что ты наверняка еще раз съездишь к институту Сербского, чтобы попрощаться. И вот я здесь, чтобы обсудить с тобой несколько вопросов.

Движением головы Юрий предостерег отца о присутствии водителя.

— Я знал, что ты опять его не узнаешь! — засмеялся отец. — Посмотри хорошенько!

Водитель оглянулся и улыбнулся. Потом сказал озабоченно:

— Нам нужно уезжать отсюда. Два сотрудника КГБ наблюдают за нами из "Волги".

— Юрий, скажи мне, где ты спрятал пистолет Козлова? — спросил старик, после того, как шофер, так и не узнавший Юрием, опять завел мотор.

Юрий нахмурился. Самого воспоминания о том событии было достаточно, чтобы вернулась горечь обиды.

— Я спрятал его в дереве, — сказал он, — не могу вспомнить, был ли это клен или дуб. Думаю, что пистолет до сих пор там.

Старик улыбнулся:

— Мы должны вернуть его Козлову. Оружие принадлежит одному из его родственников. Ему придется нелегко, если он не вернет эту вещь обратно... И, конечно же, он прибегнет к разным грязным трюкам, чтобы получить пистолет обратно.

Шофер резко затормозил и повернул в соседнюю узкую улочку. Он пересек внутренний двор и вновь свернул в переулок. Старый Соколов налетел на сына, который отчаянно пытался удержать отца одной рукой и самому держаться другой. Он обернулся и увидел, что “Волга” сидела у них на хвосте. Еще раз такси свернуло в соседнюю улицу. Дети с шумом побежали рядом. Шофер такси затормозил, потом повернул вправо и, почти поднявшись на правые колеса проехал мимо группы детей. С визгом дети побежали за такси. В тот же момент “Волга” появилась из-за угла, но вынуждена была затормозить из-за толпы детей. Рискуя, шофер такси еще раз повернул в соседнюю улочку, потом выехал на проспект и въехал во двор большого здания, где, наконец, остановил машину.

— Быстрее, быстрее. Пересядьте в ту машину, — настаивал шофер, показывая на “Москвич”, который, уже с другим водителем, сидевшим за рулем, явно ожидал их. Отец с сыном пересели в “Москвич”. Такси пропало, как будто вообще исчезло с лица земли.

Позже Юрий был вынужден признать, что не узнал собственно го племянника, сидевшего за рулем такси.

Через полчаса отец с сыном сидели в квартире профессора университета Никифорова. Присутствовали два иностранных корреспондента. Они с любопытством рассматривали Соколова-старшего и с некоторым подозрением — младшего. Они уже узнали от Никифорова о бывшей работе Юрия в КГБ.

Надежда, привлекательная жена профессора, приготовила чай.

— Пожалуйста, простите меня. Но кофе так дорог, что я не могла позволить себе приобрести его.

Со стаканом в руке старый человек рассказывал репортеру:

— Как я упомянул в прошлый раз, эти молодые люди были определены в психиатрические заведения, потому что пытались убедить правительство, что христиане проповедуют социальный поря-

док, в котором царят справедливость, честность и правда. Это, однако, осуществимо только при полном господстве Иисуса Христа, который, как написано в Новом Завете, придет опять и воцарится вместе со своим народом над миром в правде и справедливости. Согласно учению Нового Завета, каждый, кто подчиняет свою жизнь Богу, уже пребывает в Божьем царстве. Но молодые люди считают, что христианин должен полностью посвятить себя Господу во всех областях своей жизни. И через свидетельство, через духовное совершенство всей христианской семьи, общество будет исцелено.

Все слушали с интересом. Надежда всем налила по второму стакану чая. Владимир Соколов продолжал:

— Мы не противимся идее коммунистического общества без Бога. Но в таком случае партия должна нам предоставить право на проповедь Евангелия Иисуса Христа и Царствия Божьего. Только в том случае, если правительство согласится на такой идеологический спор, удастся избежать миллионов невинных жертв... Вот такая, в нескольких штрихах, их идея. Я предупреждал наших детей и говорил им, что Коммунистическая партия никогда не откажется от борьбы с религией по той простой причине, что, как и во времена апостолов, истинное христианство означало бы конец коммунизма. “Христианство” же слегка окрашенное марксизмом, их “евангелием свободы через революцию” еще терпимо принимается коммунистами. И только потому, что они могут использовать его как инструмент для расширения своей власти. Но в тех местах, где марксисты уже одержали власть, такие марксисты-христиане будут брошены в тюрьму.

— А какая ваша позиция относительно европейского коммунизма? — спросил один из репортеров.

Старший Соколов подумал несколько минут.

— Друг мой, вам нужно изучать работы Ленина, — сказал он после некоторой паузы. — Подумайте об обещаниях, которые он связывал со свободой религиозной пропаганды. И вы сразу же обнаружите, что ему не удалось сдержать своего слова. В западных странах власть также достигается средствами избирательного соперничества. Но каждый знает, что большинство кандидатов не придерживается обещаний, данных в пылу битвы. Есть несколько реальных отличий между европейскими коммунистами и коммунистами России. Их политические цели одинаковы. Если бы все было так, как они хотели, тогда китайские, советские и западно-европей-

ские коммунисты протянули бы свои братские руки друг другу и продолжали бы завоевывать мир. Наши молодые люди, которые искали диалога, поняли это и поставили себе цель достижение мирного сосуществования христианской и коммунистической идеологий. Но КГБ не вчера родился на свет. Они сразу осознали ту великую опасность, с которой встретился бы коммунизм, если бы эта идея получила воплощение. Понимаете, мы в России уже устали от коммунизма, он забрал слишком много жертв. Поэтому молодое поколение поворачивается к Богу и Христу с обновленным интересом.

Юрий Соколов обратил внимание на высказывания своего отца. После ареста Ирины, в одиночестве, он прочел несколько книг Солженицына, которые дал ему Лебедев, в это время уже пенсионер.

К великой радости Лебедева, ему удалось установить связь со своими родными в Париже. И с этого времени в его доме появлялись эмиссары, которые “случайно” имели при себе книги русских авторов, напечатанные за границей.

Юрий был особенно тронут Солженицыным. Его взволновали описания страданий, которые перенес русский народ. Эти книги также привели его к раздумьям о возможности существования Бога. Пока Ирина была дома, у него не было времени для таких размышлений. Он был вынужден сосредоточиться на защите Ирины от КГБ. Сколько ночей провел он без сна, напрягая свой ум в размышлениях над тем, как бы уберечь ее от тюрьмы. Но все оказалось напрасным.

Его бессилие заставляло страдать. Этот энергичный и смелый человек, привыкший действовать решительно, воспринимал как особое унижение свою беспомощность. Он был бессилён защитить Ирину от оскорблений в “специальной психиатрической клинике”. Как психиатр он не питал иллюзий по поводу последствий “терапевтических процедур”, применяемых в таких заведениях.

Часто он переживал такие душевные муки, что шептал, сам не сознавая этого: “О, Бог, если Ты есть, защити мое дитя”. Однажды он увидел Библию Ирины и открыл ее. “Призови Меня в день скорби”, — прочитал он в глубоком изумлении, — “Я избавлю тебя, и ты прославишь Меня”. Эти слова запечатлелись в его сознании. Он думал о них снова и снова.

Когда он узнал, что Саша Никитин тоже арестован, то начал беспокоиться о Наталье. Часто он не мог ночью спать. Однажды, когда его страдания стали невыносимыми, он склонился на колени,

поднял руки и начал молиться: “Иисус Христос, если Ты существуешь, верни мне Наташу и Ирину! Я обещаю служить Тебе так же верно, как и они. Пошли мне желаемое!”

Осознавал ли он то, что обещал? Был ли это просто акт отчаяния? Возможно. Но сказав только несколько первых слов, он почувствовал необычный покой. Мир, неизвестный ему до этого времени, почил на нем. Юрий опять лег на кровать и уснул глубоким сном. На следующий день все вокруг него казалось таким же, как и раньше, но внутри обитала необъяснимая надежда, которую даже он не понимал.

* * *

Старый Соколов как раз поставил кассету, на которой были записаны звуки борьбы между Ириной и Козловым. Репортеры попросили у него копию записи. Никифоров пошел в свой кабинет, чтобы переписать ее. А в это время Владимир Соколов вытянул из кармана целую стопку фотографий и разложил их перед репортерами.

Юрий с удивлением посмотрел на отца:

— Где ты взял эти снимки? — спросил он.

— Это должно остаться в тайне, — сказал тот, широко улыбаясь, — но тебе я могу сказать. Недавно я встретил Валентину Неверову. Она узнала о том, что ее мужа посадили в тюрьму. После разговора с тобой, Юрий, у нее исчезли все иллюзии насчет КГБ. Она пошла к ним и сказала, что теперь, когда ее мужа посадили в тюрьму, она больше не хочет работать на них, что они обманули ее и много другого, что обычно говорят в таких случаях. Ее переубедили и сказали, что все не так серьезно, как это кажется и что иногда все бывает наоборот, что они хотели пролить свет на некоторые обстоятельства, касающиеся работы ее мужа и его обязательно освободят. Потом ей дали эти фотографии и предложили распространять слух, что Ирина ведет аморальный образ жизни. Конечно, я постарался вновь просветить наивную Валентину. И фотографии сейчас со мной.

Соколов улыбнулся.

— А что сам Неверов? — поинтересовался Юрий.

— Бедный человек должен сидеть в тюрьме. В камере ему случилось встретиться с Сашей Никитиным, который рассказал ему о детятельности его жены. Это было сокрушительным ударом для

бедного человека, как ты можешь понять. Наташе Никитиной, матери Саши,.. (старый джентльмен изучающе посмотрел в глаза сына при упоминании имени Наташи) удалось получить разрешение на посещение своего сына. И тогда Саша попросил ее проведать Неверову и поговорить с ней, сколько понадобится, чтобы привести ее к покаянию.

— Ты говоришь к “покаянию”, да? — засмеялся Юрий: — Я до сих пор слышу ее помпезные слова: “Я служу Советскому Союзу! Я служу своему народу!” И если кому-то и нужно быть в сумасшедшем доме, то это ей, а не моей совершенно здоровой дочери!

Зазвонил дверной звонок. Все испугались. Репортеры приготовились уйти через заднюю дверь. Но хозяйка сказала, что все в порядке и пошла к двери.

С репортерами быстро договорились, что никакой материал не будет публиковаться, пока не разрешит Никифоров. Два американца все же воспользовались задней дверью, которая вела в сад, и отправились из дома этим путем.

Юрий как раз собирался налить себе немного чая, когда женщина примерно его возраста вошла в комнату. Она осмотрелась и тихо поздоровалась с присутствующими. Ее голос вселял надежду! Юрий забыл ответить на приветствие и уставился на прибывшую. Красивые голубые глаза встретились с его взглядом. Это были самые красивые глаза в мире — глаза его дочери. Сначала у него и вправду было впечатление, что его собственная дочь стояла перед ним, повзрослевшая лет на двадцать. Его мысли смешались. Он уже почти сказал: “Доченька, что они с тобой сделали?” Когда наконец узнал женщину.

Никифоров, Надежда и старый Соколов тихо покинули комнату и исчезли на кухне. Наталья Никитина в смущении посмотрела им вслед. Почему они оставляют ее одну с этим незнакомцем, не представив их друг другу? Кто этот человек? Она еще раз изучающе посмотрела на него. Седеющий мужчина. Кто бы это мог быть? Почему он смотрит на меня так тоскливо? Как неудобно! О, нет, сейчас он даже плачет, странное создание. Слезы текут по щекам и каплют на галстук.

Наталья поймала себя на том, что считала слезы, капавшие на его галстук. Вдруг ее щеки запылали под его пылким взглядом. Она чувствовала себя еще молодой женщиной. Она хотела спросить муж-

чину, стоящего перед ней, кто он и почему плачет, но не могла произнести ни слова.

— Наташа.., — тихо сказал Соколов.

Все было странно! Она подняла брови как ребенок, о чем-то задумавшийся. Серые глаза, пронзительный взгляд. И вдруг ее голова закружилась. Блокада Ленинграда...

— Ты не узнаешь меня, Наташа?

Все перед ее глазами начало качаться. Казалось, пол уходил из-под ног. Соколов подхватил ее и понес к стулу.

— Это только легкий обморок, — пробормотал он, — через минуту она придет в себя.

Однако он все равно испугался, что она уйдет из его жизни после того, как он вновь нашел ее.

Цвет начал возвращаться к ее щекам.

— Где я? Что случилось? — спросила она в смущении.

— Я так долго ждал тебя, Наташа, — сказал Соколов.

Она посмотрела ему в глаза и залилась слезами.

— Но ребенок, наша дочь, я не сохранила ее. Она умерла. Она умерла сразу же после рождения.

Он молча погладил ее руку. Вдруг она озабоченно спросила:

— Ты работаешь все там же? В КГБ?

— Нет, Наташа. Твое заключение положило конец моей карьере в КГБ. Я стал врачом.

Он встал и налил ей чая. Они говорили и говорили, забыв об обеде. Юрий заказал билет на самолет в этот вечер, но он и об этом забыл.

Наконец Надежда появилась из кухни и прервала их живую беседу:

— Хорошо, молодые люди, нужно же что-нибудь съесть! Могли вы пригласить к столу?

— “Молодые люди!” — повторил Юрий.

Они обедали на кухне. Соколов-старший бросал вопросительные взгляды на сына. Казалось, Наталье все это понравилось.

— Теперь только Ирины не хватает, — вмешалась Надежда. — Тогда вся семья объединится и полностью восстановится.

Наташа вопросительно посмотрела на Юрия:

— Ирина? Не та ли это Ирина, о которой все время рассказывал Саша? Это, наверное, твоя дочь, Юрий?

Хотя она с Сашей жили очень близко от Владимира Соколова, Наташа никогда не связывала своего бывшего жениха со старым человеком и его внучкой. События недавних дней, смерть мужа, арест Саши так поглотили ее, что уже не было времени думать о прошлом.

Она вопрошающе посмотрела на Юрия и вдруг почувствовала печаль, растущую в ней. “Итак, он женат и имеет дочь”, — подумала она. Но потом устыдилась своих мыслей. “Ну, собственно, что со мной? Я ведь также вышла замуж”. Все же мысль об этом ранила ее сердце как терний. Она заставила себя смотреть в тарелку, как бы сосредоточившись на еде. “Какое мне дело?” Подобные мысли мелькали в ее голове. “Его дочь христианка, а он, наверняка, нет”. Собственно, Саша и Ирина когда-то молились о его спасении, Наташа помнит это. Ну, да все это чепуха! Это все, в любом случае, прошлое для нее. Нельзя вернуть прошлое.

Юрий вопросительно посмотрел на своего отца.

— После обеда, — мягко сказал старик.

Хозяйка рассказала какой-то смешной случай. Профессор внимательно слушал свою жену. Соколовы и Наташа кивали иногда головой в знак согласия, но слышали немного. После обеда хозяйка начала мыть посуду. Профессору позвонили и пригласили на собрание в институт. Старый Соколов, Юрий и Наташа сидели в гостиной на диване.

Старый Соколов начал осторожно:

— Я должен исповедоваться перед тобой, Наташа.

Он дал ей время приготовиться к неожиданному.

— Я виновен, — продолжал он кротко, — в том, что ты потеряла дочь в те дни.

Наташа посмотрела на него с удивлением.

— Я прошу тебя, Наташа, будь очень сильной...

О, как тяжелы были эти слова! Как сказать эти слова! Как сказать:

— Наташа, твоя дочь жива!

* * *

В пересыльной тюрьме Сашу Никитина неожиданно взяли из камеры и повели в административный корпус. Там его принял майор и пригласил сесть за стол. Потом он вышел в боковую дверь, откуда спустя несколько минут появился Козлов.

— Александр Никитин? — поинтересовался он. Саша встал, не говоря ни слова.

— Ты что же, потерял дар речи от встречи со своим университетским сокурсником? — Козлов подумал, что был остроумен и добродушно рассмеялся. — Ну, садись же, Никитин. Или будем пользоваться более привычной терминологией?

— Как хотите, — холодно ответил Саша.

Козлов сразу же перешел к делу:

— Александр, какие у тебя отношения с Ириной Соколовой?

Саша пожал плечами и сказал:

— Она моя невеста.

Козлов уставился на него широко открытыми глазами и потом разразился диким хохотом

— Это самая большая шутка века? Невеста? Разве брак между братом и сестрой не запрещен у баптистов?

Саша, ничего не понимая, спотрел на него:

— Что вы имеете в виду?

— Что я имею в виду? Разве твои ближайшие родственники не сообщили тебе: твоя мать имела двойню? Тебя и Ирину? Ирина впоследствии была удочерена Соколовым, работником КГБ.

Эта сенсация выбила почву из-под ног Саши. Он пытался вспомнить все сразу — что сказал тюремный доктор? Его мать умерла, рожая дочь. Или он это путает с матерью Ирины? У него был провал в памяти. Но его отец никогда не упоминал такого. В конце жизни, казалось, он что-то хотел ему сказать. Как раз перед смертью. Но, возможно, и тогда он не узнал бы всей истории.

Саша сидел ошеломленный. Эта новость подействовала на него, как удар молнии. Однако у него было чувство, что здесь что-то не в ладах с логикой. Нужно будет спросить у Сеницына. Очень плохо, что он прервал свою беседу с ним! С большим усилием он заставил себя вернуться в настоящее. Он опять осознал, что сидит в кабинете майора. И этот человек только что сказал ему, что Ирина его сестра-близнец. Процесс мышления стал замедленным.

— Я благодарен вам, — сказал он с усилием. — Теперь я знаю, что Ирина — моя сестра.

“Если бы я мог сейчас вернуться в камеру”, — подумал он. — “Если бы я мог все забыть на несколько минут...”

Козлов вручил ему несколько фотографий. Саша механически потянулся к одной из них. Он некоторое время внимательно смотрел

на снимок и скептически отнесся к тому, что увидел: Ирина на полу, полураздетая, Козлов сверху, покрывает ее поцелуями. Он вернул снимок Козлову без единого слова, остальные фотографии отбросил в сторону. Как будто издалека услышал он болтовню Козлова:

— Ну, вот видишь, Александр? У тебя был роман с собственной сестрой! Смешно! Я должен сказать тебе, что этой женщине все время не хватает секса! Все ее действия вытекают из сексуальной болезни. Поэтому я и не женился на ней...

Саша не дал ему закончить. Он встал и сказал с негодованием:

— Козлов, все это мне не интересно. В любом случае, эти фотографии еще не причина для того, чтобы посадить мою сестру в специальную психиатрическую лечебницу.

— Подожди, Никитин, это еще не все! Ты не имеешь права так быстро уходить, я еще не дал своего разрешения на это! — голос Козлова сломался от ярости.

Саше было понятно одно: здесь у него не было никаких прав. Поэтому он опять сел на стул и закрыл глаза. Он даже не слушал, что Козлов восхищенно рассказывал ему.

И только когда Козлов совсем потерял контроль над собой и заорал: "Ты и сам ненормальный!" Саша опять открыл глаза и спокойно спросил:

— А вы всегда так кричите на своих сокурсников? Я должен спросить, какова цель этого визита? Чего вы хотите от меня?

Козлов резко встал и молча вышел через боковую дверь. Женский голос с явным немецким акцентом послышался из-за двери:

— Дорогой, может быть, мне поговорить с ним?

— Ах, оставь... — послышалось отборное ругательство.

Майор опять вошел в комнату, посмотрел на Сашу, стараясь угадать ход его мыслей.

— Давай, в камеру! — сказал он почти дружелюбным тоном. Сделав шаг вперед, он поморщился от неожиданной боли. Майор еще с войны носил осколок в ноге.

* * *

Наташа тихо плакала. Она не знала, какое из чувств у нее было сильнее: радость от того, что ее дочь жива, или горечь от того, что правда и ее собственное дитя так долго были скрыты от нее.

Юрий нежно говорил ей:

— Наташа, попытайся и меня понять. Сначала мой отец боялся, — я ничего об этом не знал. Да и вообще, я был на фронте. Он боялся, что ребенок не сможет выжить в лагере. К тому же, это дитя должно было расти в другом окружении. Когда дитя, наконец, было уже здесь, мы не могли идти разными путями. Для меня ребенок был частью тебя.

Наташа попыталась понять доводы мужчин. Дедушка стал христианином. Не должен ли он был поговорить с ней?

Опять послышался голос Юрия:

— Я потерял тебя. Но я любил тебя так сильно, что не смог полюбить другую женщину. Никогда! Иногда я встречал женщин, которые нравились мне, но когда я начинал их сравнивать с тобой, то терял желание завязывать более прочные отношения с ними. И если бы сверх того я потерял и свою дочь, то это для меня был бы конец. У тебя был Саша, у тебя был муж. Но у меня не было никого, кроме Ирины. Прости меня. Я все тебе верну, Наташа.

Она не ответила. Юрий в печали замолчал. Что ему еще сказать? Однако Наташа вдруг улыбнулась сквозь слезы.

— Юрий, теперь у тебя будет жена, дочь и зять — все сразу!

Юрий схватил Наташу на руки и закружил ее по комнате.

— Наташа! Наташа! — кричал он так громко, что слышно было через окна и двери. Потом он резко опустил ее на пол.

— Боже! — воскликнул он восторженно. — Я же обещал Ему!

Наташа испуганно посмотрела на него и спросила:

— Что? Кому?

Голосом, полным чувств, он сказал:

— Я обещал Богу, что если Он вернет мне тебя и Ирину, то я буду повиноваться и служить Ему!

— О, как это чудесно! — сказала Надежда, появляясь из дверей кухни.

Старый Соколов приковылял в комнату и не мог сдержаться в своем счастье от шутки:

— Наташа, ты еще не попросила руки моего сына!

Все засмеялись.

— Что здесь происходит? — воскликнул профессор Никифоров, входя в дом. Его жена рассказала ему новости и он вместе со всеми порадовался им.

— Правда, удивительно, как Бог вел их? Это удивительно. Я думаю, что прямо сейчас мы должны поблагодарить Его.

И все преклонили колени. Юрий помолился нетвердым голосом. Это была вторая молитва в его жизни и первая в присутствии других. Он говорил: “Господь, Творец вселенной, я славлю Тебя и благодарю Тебя за то, что Ты стал человеком, чтобы мы могли стать детьми Божьими. Прости меня за то, что я не хотел знать Тебя так долго. Но теперь я хочу полностью посвятить Тебе свою жизнь. Помоги мне в этом. Аминь”.

Все по очереди помолились, и старший Соколов закончил молитву. Он особенно молился об Ирине и Саше, о друзьях своих внуков, которые были в тюрьмах и психиатрических лечебницах. Потом они все вместе сидели до рассвета, вспоминая, рассказывая и советуясь, как они могут повлиять на быстрое освобождение молодых людей.

— Между прочим, Валентина Неверова все рассказала своему мужу и покаялась в своей работе на КГБ, — объявила Наташа. — Она хочет все деньги, которые получила от КГБ, вернуть им назад!

Старший Соколов сказал:

— Мне передали, что в одной из тюрем Неверов говорил с Сашей и сказал ему: “Молись за меня, чтобы Бог дал мне силы жить с этой женщиной после моего освобождения”. Я могу понять, как чувствует себя Неверов. Это действительно большая личная беда.

Юрий поднял брови. Он сказал:

— Хорошо, что наконец-то она признала свою измену. Но как много людей продолжают предавать даже после того, как признались в этом?

* * *

Два месяца спустя после этого памятного вечера Наташа получила разрешение проведать Сашу в тюрьме. Это было явной ошибкой аппарата КГБ. Козлов, когда узнал об этом, был в ярости и уволил двух своих лучших работников.

Первый вопрос Саши был:

— Что ты слышала об Ирине?

— Она все еще в психиатрической лечебнице для преступников, — ответила Наташа, — но никто не знает в какой.

— Мама, ты знала, что Ирина моя сестра?

— Что ты хочешь сказать? Сестра во Христе?

— Нет, мама, сестра в плоти. У моей мамы была двойня, когда я родился. Ирину отдали Соколову, а меня тебе. Хорошо, что все,

наконец-то, выяснилось. Ты можешь себе представить, если бы мы поженились и только потом обнаружили, что мы двойня?

— Что за чепуху ты говоришь?

— Это не чепуха, мама, это правда. Козлов недавно объяснил мне наше родство.

Наташа долго смотрела на него с сожалением. Наконец, она мягко спросила:

— Скажи мне, у тебя действительно нет никаких сомнений в том, что ты сын Лены и я растила тебя?

— Конечно, нет.

— Хорошо. Теперь слушай внимательно. Ирина моя дочь. Я принесла ее в этот мир. Но Соколов вырастил ее, потому что он ее родной отец. Ты понимаешь? Я от него забеременела еще до того, как приняла Господа.

— Это правда? — закричал Саша, вне себя от радости.

Все заключенные и их посетители смотрели на них. Тогда Наташа начала рассказывать ему, что произошло в квартире у Никифоровых. Саша ловил каждое слово. Все находящиеся в комнате также слушали с большим интересом и сочувствием. Когда Наташа закончила свою историю, Саша вытер глаза и воскликнул:

— Это просто невероятно! Что случается в этом мире! Если бы ты только знала, что я пережил после посещения Козлова!

— Время посещения истекло. Всем посетителям оставить комнату свиданий и построиться на пропускном пункте! ... объявил дежурный охранник.

25. ПСИХИАТРИЧЕСКОЕ ЛЕЧЕНИЕ: СОВЕТСКИЙ СТИЛЬ

“Что происходит вокруг? Они посадили меня к психически больным. Что мне делать, Господи?”

Медик прочитал на стене эти слова, написанные одной из трех женщин, обитавших здесь раньше. Он рассмеялся и вышел из комнаты. Медик Младенов был огромным мужчиной. Его огненно-красные волосы были тщательно причесаны, водянисто-голубые глаза выпячивались на довольно уродливом лице, которое наводило ужас на всех обитателей специальной психиатрической лечебницы. Когда он говорил, его длинный нос почти касался верхней губы, уши двигались вверх-вниз, а глаза постоянно бегали с одного предмета на другой. Когда-то директор лечебницы сказал:

— Никогда в жизни не видел такого странного существа. Но он незаменим в нашей лечебнице!

Младенов как раз сдал дежурство. Выйдя во двор, он с любопытством посмотрел на жилые камеры. Их окна были защищены деревянными щитами. Он сам провел здесь целый год под арестом, ожидая суда, был приговорен к шести годам тюрьмы и переведен во Владимирскую тюрьму.

Младенов из-за своего безобразного лица не знал в жизни удачи. Его бабушка посещала православную церковь в Ленинграде, но внука брала с собой только в редких случаях, потому что не могла вынести издевательских, как ей казалось, взглядов окружающих людей. Когда Младенов вырос, он полюбил молоденькую школьницу, которая быстро отстранила его. Он не мог понять, почему девушки его избегают.

— Послушай, внучок. Ты должен помнить, что пришел в этот мир уродцем, — сказала ему однажды бабушка. — Ты должен просто признать это и искать утешение в другом — в лучах солнца, зелени травы...

Слова бабушки поразили его как удар молнии. Впервые он начал изучать свое лицо в зеркале. Увиденное все ему объяснило. Его охватило отчаяние. Внезапно Младенов почувствовал такую ненависть к женщине, которая была ему не только бабушкой, но и заменила мать, что стал издеваться над ней, потом бить и однажды, в присутствии безысходного бешенства, забил до смерти. Позже, стоя перед судом, он не мог объяснить своего поведения. Именно тогда им заинтересовался КГБ. Его взяли из тюрьмы и сделали провокатором. Ему нашли место в специальной психиатрической лечебнице.

Голос Соки прервал размышления Младенова:

— Зайдите в мой кабинет, — велел он.

— Сегодня у меня выходной, иду в кино, — осторожно сказал Младенов.

— Пойдете в другой раз. У нас здесь есть некто, для вас интересный, — настаивал Соки голосом, полным обещания.

— Мы поймали интересную птичку, — сказал Соки, когда Младенов пришел к нему. — Мы не можем ее долго держать, потому что она иностранка. Но она наверняка сможет развлечь тебя.

Соки позвонил дежурному охраннику. Через несколько минут вошла женщина-охранник с молодой светловолосой блондинкой, которая выглядела очень испуганной.

Младенов, сидя в темном углу, слушал разговор следователя Соки с молодой женщиной.

Валя была американкой. В детстве она потеряла своих русских родителей и была удочерена американской парой. Она была христианкой и собиралась стать миссионеркой.

В Библейской школе, где Валя училась четыре года, она узнала от эмигранта, что в Советском Союзе у нее есть дядя в Минске. Она написала ему, получила ответ и поехала в Минск туристкой. Но ей не удалось увидеть своего дядю. Он умер.

Валентина не могла предвидеть своей причастности к судьбе дяди, о котором ничего не знала. Он был христианским проповедником и десять лет провел в тюрьме. Пока он был в тюрьме, его жена умерла. Дядя жил совершенно один. Время от времени он посещал баптистскую общину, обычно в дни больших праздников. Остаток своей жизни он работал на фабрике и неплохо зарабатывал.

Каждый день дядя много часов проводил в молитве. Но когда он обнаружил, что государство, вмешиваясь в дела церкви, сумело добиться ее разобщения, то отказался от нее и больше никогда не посещал собраний общины.

Честность и усердие этого человека привлекли внимание Ирины Солоковой, которая работала в исследовательском центре на фабрике. Она получила разрешение зачислить этого рабочего в исследовательский отдел и после этого пригласила его присоединиться к группе по изучению Библии. Но когда арестовали Ирину, КГБ начал каждый вечер вызывать его на допросы.

В это время он получил письмо от американской племянницы. В ответном письме он поделился с ней своим положением. Он, конечно, не имел представления, что КГБ будет изучать все его письма и в результате он и племянница окажутся в опасности.

После завершающего допроса, который ему пришлось перенести, он упал на колени у своей кровати и плакал, и молился, как никогда громко. Сосед услышал и постучал в его дверь. Старик перестал громко плакать. Так как дверь была приоткрыта, сосед вошел в комнату, чтобы узнать причину рыданий. Он нашел молящегося лежащим на полу. Старик был мертв.

Все это Валя узнала позже от соседа. И здесь она сделала ошибку: отдала соседу все вещи, которые привезла с собой для дяди — магнитофон, радио, бинокль, фотоаппарат. Вскоре ее арестовали.

Сейчас Младенов наблюдал за поведением американки. Она настаивала, чтобы об ее аресте сообщили в Посольство Соединенных Штатов.

Следователь Соки улыбнулся:

— Конечно, мы сделаем это! Но вы обвиняетесь в шпионаже. Поэтому ваш консул не сможет прийти, чтобы выручить вас.

— Разрешите мне написать письмо жениху. Он преподает в Библейской школе.

— Через неделю вы сможете обнять своего жениха, — заявил Соки, — если примете наши предложения.

(Несколько лет спустя Валя лично рассказав автору об этом случае и разрешила опубликовать ее рассказ).

Попытка завербовать Валу была сделана прежде всего потому, что она со своим будущим мужем намеревалась работать в одной из западных миссионерских организаций. Предполагалось, что они будут постоянно информировать КГБ о работе этих миссионерских групп, их взаимоотношениях с христианами России. В то же время ей собирались вручить компрометирующие документы на руководителей ряда миссионерских организаций, которые она должна была опубликовать в определенное время.

Валя решительно отказалась от такого предложения.

Тем временем Соки получил указание закончить ее дело как можно скорее и освободить девушку, чтобы западная пресса не узнала о ее задержании. Соки решил попытаться поймать ее в ловушку.

— Хорошо, Валя, — начал он. — Вы отказываетесь работать с нами. Я оставляю вас одну с этим человеком, — он показал на Младенова и вышел из комнаты.

Валя посмотрела в угол, где на корточках сидел Младенов. Он сразу не понял, что требовалось от него, и некоторое время оставался там.

Младенов был гомосексуалистом. Он ненавидел женщин, потому что они постоянно избегали и презирали его. В лечебнице все знали, что если Младенов закрывался в комнате с пациентом, то насилывал свою очередную жертву. Сейчас он был игрушкой в руках Соки, поэтому встал и медленно направился к столу.

— Это правда, американочка, что западные девочки теряют свою невинность в тринадцать лет? — спросил он с любопытством.

Уродство Младенова лишило Валу способности говорить. Наконец она сказала:

— Как это “теряют невинность”? О чем вы?

Младенов громко рассмеялся, схватил ее за блузку и поднял со стула. Валя сильно ударила его по руке и вырвалась.

— Как вам не стыдно? Вы гражданин коммунистической страны и такое себе позволяете? Где ваша коммунистическая мораль?

Младенов еще громче рассмеялся:

— Коммунистическая мораль? Ты, глупая коза, хочешь видеть мораль? Все методы хороши, если их использовать против врагов нашего порядка!

— Но я не враг вашего порядка, — сказала, задыхаясь, Валя, охваченная паникой.

Вдруг Младенов, казалось, успокоился. Он спросил ее:

— Представь себе, что я принадлежу к вашей христианской группе. Ты бы вышла за меня замуж?

Валя быстро собралась с силами и ответила:

— Ну конечно же, если на то Божья воля. Бог никого не презирает. Он любит каждого человека. Почему бы мне, христианке, не любить также и вас?

Младенов не ожидал такого ответа. Он внезапно смутился. Никогда раньше он такого не слышал. Никто не говорил с ним так. Но в этот момент он увидел в приоткрытую дверь угрожающий кулак Соки и взял себя в руки.

— Снимай брюки! — приказал он Вале. — Ты действуешь на нервы своими штанами. В нашей стране только проститутки несят брюки, чтобы лучше показывать свои прелести. Снимай, говорю!

На Вале лица не было, она не знала, что делать. Младенов схватил ее за пояс и стащил брюки до колен. Валя заплакала, оттолкнула его и начала звать на помощь. Он ударил ее кулаком в живот, она согнулась от боли. Младенов перехватил ее и согнул вдвое перед собой. Через несколько мгновений в растерянности он выпустил свою жертву.

Соки вошел в комнату и спросил:

— Что здесь происходит?

— Не получилось, — беспомощно проворчал Младенов. — Это впервые в моей жизни, честное слово! Я не понимаю. Она все время плакала и молила: “Господи, не допусти! Не допусти!” Я просто не мог переступить через это!

— Ничего! — засмеялся Соки. — Ты сделал свое дело, Младенов, и можешь идти. У меня есть несколько снимков.

Младенов ушел, окончательно сбитый с толку. Валя встала с пола, поспешно натянула и застегнула брюки.

— Пусть Бог простит вам ваши злодеяния! — только и смогла она произнести.

Во время борьбы с Младеновым она действительно молилась от глубины своего сердца и с верой впервые в своей жизни. Очевидно ее столкновение было победой Божьего могущества над извращенным человеком. Она возрадовалась и прославила Бога. “Не получилось!” — человек признал свое поражение в области, в которой никогда раньше не знал поражений. Однако на долю секунды Валя осознала, что была в руках людей, готовых на все. Впервые в ее жизни все, просто все было поставлено на карту. Или ее вера была бы утеряна или она углубилась бы и укрепилась, пустила бы глубокие корни в ее сердце. Что это была за победа! Для нее теперь Бог был реальностью. Он был так близок, что до Него можно было дотронуться. А что случилось бы, если бы Он допустил зло? Такой вопрос даже не возникал у нее в голове.

* * *

За время заключения Ирина делила камеру с разными людьми. Очень многих совершенно здоровых людей подвергали здесь электрошоковой терапии, пичкали психофармакологическими медикаментами.

Ирина содрогнулась, когда однажды ее сокамерницу принесли из комнаты дежурного Младенова и бросили на кровать без чувств. Ирина понимала, что однажды и с ней может случиться то же самое.

Мать Евдокия, ее сокамерница, была монахиней. В подобных заведениях ее держали несколько лет, потому что после ее освобождения из тюрьмы в 1965 году, она опять регулярно посещала церковь и опять читала своим многочисленным племянникам и племянницам из Библии. На этот раз после ареста ее поместили в психиатрическую лечебницу.

Растрепанная, почти без сознания, лежала она на кровати. Ее губы бормотали молитву на старославянском языке. Ирина села подле матушки и гладила ее, чтобы успокоить. Вдруг мать Евдокия начала громко плакать. Она всю жизнь хранила свою невинность и теперь жуткий позор просто разрывал ее сердце.

— Они покушались на мою честь... эти,.. эти... — она жаловалась, как обиженный ребенок. — Что я им сделала?

Она не могла успокоиться. Ирина мягко гладила ее и тихо молилась. Она хорошо понимала, что многие никогда не выйдут из этого ада.

Ирина все еще успокаивала Евдокию, когда увидела, что медик (его все называли Лема) вошел в камеру.

— Ну что, старушка не хочет принять свою судьбу? — спросил он тихо. Он также был бывшим заключенным, прихвостнем КГБ. Ирина пожала плечами и пошла к своей кровати.

Лема принес полную пригоршню таблеток и заставил мать Евдокию открыть рот и проглотить все таблетки. Матушка отказывалась, но он сильно придавил ей рот. Кровь побежала из ее губ. Евдокия сильно закашлялась. Три другие женщины в камере начали негодующе ворчать, но Лема посмотрел на них злым, стальным взглядом. Они быстро замолчали.

Когда Лема закончил с Евдокией, он подошел к Марии, молоденькой студентке, и гаркнул:

— Пошли со мной!

Мария покачала головой. Лема схватил ее за локоть и вышвырнул из камеры.

Ирина сидела на койке. Эти женщины нуждались в ее помощи. Ей просто необходимо было сделать что-то для них. Но что она могла сделать? Как их утешить? Ее саму могли потянуть в дежурную комнату, и какой-нибудь извращенец стал бы там издеваться над ней.

Что бы она делала? О, Боже, помоги мне выбраться из этого ада! Почему Ты не помог матери Евдокии? Может, Ты забыл о нас? Может быть, нет смысла и молиться в этой преисподней?

Вдруг она услышала страшные слова:

— Ирина Соколова! К шефу!

Ирина содрогнулась, но была вынуждена выполнять приказ.

Начальник отделения Осинник очень вежливо поздоровался с Ириной. Она изучающе посмотрела на него и спросила:

— Товарищ Осинник, вы знаете, что Мария — дочь моряка-капитана корабля, который часто бывает за границей?

Осинник посмотрел на нее с удивлением.

— Какое мне до этого дело? Я ее сюда не посылал, ты тоже. Мария должна искупить свою вину — она чрезмерно восхваляла американский образ жизни среди студентов. Ее отец виновен в

равной степени и когда он вернется, им тоже займутся. Ее увлечение Западом приобрело маниакальный характер. Садись!

Осинник показал ей место за столом напротив себя и начал читать “историю болезни”.

— Не знаю, что и думать, когда просматриваю твою историю болезни.

— Товарищ Осинник, — кротко ответила Ирина. — Я могу понять, что руководитель лечебницы, в прошлом дерматолог, не имеет представления о психиатрии. Но вы же специалист в этой области! И с первого взгляда вы можете убедиться, что вся эта так называемая история болезни и мое личное дело состряпаны в КГБ и что меня поместили в эту лечебницу, хотя я совершенно здорова. Но почему?

Осинник пожал плечами и ответил:

— Но как еще можно объяснить эту сумасшедшую идею о диалоге с партией, например. Соколова, я пытаюсь понять тебя, не хочу создавать тебе трудностей. Но в твоих записях так много нереальных и даже фантастических идей, что советский врач действительно вряд ли признает тебя умственно здоровой. Когда руководители западных религиозных движений проводят такие диалоги с коммунистами Европы, когда они пытаются флиртовать с нами, как Всемирный совет церквей и руководство баптистских церквей на Западе, то это не более, чем акт отчаяния. У них нет альтернативы. Западные богословы прекрасно знают, что у религии нет будущего и она доказала свой провал во всех сферах жизни. Поэтому они хватаются за любую соломинку, чтобы втереться в доверие к коммунистам. Цель — иметь теплое местечко, чтобы в будущем убежать туда. Эти эгоцентристы, поверь мне, Ирина, это совершенно очевидно, мерзкие эгоисты, которые, окажись они на тонущем корабле, думали бы только, как спасти свои собственные шкуры, сберечь личный авторитет и власть своих семей! Для них религия — только плацдарм для своих манипуляций другими и в то же время работа, чтобы зарабатывать на безбедную жизнь. Мы можем это понять. Но что касается тебя, то мы хотим на полпути к гибели остановить тебя, вывести из одурманенного состояния. Вы добиваетесь права пропагандировать свою религиозную деятельность наравне с коммунистами. Но если подумать — это же парадокс! Утопия! Абсурд! Этого никогда, никогда не будет! Мы делаем уступки богословам и поэтому по обоюдному согласию затягиваем агонию религии. Но мы

делаем это только до тех пор, пока такая тактика не создает угрозы для нашей идеологии и когда у нас будет возможность нанести в нужное время самый сокрушительный удар по пережиткам прошлого. А религия — пережиток прошлого, это все знают.

В глубокой задумчивости Ирина покачала головой и сказала:

— Скажите мне, товарищ Осинник, что делать нам, христианам, коль вы преследуете такие цели? О них ведь я знала и раньше, до того, как вы заявили о них?

— Послушай внимательно, Соколова! Рано или поздно мы убьем этот анахронизм! Ты должна выйти и уцелеть. Лучше сегодня, чем завтра! — он становился все более настойчивым и говорил с возрастающей страстью.

— Ну, хорошо, — сказала Ирина, оставшаяся равнодушной к его пылкой речи, — что же по-вашему случится с более чем пятьдесятю миллионами верующих в Советском Союзе?

— Мы вылечим их от этой болезни! Мы вылечим их средствами идеологического убеждения! И если этого будет недостаточно, мы будем вынуждены прибегнуть к репрессиям. Но поверь мне, Соколова, это будет вынужденная мера! Как хирургическое вмешательство. Наша главная цель — убедить каждого идти в том же направлении, в котором идет весь народ и принять коммунистическую идею всем сердцем! Он должен полюбить ее! Он должен бороться за нее! Он должен целиком отдать свою жизнь во имя коммунистических идеалов! Если бы мы достигли такого состояния, то верующие больше не нуждались бы в Боге! Поэтому наша Конституция позволяет свободу религиозных убеждений, если они не противоречат коммунистической идеологии. Это дает нам возможность положить конец религии гуманным путем. Верующий, приняв нашу идеологию, забудет сверхъестественный мир. Поэтому я умоляю тебя, Ирина, откажись от этой сумасбродной идеи. И тебя сразу же освободят.

Ирина поинтересовалась:

— А что вы сделаете с теми, которые, несмотря на ваше лечение и на коммунистическую идеологию, будут верить в Бога?

Осинник усмехнулся:

— Я гарантирую, что это будут только отдельные экземпляры и именно они будут помещены в психиатрические лечебницы.

В дверь постучали.

— Войдите! — сказал Осинник.

— Евдокия умерла. Лема запихнул ей таблетки и, наверное, перестарался! — сообщил дежурный врач.

— Ее вынесли из палаты?

— Да.

Доктор пошел к двери. Осинник забежал по комнате. Позвонил телефон. Он поднял трубку.

— Следователь Соки хочет поговорить с тобой, — сказал он Ирине.

Соки сидел за столом и с улыбкой разглядывал снимки.

— Ага, Соколова! Садись, — сказал он, даже не взглянув на нее. Он махнул рукой охраннику, показав, что тот может идти. Личное дело Ирины лежало на столе.

Соки резко спросил:

— Что ты знаешь о Саше Никитине?

— Он мой жених и друг, — ответила Ирина. — Более того, он тоже верующий. Мой брат во Христе.

— Гм-м-м! Скажи мне, а твоя вера позволяет брак между сестрой и братом?

— Он мне не брат, — объяснила Ирина. — Мы не состоим в родстве друг с другом.

Соки вручил ей письмо.

— Вот, прочти.

Это было письмо от жены Сеницына. Она писала: “Очень прошу вас позаботиться о благополучии Ирины Соколовой, так как она племянница моего покойного мужа. Сестра моего мужа Лена умерла в годы войны при родах. Двойня, которую она родила, осталась в живых. Сына отдали на попечение его отца, который в это время отбывал срок в тюрьме. Наталья Борисовна кормила дитя, потом вышла замуж за отца ребенка. Ее муж уже умер. Дочь отдали Владимиру Соколову, который доверил воспитание ребенка своему сыну. Эти факты не оставляют сомнения в том, что Ирина Соколова — моя родственница и я была бы вам глубоко обязана, если бы вы хорошо к ней относились. С наилучшими пожеланиями, Сеницына”.

Ирина положила письмо на стол. Она была настолько сбита с толку, что не могла произнести и слова. Но Соки не дал ей возможности подумать.

— Ты находишься здесь, Соколова, потому что, судя по этим фотографиям, у тебя патологически развито сексуальное влечение. Недавно мы арестовали американку-миссионерку, и тоже из-за

извращенного сексуального влечения. Это характеризует всех религиозных фанатиков или только некоторые имеют такие склонности?

Ирина покраснела и ответила:

— Гражданин следователь, я еще не имела интимной связи с мужчиной.

— Да? — оскалился следователь. — А как вы отнесетесь к этим фотокарточкам?

Он бросил ей снимки, которые к тому времени она уже несколько раз видела. Среди фотографий был и снимок американской девушки вкуче с Младеновым. Ирина внимательно рассмотрела эту фотографию и сказала сочувственно:

— А Младенов явно не выполнил предписанного ему задания! Пусть Бог сжалится над вами!

— Что? Где? На что ты смотришь? — Соки вырвал из ее рук фотографию и посмотрел на нее вблизи. Теперь он все понял...

— Младенов! — заорал он. Младенов стоял у двери и сразу же вошел. — Научи эту фанатку не лезть в чужие дела! А я выйду подышать свежим воздухом.

Он вышел из комнаты. Ирина улыбнулась Младенову дружелюбно и сказала:

— Теперь послушай меня внимательно... Ты прекрасно знаешь, что я верующая и не нарушала никаких законов. И в этой преисподней меня держат без всякой причины. Тебя, в свою очередь, используют для грязной работы. И когда ты больше им не понадобишься, они также избавятся от тебя.

— Заткни свой рот, ты... — грязно выругался Младенов, и продолжал рассматривать свою фотографию с американкой.

Ирина невозмутимо продолжала:

— Я знаю, как ты страдаешь из-за своей непривлекательной внешности. Но мы, верующие, не смотрим на то, как выглядит человек. Для нас важно, какое у него сердце. Если ты отдашь свою жизнь Иисусу Христу и будешь служить Ему, то обязательно найдешь женщину, которая полюбит тебя от всего сердца и станет тебе хорошей женой.

Младенов вытаращил на нее свои водянистые глаза и приказал, как робот:

— Снимай платье!

Ирина только улыбнулась и сказала:

— Когда ты угомонишься, Младенов? У тебя ничего не получится и в этот раз. Ты действительно хочешь бороться с Богом? Тот, Который в нас, сильнее того, кто в мире. Ты умрешь жалким, Младенов...

Он схватил ее за плечи, но через секунду уже лежал плашмя на полу, смотря широко открытыми глазами на Ирину.

Она спокойно села за стол и посмотрела ему в глаза.

— Послушай меня, Младенов! Слово Божье говорит, что тот, кто призвет Имя Господне, спасется. Кто имеет Бога в сердце — имеет жизнь, кто не имеет Его — не имеет жизни. Тот, кто не за Него, тот против Него. Твое сознание все еще гнетет тебя, потому что ты убил свою бабушку только за то, что она сказала тебе правду. Ты боишься, потому что ты некрасив, но ты не подумал, что в тебе содержится внутренний человек, который обманут. Твоя душа. Покайся во всех своих преступлениях, Младенов, и прими Иисуса Христа как своего личного Спасителя. Сделай это в этой мерзкой ситуации, в которой ты сейчас находишься. КГБ доведет тебя до могилы. Ты его жертва, ты кукла в руках сатанинской силы. Подумай об этом! Бог протягивает тебе руку и хочет помочь тебе.

Она встала, подошла к Младенову и протянула ему руку.

— Вставай! Прости меня за грубый удар. Тебе, наверное, очень больно?

Что-то необъяснимое творилось в душе Младенова. Если был кто-то на земле, кто не мог понять происходящего с ним, так это был он сам. Как-будто огромная глыба льда таяла в нем. “Что со мной происходит?” — удивлялся Младенов. Он взял руку Ирины. Ее твердая дружелюбная ладонь и уверенный голос вернули его в настоящее.

Он выпрямился и вдруг расплакался. Ирина положила руку ему на плечо и сказала:

— Поплачь! Слезы — это хорошо. Не стесняйся меня. Бог хочет получить твое сердце. Он сделает тебя счастливым человеком.

Следователь, войдя в комнату, остановился как вкопанный. Он не мог поверить своим глазам! Ирина и Младенов вместе стояли на коленях и молились! Когда они встали, Ирина сказала:

— Теперь ты мой брат, Младенов! Я горжусь и счастлива иметь такого брата!

26. ЭПИЛОГ

Илья Орлов, член международного отдела Всесоюзного совета, проповедовал в баптистском доме молитвы. Люба Серова и четверо ее детей, которых она недавно забрала из интерната, присутствовали в зале. Ее дети убедили маму пойти с ними на служение, на котором Орлов должен был рассказать о поездке в западные страны. Все внимательно слушали.

— Под руководством нашей коммунистической партии наша страна делает гигантские шаги к своему будущему, — сказал Орлов, — в недалеком прошлом наша партия смогла претворить в жизнь возвышенные идеалы, которые имеют величайшее значение для всего человечества, идеалы, которым учил Иисус. Пока западное христианство обсуждает христианскую этику, сама жизнь действует против них. Тем временем, наша коммунистическая партия строит общество, которое согласовывается с Царством Божиим в каждом аспекте жизни!

Светлана Серова легонько толкнула своего брата Игоря и прошептала ему на ухо:

— Если в Божьем Царстве действует такой же режим, как в Советском Союзе, то я лучше буду жариться в адском огне!

— Ш-ш-ш! — прошипел Игорь и перевел взгляд на мать. Она сидела, не двигаясь, но легкая улыбка играла в уголках ее губ.

Орлов продолжал:

— Шаг за шагом Советский Союз превращает вечные истины в реальность. Человечество освободилось от эксплуатации человека человеком. Каждый человек получает по своему труду. А в капиталистических странах люди живут как волки. У нас же человек человеку — друг, товарищ и брат. У нас все люди равны. Лживые слухи о нас распространялись в западных странах. Эти слухи — сплошной обман. Утверждают, что наше правительство отправляет совершенно здоровых людей в психиатрические лечебницы и что христиан преследуют за проповедь Евангелия. Наш священный долг отрицать эту ложь всей нашей жизнью. Миллионы людей на Западе понимают, что это постыдная ложь. Они верят нам и будут разоблачать лжецов. Никогда и никто не сидел в тюрьме лишь потому, что он христианин. Людей судили за действия, которые противоречили духу марксизма и прогрессу социализма. Осужденные заслуживали тюремного заключения. Мы граждане великой страны, и мы гордимся этим! И мы будем бороться всей нашей силой, чтобы каждый в на-

шей стране мог следовать идеалам коммунизма в полном единстве с партией, великой партией коммунистов!

Алеша Серов тихо встал и направился к выходу. Глаза матери следили за ним. Майор КГБ, который сидел рядом с Любой, наклонился к ней и прошептал:

— Похоже, что ваши дети перевоспитываются здесь быстрее, чем в интернате!

Но когда мальчик не вернулся сразу же, он заявил:

— Пойду посмотрю, что делает Алеша.

В голове у Алеши была полная неразбериха. Слова отца все еще звучали в ушах:

— Мы принесли в жертву четыре миллиона жизней, чтобы претворить в жизнь политику партии и нам нужно продолжать приносить в жертву мужчин и женщин. Но остается вопрос — стоило ли приносить в жертву эти миллионы жизней? На этот вопрос ответит поколение, которое будет жить в далеком будущем.

Неожиданно Алеша разрыдался. Боль, которую он почувствовал в сердце, могла найти выход только таким путем. Кто-то положил руку ему на плечо и поцеловал в лоб. Он сквозь слезы посмотрел вверх и увидел стоящую перед ним Ирину Соколову.

— Ирина! — закричал Алеша, преисполненный радости.

Он повернулся к девушке, спрятал свое лицо в ее одежде и еще сильнее зарыдал.

— Милая Ирина, — бормотал он сквозь слезы, — это не пастыри, это волки!

— О ком ты говоришь, Алеша? — спросила Ирина. Она быстро взяла его под руку и отвела в сторону.

— Человек, который только что вышел из Дома молитвы, офицер КГБ, — сказала она. — Я видела его однажды в доме твоего отца. Не хочется с ним встречаться!

Они повернули в соседнюю улицу. Ирина дала носовой платочек мальчику:

— Алеша, только сегодня утром меня освободили из психиатрического заведения, — объяснила она. — И первое, что я хотела сделать, это прославить Бога, но видно, мне это не удастся. Вот так я и встретила тебя! Расскажи мне быстро, как вы тут.

Алеша рассказал ей о смерти отца. Ирина, пораженная, слушала. Потом она поинтересовалась благополучием его матери, сестер и

брата. Как раз посреди их разговора Алеша вдруг остановился, посмотрел на нее с удивлением и сказал:

— Ирина, по-моему, в тюрьме ты стала еще красивее.

Ирина снисходительно засмеялась:

— Это только по-твоему, потому что ты еще не можешь пока делать таких сравнений. Не так давно ты даже не замечал таких вещей. Однако теперь ты становишься молодым мужчиной и начинаешь замечать красивых девушек, не так ли?

— Алеша, где ты? — послышался детский голос.

Ирина вздрогнула:

— Светлана? — спросила она.

Алеша кивнул.

— Ну, ладно, Алеша, — сказала Ирина, — тебе лучше сейчас вернуться. Я поймаю такси и поеду к папе. Вы все могли бы прийти ко мне завтра? Это было бы здорово!

Она поцеловала его в щеку и исчезла. Алеша побежал назад к Дому молитвы.

Почему Саша Никитин, Ирина и все их друзья были неожиданно освобождены из мест лишения свободы? Это было загадкой. Было ли это связано с тем, что материалы, свидетельствующие о том, что совершенно здоровые люди содержатся в тюрьме и психиатрических лечебницах, были изъяты у немецкой семьи на пропускном пункте в Бресте? Возможно, такие доказательства уже попали в западные страны? Записи Юрия Соколова о его дочери и Саше Никитине были среди конфискованных материалов.

Или это имело отношение к Синицыной? Возможно, она сдержала слово, данное мужу перед смертью? Никто не мог ответить на этот вопрос.

* * *

— Никитин! С вещами! — закричал охранник через смотровое окно камеры.

— Ну, браток, наконец тебя отправляют в лагерь, — сказал один из заключенных. В течение шести месяцев Сашу переводили из одной камеры в другую. Его перевод в постоянный лагерь все время откладывался по какой-то причине.

Вскоре дверь резко открыли. Охранник заорал:

— На выход!

Саша попрощался с заключенными в камере.

— Пока, ребята! Надеюсь, мы еще встретимся в лагерях!

Охранник провел Сашу в особый отдел, где его уже ожидали:

— Никитин, подпишите документ об освобождении!

Офицер вручил Саше постановление и показал, где нужно было подписаться. Саша был удивлен, что лишь молча написал свое имя.

— В каком вы родстве с Синицыной? — спросил надзиратель с нарочитой небрежностью, как о чем-то неважном.

— Она жена моего дяди, — ответил Саша, все еще не понимая ничего в этой ситуации.

— Понимаю, — пробормотал начальник. — У вас есть какие-нибудь жалобы на тюремную администрацию?

— Нет, — поспешно сказал Саша.

— Тогда, подпишите и это, пожалуйста.

Он дал Саше еще один лист бумаги. Он, Александр Никитин, должен был засвидетельствовать, что у него нет жалоб на управление тюрьмой и что он обязуется хранить молчание обо всем, что видел во время заключения.

Саша вдруг вспомнил Силича и быстро написал следующее предложение: “Я согласен молчать обо всем, что видел в тюрьме, если правительством реабилитируют Силича (посмертно) и предоставит его вдове и детям финансовую поддержку”. И подписался.

Надзиратель взял бумагу, быстро просмотрел ее текст и исчез в соседней комнате. Через двадцать минут появился начальник тюрьмы. Саша знал, что он был еврей, но полковник тщательно скрывал это обстоятельство. Заключение больше знают о своих начальниках, чем они о них.

— Скажи-ка мне, Никитин, ты что, рехнулся? — закричал полковник. — Что ты здесь написал? Ты что хочешь вернуться назад, в камеру?

— Товарищ полковник, — спокойно ответил Саша. — Я уже подписал свой документ об освобождении. Разрешите мне идти.

— Я тебя опять брошу в камеру! — не унимался полковник.

— Товарищ полковник, в вашем доме растут четверо здоровых детей. Один из них когда-то захочет выехать в Израиль. Вдова Силича тоже имеет детей — их пятеро — и они потеряли своего отца. Она не может найти работу. И все это только потому, что они выразили желание уехать в Израиль, в землю праотцов.

Саша больше ничего не сказал, так как полковник вдруг стал очень тихим и замкнутым. Не сказав больше ни слова, он повернулся на каблуках и вышел.

Надзиратель появился опять, вручил Саше документы и молча провел его к пропускному пункту на выходе.

Вдруг по коридору тюрьмы зазвенела песня: “Я свободен! Слава Тебе, Господь! Я свободен! Слава Тебе, Господь! Я свободен и иду домой!”

Это пели люди, заполнявшие сырую, грязную камеру пересыльной тюрьмы до краев. Мужчины, которые все еще ожидали, чтобы их перевели в лагерь, где им “позволят” строить социализм, пели для счастливого Саши! Десятки глаз провожали его с непреодолимой тоской по дому и явной завистью.

Около половины заключенных знали, что они находились в тюрьме не потому, что совершили какое-то преступление. Часто их проступки были столь незначительны, что в других странах стали бы предлогом для общественного порицания, но никак не тюремного заключения. Эти люди знали, что они стали жертвами очередного пятилетнего плана, требовавшего дешевой армии рабочих и рапорта о досрочном выполнении.

Кто-то позвал:

— Саша!

Саша повернулся, но его уже кто-то обнимал, поднимал над землей и кружил.

— Гусак! — закричал Саша, полный радости.

Гусев отсидел свой срок и его освободили раньше Саши.

— Откуда ты узнал, что я освобождаюсь сегодня? — спросил удивленный Саша.

— Нужно иметь связи! — самодовольно заметил Николай. — Начальник имеет водителя. Он вольнонаемный. Я случайно встретил его у кабинета начальника и он мне сказал об этом. А мы с ним сидели в Тайшете.

— Хочу побыстрее сообщить маме, — перебил его Саша.

— Я уже послал ей телеграмму и сообщил, что завтра ты прилетаешь самолетом. Я уже купил и билеты на самолет!

— Билеты на самолет? — Саша просто не мог справиться со своим удивлением. Он удивился этому больше, чем проворству Гусева, который заблаговременно обзавелся адресом Никитиных.

— Хочу составить тебе компанию, Саша, — сказал Гусев.

Саша с благодарностью обнял своего брата во Христе, который теперь стал также и его другом. Он положил руку ему на плечо и вместе они бросили последний взгляд на тюремный комплекс. Четырехметровый забор скрывал тюремные бараки от глаз прохожих.

Саша вздохнул:

— Ничего этого не случилось бы, — сказал он, — если бы наше правительство было готово отказаться от моноидеологии, которая ничего не дает людям, кроме несчастья.

* * *

Профессор Кузнецов и его жена Нора ожидали у ворот психиатрической лечебницы Черняховска. Высокопоставленный начальник позвонил профессору и сообщил, что его сына освобождают. От профессора требовалась подписка, что он и его сын будут хранить молчание обо всем, что случилось.

Они с нетерпением ожидали Василия. Ворота открылись и три молодых человека сделали шаг навстречу свободе: Василий, Семен Анакин и Валентин Релин. Василий подошел к своим родителям и поздоровался. Отец обнял Василия молча, его глаза увлажнились. Нора тихо плакала. Василий взял мать за руку:

— Мама, ты совсем другая, — прошептал он ей на ухо.

— Да, многое изменилось, — ответила она. Глаза ее лучились радостью.

Василий кивнул в сторону своих друзей.

— Я раньше вас с ними знакомил.

Молодые люди подошли и поздоровались с Кузнецовым.

Василий еще раз обернулся и посмотрел на бараки, где содержались душевно больные люди:

— Как много вполне здоровых людей заключены навеки в этой преисподней! — сказал он. — И никто не может ничего с этим поделать! Патриархат должен заявить протест против такого беззакония! Оно вопиет к небу! Но нет! Они все дрожат от страха и прикусили языки!

— Но ваш патриархат не боится протестовать против расовой дискриминации в Соединенных Штатах, — сказала мать. — К тому же они посылают деньги своим единомышленникам за границей для подготовки революции!

— О, вот что ты теперь знаешь! — сказал Василий, удивленный словами матери. Ведь раньше она вообще не интересовалась такими делами.

— Давайте, дорогие, садитесь, — отец показал на стоящий вблизи автомобиль. — Я приехал на служебной машине, — объяснил он, заметив вопросительный взгляд сына. Василий знал, что его отец не любил водить автомобиль.

— Полушкин умер, — сказал Василий, когда машина тронулась. — Эти садисты отравили его.

Все вопросительно посмотрели на него, так как никто в машине не знал Полушкина. Но Василий не хотел больше говорить и устало закрыл глаза.

* * *

Чем ближе такси было к дому отца, тем беспокойнее становилась Ирина. Она почти год провела в психиатрической лечебнице и все это время не имела никаких известий об отце. Она даже не знала, что с ним. Он так и не смог добиться разрешения на свидание.

Ирина сунула последнюю десятирублевку водителю и побежала к дому. Двор был чисто подметен, но никого нигде не было видно.

Ирина постучала в дверь. Никакого ответа. Она подумала, улыбнулась и побежала в сарай. Там, в условленном месте, между балками, лежал ключ. Они всегда там хранили запасной ключ на случай, если кто-то забудет или потеряет свой.

Ирина открыла дверь, сердце ее стучало, она вошла в прихожую, открыла дверь в кухню. На столе увидела пельмени, готовые к варке. Она тихо закрыла дверь и на цыпочках пробралась в свою комнату. Здесь все было в абсолютном порядке, постель заправлена и ее Библия лежала на тумбочке.

Вдруг она услышала шум и быстро спряталась за дверь. Через щель в двери она увидела, как ее отец прошел на кухню.

Вообще-то она хотела сделать сюрприз своему отцу, собиралась подождать, пока он приготовит обед и сядет есть. Но она не могла так долго ждать! Она рывком открыла дверь, вбежала в кухню и бросилась отцу на шею.

— Папа! Папочка! Я так за тобой соскучилась!

Несколько секунд он стоял без движения. Потом подхватил Ирину и закружил ее по комнате, как он делал, когда она была еще маленькой девочкой.

— Как ты поседел, папа!

— А ты ничуть не изменилась. Нет, ты даже лучше выглядишь, — они говорили, говорили и не видели, как бежало время.

— Подожди минуту, — внезапно сказал Соколов, посмотрев на часы. — Через полчаса к нам придут люди, а обед еще не готов!

— О, у тебя будут гости? Папа, я помогу тебе!

Возбуждение Ирины нарастало. Какая радость иметь гостей! Теперь все было в прошлом. Ирина чувствовала себя на седьмом небе.

Но вдруг ее как ножом полоснули по сердцу. Как будто кто-то закрыл солнечный свет на минуту. Она содрогнулась.

— Я хочу спросить у тебя, папа, — она больше не могла ждать.

Соколов вопросительно посмотрел на дочь.

— Что такое?

— Почему ты никогда мне не говорил, что ты не настоящий мой отец?

Хорошо. Теперь все было открыто, но Ирина чувствовала себя такой несчастной!

Отец заинтересовано посмотрел на нее:

— Давай пойдем ко мне в кабинет.

Он обнял ее за плечи и повел с собой. Это было важно. Пельмени подождут.

— Что люди тебе сказали, Ирина? Скажи мне все до того, как придут наши гости.

Ирина рассказала ему о письме Синицыной. Соколов внимательно выслушал, потом рассмеялся:

— Что они должны были сделать с тобой в сумасшедшем доме, чтобы ты задавала мне такие вопросы! Слушай, Синицына не могла написать такое письмо. Чекисты просто хотели смутить тебя. Они сказали тебе неправду, дитя мое. Я не только твой отец, но и твоя мать тоже жива.

При этом глаза Ирины округлились. Этого было слишком много для одного раза.

— Ты не хочешь сказать всю правду, папа? Пожалуйста, расскажи мне все, ничего не тая от меня!

Юрий рассказал ей о Наташе. Слезы бежали по лицу Ирины, когда она с затаенным дыханием слушала эту удивительную историю. Долго она ничего не говорила.

— Это значит, — наконец сказала ота так тихо, что ее голоса почти не было слышно, — что Саша не мой брат? И что его мать в действительности моя мама?

Она вся дрожала от восторга. Отец положил ей на плечи успокаивающую руку.

— Это звучит странно, Ирина, но это совершенная правда, — сказал он. Но у него не хватило смелости сообщить ей, что скоро Наталья и Саша будут стоять у их входной двери. И совершенно точно, кто-то уже стоял и стучал у входной двери. Наталья, Саша и Гусев вошли в дом.

Наталья вскрикнула: “Ирину освободили!” и вихрем помчалась в кабинет. Ирина вскочила с дивана. Две женщины стояли лицом друг к другу. Наташа протянула дрожащие руки к дочери. Ирина исчезла в ее объятиях: “Мама, моя мамочка!”

Юрий Владимирович и Саша провели их к дивану. Юрий быстро сделал Наташе укол, так как она была близка к обмороку. Он постоянно сравнивал двух женщин — мать и дочь. Как они похожи друг на друга! Он не мог понять, как Наташа, которая несколько раз видела Ирину, не догадалась обо всем. Ирина тихо поглаживала руку своей матери.

После укола Наташе стало лучше. Она обняла свою дочь. Мужчины вышли из комнаты, уже давно пора было готовить пельмени!

Юрий выглянул в окно. Домашнюю работу он оставил на молодых мужчин. Лишь когда обед был готов и стол накрыт, он вернулся к женщинам. Они сидели рядом, восторженно разговаривая и плача. Оказалось, что они забыли, где находятся. Им так много нужно было рассказать друг другу. Так много всего произошло — так много хорошего, важного, но также и принесшего боль. Как они могли так долго жить брэг без друга? Как-будто прорвалась плотина. И поток сдерживаемых чувств унес их с собой.

Несколько минут Юрий Владимирович нерешительно стоял и слушал. Потом он сел возле них, вежливо покашлял и сказал Ирине:

— Доченька, могу ли я тебя просить о руке твоей мамы? Я бы хотел, чтобы она стала моей женой.

Ему удалось с этим справиться, немного неуклюже, но это был такой же старый добрый Юрий Соколов. Ирина вообще перестала что-то понимать. Она крепко обняла его:

— Теперь я уже никогда не позволю никому из вас уйти, слышите? — она была в состоянии высшего блаженства.

Отец прикоснулся к ней, чтобы успокоить ее, и сказал:

— Сегодня мы ведем себя как дети, но мы должны поблагодарить Бога за то, что Он собрал нас всех вместе.

Ирина подумала, что сердце у нее сейчас остановится.

— Ты стал верующим, папа?

— Да, родная, можно так сказать.

Горячая благодарность вознеслась к небу из дома Соколовых. Собравшиеся воздали благодарность Богу за то, что Он опять их привел друг к другу и за всю Его милость в прошлом. Они также просили Его благословения на будущее.

Уже давно пельмени остыли, но никто не хотел есть. Только телефонный звонок напомнил им, что пришло время обедать.

— Это тебя, Ирина, — сказал Юрий Владимирович.

Ирина подошла к телефону.

— Соколова, — сказала она, называя себя.

— Ирина, это Младенов, — послышался голос на другом конце трубки. — Я слышал, что тебя освободили и решил связаться с тобой.

— Где ты сейчас, Младенов? Я все медиков спрашивала о тебе.

— После того, как я покаялся и обратился к Богу, они хотели вернуть меня назад в психиатричку. Ведь я же много знаю об их методах. Они велели мне отказаться от моей веры, но я не мог этого сделать. Я спросил совета. Мне посоветовали прикинуться, что я отказываюсь от веры, но продолжать верить в своем сердце. Но ты знаешь, я не могу такого сделать!

— О, этого достаточно, чтобы довести до слез! — выпалила Ирина. — Что за идиот дал тебе такой совет? Ты видел многих христиан, замученных до смерти. Ты видел их собственными глазами. И несмотря на это они остались верными Господу до самого конца! Послушай, Младенов, где ты сейчас?

— Я в Минске, прячусь у одной знакомой женщины. Она — оператор на телефонной станции и сейчас на работе. Это — безнадежный случай, так как она дополнительно подрабатывает на жизнь проституцией, — объяснил Младенов.

— Дай мне свой адрес! — властно потребовала Ирина. Она опять становилась собой, активной и энергичной Ириной.

С адресом Младенова в руке она объяснила семье ситуацию. Отец медленно кивнул и сказал:

— Помолись о Младенове. А я поеду и заберу его.

— Папа, а они не прослушивают твой телефон?

Юрий Владимирович помчался. Чтобы сократить путь, он ехал напрямик, по маленьким узким улочкам Минска. Он молился, чтобы милиция не остановила его за превышение скорости. Как только он въехал во двор многоквартирного дома, то заметил, как “Волга” выехала на большой скорости со двора.

Юрий поспешил в дом, побежал вверх по ступенькам. Дверь поддалась его весу, открылась и он влетел в квартиру вместе с дверью, встал и... отшатнулся в ужасе. Перед ним покачивались ноги Младенова. Соколов схватил его за ноги и поднял тело. С облегчением он вспомнил, что у него есть карманный нож. Одной рукой он поддерживал тело Младенова, а другой рылся в кармане в поисках ножа. Вот он! Он вынул лезвие из ручки зубами и разрезал бельевую веревку, на которой висел Младенов. Потом осторожно положил бедного парня на пол.

Юрий Владимирович нащупал пульс Младенова, осмотрел петлю и даже улыбнулся: “Эти дураки, ничего не могут сделать правильно! В спешке они завязали петлю, не убрав уже существующую”.

Соколов выглянул за дверь и тщательно посмотрел в обе стороны. Никого не было видно. Он опять закрыл дверь и принялся за оживление Младенова. Когда тот, наконец, открыл глаза, Соколов подхватил его и усадил на стул.

— Тебе повезло, Младенов. В точке пересечения у бельевой веревки был узел. И поэтому петля не затянулась на шею. Кроме того, кто же вешается, затягивая веревку поверх воротника?

— Они повесили меня, — задыхаясь, сказал Младенов, — после того, как заставили меня подписать эту чепуху.

Он вытащил лист бумаги из кармана. Юрий прочел:

— “Ирина, я решил расстаться с жизнью. Я знаю, ты никогда не полюбишь такого уroda. Младенов”.

Юрий положил лист в карман и вывел шатающегося Младенова из квартиры. Они оставили дверь приоткрытой на случай, если хозяйка вернется домой. Соколов помог Младенову сесть и они уехали.

* * *

Большая группа людей собралась в новом доме близ Одессы, куда после освобождения Ирины переехали Соколовы. Семья собралась на праздник. Ирина выходила замуж за Сашу Никитина, а отец

Ирины женился на Наталье Никитиной, урожденной Борисовой. Баптистский проповедник Клим из Сибири проводил церемонию венчания. Все присутствующие служители благословляли две пары новобрачных возложением рук.

Василий Кузнецов и его родители, Полевой из Сибири, профессор Никифоров и его жена Надежда, старый Лупа, Елена Лобова (бывший секретарь райкома комсомола, которая обратилась к Богу вместе со своим женихом) — все сидели за длинным столом, тихо разговаривая перед началом пира.

Владимир Соколов, пожилой человек, выглядел усталым. Но прежний огонь горел в его глазах и легко было увидеть, что он преисполнен радости. Он сидел во главе стола со своей женой Пелагеей. Молчал. То ли он не был достаточно силен, то ли чувствовал, что уже достаточно наговорился. Он оглядывался вокруг, как бы говоря:

— Теперь ваша очередь. Скажите что-то благоразумное!

Младенцов был на седьмом небе. Наконец-то он был принят и с ним обращались, как с равным. Никто не уходил от него. Никто не обращался снисходительно. Опять и опять кто-нибудь из группы пытался вовлечь его в разговор.

Инженер Бойко вполголоса разговаривал с профессором Кузнецовым. Бедный Неверов меланхолично сидел рядом со своей женой. Она решила порвать с КГБ, но встретилась с непреодолимыми трудностями. В КГБ “убедили” ее, что она своей деятельностью не причинила верующим большого вреда. Она пришла к выводу, что выполняла библейские наставления повиноваться правительству. Ее мужа освободили из тюрьмы. Но бедный человек невыразимо страдал из-за ее предательского поведения.

Наконец прибыли Юрий Соколов, Наталья с Ниной и Алешей Серовыми. Все встали и запели радостную свадебную песню, и во время пения Саша и Ирина вошли в комнату. Светлана и Игорь Серовы несли фату невесты. Владимир Соколов вытер слезы.

Потом Клим попросил присутствующих сесть на свои места и сказал несколько слов наставления двум парам, предложил им стать на колени. Потом он попросил всех присутствующих служителей выйти наперед. Василий Кузнецов, Полевой, Релин и Семен Анакин вышли.

— Я также прошу дедушку Соколова и нашего брата Лупу присоединиться к нам, — сказал Клим.

Все возложили руки на венчающихся и произнесли короткую молитву. Старый Соколов и Лупа плакали. После этого Клим разрешил двум парам встать и объявил: “Перед всеми свидетелями я объявляю вас, Юрий Соколов и Наталья Никитина мужем и женой. Что Бог сочтет, того человек да не разлучает. Так же и вас, Александр Никитин и Ирина Соколова я объявляю мужем и женой. А теперь я прошу родственников и друзей новобрачных поздравить их!

Празднование длилось до поздней ночи. Много историй было рассказано, печальных и веселых, потому что не так легко было сбросить груз недавних болезненных событий. Одно было понятно каждому — диалог между христианами и коммунистами не состоялся.

Василий сказал:

— Иисус Христос не поручал Своим последователям беседовать с врагами Евангелия, но провозглашать благую весть. Это провозглашение выдержало темные времена средневековья, времена национал-социализма. Оно переживет и безбожный коммунизм. Мы должны оставаться верными. Возможно, нам придется вернуться в психиатрические клиники и тюрьмы. Ну и что? Мы должны уметь отказаться от жизни во имя Иисуса. Давайте же споем прекрасную песню “За единство веры Божье, за Христа мы постоим. Следуя Его примеру, все вперед, вперед за Ним!” Те, кто за Христа и Его царство, встаньте и вместе споем этот гимн!

Валентина Неверова оказалась в неопределенной ситуации. Что же ей было делать? Наконец она также собралась, встала вместе со всеми и спела гимн с высоко поднятой головой. Люба Серова пела со слезами на глазах. Младенцов пел громче всех, очень вдохновенно. Верующие держали друг друга за руки.

Окна дома были широко открыты и ветер уносил их песню далеко в ночь. Прохожие останавливались и слушали.

СОДЕРЖАНИЕ

1. Поезд из Киева	5
2. “Летающий динамит”	13
3. Нападение	26
4. Открытие	34
5. Арест	41
6. Соколовы	49
7. Подозрения	56
8. Секретная командировка	63
9. Подпись	71
10. Библия для всех	80
11. Подготовка к диалогу	89
12. Тайные станки	99
13. Молодежное собрание	112
14. Покушение	124
15. Рябушин	130
16. Откровение коптского священника	142
17. В Лефортово	149
18. Разоблачение	157
19. Письмо из Парижа	162
20. Новичок в камере	166
21. Резидент в Эритрее	175
22. Судовое испытание	181
23. Карты	189
24. Неожиданные встречи	201
25. Психиатрическое лечение: советский стиль	213
26. Эпилог	225